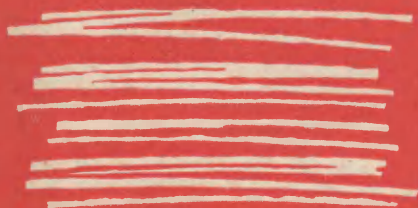

4
T-37

Мемради

переводчика

1970

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

*Под редакцией доктора филологических наук
профессора Л. С. БАРХУДАРОВА*

И з д а т е л ь с т в о
«Международные отношения»
Москва 1970 .

Ученые записки № 7

Сборник издается на общественных началах

. Редакционная коллегия:

**Л. С. Бархударов, В. Г. Гак (отв. ред.), А. В. Кунин,
В. И. Тархов, Г. Я. Туровер, М. Я. Цвиллинг**

І. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В. И. ЛЕНИНА

(Из переводческой практики В. И. Ленина)

А. Кононюк
(Киев)

ПЕРЕВОД В. И. ЛЕНИНЫМ НЕКОТОРЫХ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

(На материале перевода книги С. и Б. Вебб *"Industrial Democracy"*)

Находясь в ссылке, в Шушенском, В. И. Ленин с помощью Н. К. Крупской перевел на русский язык в 1898 г. первый том книги *"Industrial Democracy"*, написанной известными английскими общественными деятелями С. и Б. Вебб, и редактировал в 1899—1900 гг. перевод второго тома, сделанный Е. Смирновым (Гуревичем). По свидетельству Н. К. Крупской, перевод Гуревича был настолько плох, что В. И. Ленину пришлось переводить второй том «почти заново»¹. Несмотря на то, что В. И. Ленин был лишен возможности пользоваться библиотеками и не имел под рукой необходимых словарей и пособий, книга была переведена поразительно быстро: работа над первым томом (его объем — около 30 печатных листов) продолжалась с начала марта до середины августа 1898 г., а работа над вторым (более 29 печатных листов) — с начала сентября 1899 г. примерно до мая 1900 г. Современники дали высокую оценку ленинскому переводу². Велико его значение и в наше время.

В этом обширном труде С. и Б. Вебб рассматривают строение и функции английских тред-юнионов, а также вопросы теории тред-юнионизма. Авторы широко используют в книге общественно-политическую лексику, в особенности политэкономические термины и профессионализмы, относящиеся к английскому профессиональному рабочему движению.

Русская политэкономическая терминология начала распространяться в русском литературном языке в первой половине XIX в.³,

¹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 55, стр. 414.

² См. «Образование». СПб., 1900 г., № 1, стр. 83; «Русская мысль». М., 1899, кн. XII, стр. 464; «Жизнь». СПб., 1900, т. 3, стр. 354.

³ См. А. И. Ефимов. История русского литературного языка. М., 1961, стр. 240.

однако из-за ее неразработанности даже такой выдающийся марксист, как Г. В. Плеханов, употреблял в своем переводе «Манифеста Коммунистической партии» русские термины, которые не являлись точными эквивалентами терминов, встречающихся в этой работе Маркса и Энгельса⁴.

Кроме объективных причин такой неадекватности переводов (неразработанность русской общественно-политической терминологии, нерешенность теоретических проблем перевода терминологической лексики, отсутствие в английских источниках определений для многих терминируемых понятий, отсутствие русских эквивалентов для ряда английских терминов), были также причины субъективные (влияние идеологических воззрений переводчиков, неглубокое знание ими как предмета перевода, так и языков, родного и иностранного, несерьезное отношение к делу многих из них).

В. И. Ленин несколько раз высказывался по поводу низкого качества многих русских переводов. «Беда с этими русскими переводами!»⁵ — пишет он в 1901 г., приводя вопиющие ошибки, обнаруженные им в одном переводе. Не улучшилось качество переводов и спустя полтора десятка лет, поэтому Владимир Ильич вынужден был давать собственный перевод отрывков из немецких произведений, уже переведенных на русский язык: «Нам придется переводить цитаты с немецких оригиналов, потому что русские переводы, при всей их многочисленности, большей частью либо неполны, либо сделаны крайне неудовлетворительно»⁶.

Для всех терминов, которые будут рассмотрены ниже, в русском языке конца XIX в. еще не были созданы общепринятые эквиваленты, в результате чего один и тот же английский термин нередко переводился множеством неточных вариантов⁷. Нередко английские

⁴ Как пишет И. И. Пре́йс в своей работе «Манифест Коммунистической партии» в русских переводах» («Вестник АН СССР», 1948 г., № 2, стр. 46), Г. В. Плеханов употреблял термины *рабочая плата* (вместо *заработная плата*), *излишнее производство* (вместо *перепроизводство*).

⁵ В. И. Ле́нин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 150.

⁶ В. И. Ле́нин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 6.

⁷ Эквиваленты этих терминов отсутствовали в наиболее полных для того времени англо-русских словарях (А. А лександров. Полный англо-русский словарь. Изд. 2-й СПб., 1891; Ch. P h. R e i f f. New parallel dictionaries of the Russian, French, German and English languages. English part. 3-d ed. Karlsruhe, 1874, а также в словаре, включенном в «Практическую грамматику английского языка» (автор Л. М. Нурок, изд. 8, СПб., 1897), которой пользовался В. И. Ленин в ссылке. Заимствования этих терминов не были зафиксированы ни в одном словаре иностранных слов, вошедших в русский язык (И. Ф. Бу́рдон, А. Д. Ми́хельсон. Полный словарь иностранных слов. Изд. 8. СПб.—М., 1894; Н. Ду́б-

термины переносились в русские тексты в неизменной графической форме. Вследствие всего этого В. И. Ленин не мог использовать в своей работе над переводом книги С. и Б. Вебб те немногочисленные отечественные произведения⁸, а также переводы с английского⁹, немецкого¹⁰ и французского¹¹ языков, в которых делались попытки передачи содержания соответствующих английских терминов.

Кроме того, на основании просмотра отечественной и переводной политэкономической литературы можно утверждать, что несколько терминов были впервые переведены на русский язык В. И. Лениным.

Таким образом, в процессе перевода книги С. и Б. Вебб перед В. И. Лениным возникла задача — средствами русского языка точно выразить содержание тех английских терминов и профессионализмов, удовлетворительные эквиваленты которых в русском языке еще не были созданы.

Советские ученые подчеркивают, что Маркс, Энгельс и Ленин обращали большое внимание на научность и четкость формулировок, точность и правильность политической терминологии, на популярное истолкование терминов, встречающихся в их работах¹². «Полити-

ровский. Полный толковый словарь всех иностранных слов. Изд. 15. М., 1897; Карташев и Бельский. Новый словотолкователь. Изд. 8. М., 1887—1888; Мартыновский и Ковалевский. Новейший полный словотолкователь и объяснитель 150 000 иностранных слов. Изд. 3. М., 1894; «Словарь иностранных слов». Составлен под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1894 и др.).

⁸ Н. Водовозов. Экономические этюды. М., 1897; В. Святловский. Л. Брентано. М., 1896; М. И. Туган-Барановский. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПб., 1894; И. И. Янжул. Очерки и исследования. Т. II. М., 1884.

⁹ С. Вебб, Г. Кокс. Восьмичасовой рабочий день. Пер. с англ. М., 1893; В. Джевонс. Краткое руководство политической экономии. Пер. с англ. СПб., 1897; Торнтон. Труд. Пер. с англ. СПб., 1870; Фаусетт. Популярная политическая экономия. Пер. с англ. СПб., 1895; Г. Джордж. Прогресс и бедность. Пер. с англ. 1896.

¹⁰ «Промышленность». Пер. с нем. М., 1896; Ф. Ланге. Рабочий вопрос. Пер. с нем. Изд. 2. СПб., 1895; Г. Шенберг. Положение труда в промышленности. Пер. с нем. М., 1896.

¹¹ Граф Парижский. Рабочие союзы в Англии. Пер. с фр. СПб., 1871; Э. Магайм. Профессиональные рабочие союзы. Пер. с фр. СПб., 1895.

¹² Об этом, в частности, пишут: А. И. Дробинский. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и энциклопедическая литература. М., 1958; А. И. Вирковская. Общественно-политическая лексика работы В. И. Ленина «Что делать?». Автореферат канд. дисс. Минск, 1955; Е. М. Рыт. Ленин о языке и язык Ленина. М., 1936.

ческий термин, — пишет Б. Ардентов¹³, — не просто название общественного явления: в нем содержится также и указание существенных признаков в этом явлении, а одновременно — и его политическая оценка». Поэтому наполнение термина ошибочным содержанием, извращение его значения может привести массы «к неправильному пониманию действительности, к ошибочной ориентировке в политических событиях».

Специфика общественно-политической терминологии, наиболее массовой и в то же время классовой, обуславливает необходимость учета ряда факторов в процессе перевода. Создание русских соответствий для иноязычных общественно-политических терминов является творческим процессом, основывающимся на марксистско-ленинской методологии.

Высказывания классиков марксизма-ленинизма о переводе, а также анализ их собственной переводческой и редакторской (в области перевода) деятельности позволяют определить те требования, которые они предъявляют к переводу общественно-политических терминов. Ф. Энгельс подчеркивает, что 1) в перевод нужно включать только безусловно «необходимые», «общепринятые» заимствования¹⁴, 2) немецкие термины-неологизмы, созданные Марксом, «требуют создания соответствующих новых английских терминов»¹⁵, 3) термин, выражающий основное понятие, «категорию», нужно переводить одним и тем же термином (Энгельс критикует английского переводчика Д. Бродхауса за перевод термина *Arbeitszeit* четырьмя английскими вариантами¹⁶); 4) термин должен быть кратким и понятным, только в этом случае он запечатлевается в сознании масс и становится лозунгом¹⁷.

Советские и зарубежные ученые отмечают, что В. И. Ленин уделял особое внимание вопросам адекватности перевода политико-экономических терминов — одной из важнейших переводческих проблем того времени. Многие исследователи переводческой деятельности В. И. Ленина (О. Браун¹⁸, И. И. Прейс¹⁹,

¹³ Б. Ардентов. В. И. Ленин и некоторые проблемы лингвистики. В сб.: «В. И. Ленин и вопросы филологии и эстетики». Кишинев, 1957, стр. 52.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2, т. 19, стр. 322.

¹⁵ Там же, т. 21, стр. 238.

¹⁶ Там же.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2, т. 22, стр. 229.

¹⁸ O. Braun. Die Klassiker des Marxismus zu Fragen der Übersetzung. O. Braun, H. Raab. Beiträge zur Theorie der Übersetzung. Heft 15, 1959.

¹⁹ См. И. И. Прейс. «Манифест Коммунистической партии» в русских переводах.

Е. М. Рыт²⁰, Г. П. Сердюченко²¹, А. В. Федоров²² и др.) подчеркивают, что Ленин 1) неустанно боролся с любыми искажениями классовой сущности общественно-политических, особенно марксистских, терминов при переводе их на русский язык; 2) добивался выразительной и ясной передачи понятийного содержания переводимых терминов; 3) не удовлетворяясь нечеткой или неточной, по его мнению, формулировкой русского соответствия иноязычного термина, изменял ее до тех пор, пока не находил полновесное, точное слово или словосочетание; 4) заботливо разъяснял употребляемые им заимствования, добиваясь, чтобы они стали понятными широким массам; 5) не выступал против заимствования действительно незаменимых иноязычных терминов.

Основным выводом, вытекающим из высказываний В. И. Ленина о переводе терминов, является то, что искаженная или неточная передача классовой сущности понятия, выражаемого общественно-политическим термином, ведет к дезориентации масс.

Выделение терминологической лексики, употребленной в книге С. и Б. Вебб, проведено на основе понятийных признаков, так как до настоящего времени не разработаны объективные лингвистические критерии выделения терминологической лексики из всей совокупности лексики²³. Вследствие того, что адекватность перевода терминов зависит от правильного определения степени соответствия между семантикой английской терминологической единицы и содержанием соответствующего понятия, а также от точности передачи содержания понятия средствами русского языка, представляется целесообразным классифицировать безэквивалентную терминологическую лексику, подлежащую анализу по степени мотивированности.

Под мотивированностью термина понимается выражение в нем с помощью лексического материала наиболее существенных признаков, характеризующих соответствующий предмет. Эти признаки отождествляются иногда с научным понятием о соответствующем предмете²⁴.

²⁰ См. Е. М. Рыт. Ленин о языке и язык Ленина.

²¹ См. Г. П. Сердюченко. Маркс, Энгельс, Ленин по вопросам перевода «Литературный Ростов», кн. 4, Ростов н/Д., 1939.

²² А. В. Федоров. Основы общей теории перевода. Изд. 3. М., 1968.

²³ См. Е. Д. Коновалова. Сопоставительный этимологический и контекстуальный анализ термина и обиходного слова в английском языке. Канд. дисс. Л., 1964; Л. Г. Кравец. Именные словосочетания в английских специальных текстах. (К проблеме выделения терминологической лексики). Канд. дисс. М., 1964.

²⁴ См. Э. Ф. Скороходько. Вопросы перевода английской технической литературы. (Перевод терминов). Изд. 2. Киев, 1963, стр. 7, 9.

1. ПЕРЕВОД ПОЛНОСТЬЮ МОТИВИРОВАННЫХ ТЕРМИНОВ

Полностью мотивированными общественно-политическими терминами мы называем такие термины, в смысловой структуре которых полно и удовлетворительно выражены наиболее существенные признаки понятия. К таким терминам относятся следующие:

1. Amalgamated union. В конце XIX в. русский язык был наводнен иноязычными заимствованиями и поэтому неудивительно, что термин *amalgamation* переводился заимствованным словом *амальгамация*, а *to amalgamate* — словом *амальгамировать* (с переносным, «фигуральным» значением «соединять») ²⁵. Некоторые переводчики первый компонент термина *amalgamated union (society)* переводили при помощи заимствованного слова *амальгамированный (амальгированный)* ²⁶. Однако В. И. Ленин отказался от ненужного заимствования и перевел этот термин калькой *объединенный союз (общество)*, которая точно передает необходимые и достаточные признаки содержания (ср. значение слова *объединенный* со значением слова *amalgamated* — “fig. combined, united into one body” ²⁷).

2. Collective Bargaining. Этот термин впервые введен в употребление в 1891 г. Б. Вебб, т. е. в 1898 г. он был в английском языке фактически неологизмом ²⁸. На русский язык был впервые переведен В. И. Лениным. Буквальное значение термина *Collective Bargaining* — «коллективная(-ые) сделка(-и)». Оно соответствует терминологическому значению, что подтверждается следующей цитатой из текста: “It (arbitration.—А. К.) is distinguished from that organised negotiation between Trade Unions and Employers’ Associations which we have termed *Collective Bargaining*, in that the result is not arrived at by bargaining at all, the higgling between the parties being, in fact, expressly superseded” (ID, I, 222).

²⁵ Ch. Ph. Reiff. Ibid.

²⁶ С. и Б. Вебб. История английского рабочего движения. Пер. с англ. СПб., 1899, стр. 5, 149.

²⁷ NED, I, 263.

²⁸ Об этом пишут авторы книги: “We are not aware of any use of the phrase “*Collective Bargaining*” before that in the Cooperative Movement in Great Britain (London, 1891), p. 217, by Beatrice Potter (Mrs. Sidney Webb)...” (ID, I, 173). Ср. перевод этого предложения на русский язык: «Выражение «Коллективная сделка» употреблено, насколько нам известно, впервые Беатрисой Поттер (м-сс Sidney Webb) в ее “The cooperative movement in Great Britain” (London, 1891), стр. 217» (ТП, I, 137). (Список сокращений см. на стр. 25).

Ленин переводит это предложение следующим образом: «Отличие его (третейского суда. — А. К.) от тех организованных переговоров между тред-юнионами и ассоциациями предпринимателей, которые мы обозначили термином *коллективные сделки*, состоит в том, что результат достигается здесь вовсе не коммерческими переговорами: торговаться сторонам здесь совершенно не приходится» (ТП, I, 176).

В этом предложении, как почти и во всех остальных, В. И. Ленин переводит английский термин калькой *коллективная сделка*. В смысловой структуре русского словосочетания точно переданы наиболее важные признаки содержания, причем в ней также как и в смысловой структуре английского термина (ср. английский термин) подчеркивается та коммерческая атмосфера, которая царилa во время заключения этих сделок. Для иллюстрации приведем следующий пример:

These cessations of work are, in our view, necessarily incidental to all commercial *bargaining*, ... individual or *collective*..." (ID, I, 220), а также его перевод на русский язык: «Эти прекращения работы являются, по нашему мнению, необходимым спутником всех коммерческих *сделок о найме труда*, и индивидуальных и *коллективных*..." (ТП, I, 174).

Для того, чтобы дать русскому читателю более глубокое представление о содержании термина *collective bargaining*, В. И. Ленин употребляет описательный перевод его, в сущности являющийся определением понятия: «... коллективное заключение условий о найме на работы» (ТП, I, 103).

В. И. Ленин неоднократно употребляет термины-дублеты в качестве эквивалентов некоторых английских общественно-политических терминов. По-видимому, это вызвано как стилистическими соображениями, так и постоянным стремлением к уточнению, совершенствованию формулировок в условиях конкретного контекста.

Исходя, как мы полагаем, из этих соображений, В. И. Ленин в переводе второго тома книги С. и Б. Вебб употребляет словосочетание-кальку *коллективный договор* (ТП, II, 523, 581) наряду со словосочетанием-калькой *коллективные сделки* (ТП, II, 593, 659, 703) в качестве соответствия английского термина *collective bargaining*²⁹. Отметим, что термин *коллективный договор* был впоследствии принят русской речевой практикой. Он широко употребляется в

²⁹ Ср. значение слов *сделка* — «конечный уговор, условие; соглашение; полюбовная мировая и взаимные обязательства по согласию» — (ТСЖВЯ, IV, 168) и *договор* — «уговор, взаимное соглашение, условие, обязательство» — (ТСЖВЯ, I, 462).

настоящее время, обладая при этом различной идеологической направленностью, в зависимости от того, идет ли речь о явлении действительности, присущем социалистическому или капиталистическому обществу.

Попутно отметим, что английский термин-неологизм *Individual Bargaining* был впервые переведен на русский язык также В. И. Лениным калькой *индивидуальные сделки* (ТП, I, 174, 242, 312, II, 485, 717), которая точно и полно выражает наиболее существенные признаки содержания.

3. Collective ownership of the means of production, distribution, and exchange. По всей вероятности, этот многокомпонентный термин до 1898 г. не переводился на русский язык никем. Термин обладает ярко выраженной идеологической направленностью. В сжатой форме в нем выражена основная идея научного социализма — уничтожение частной собственности и превращение основных видов собственности в собственность коллективную. В. И. Ленин переводит этот термин калькой *коллективная собственность средств производства, распределения и обмена* (ТП, I, 117). Сам факт появления этого термина в легальном издании на русском языке, рассчитанном на массового читателя (пусть даже в контексте книги С. и Б. Вебб об «архиконсервативных английских тред-юнионах», как выразился об английских профессиональных рабочих союзах того времени Ф. Энгельс³⁰), сыграл, несомненно, важную роль. Термин в несколько измененном виде (*коллективная собственность на средства производства, распределения и обмена*) широко употребляется в современном русском языке.

4. Index Number. Русский эквивалент этого английского термина *статистики (число-показатель)* начал употребляться в те годы в узкоспециальной литературе, и его терминологическое значение было известно только ограниченному кругу читателей, поэтому В. И. Ленин переводя этот термин калькой *число-показатель*, одновременно в подстрочном примечании дает определение понятия: «Английские статистики числом-показателем называют среднюю цифру, выражающую собой состояние товарных цен в определенный момент времени» (ТП, II, 469).

5. Popular control. На основании просмотра многочисленных литературных источников можно утверждать с большой степенью вероятности, что термин *popular control* был впервые переведен на русский язык В. И. Лениным. В смысловой структуре его нашли

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. М., 1952, стр. 6.

отражение наиболее важные признаки понятия, в том числе ярко выраженная идеологическая направленность. Приводим пример перевода этого термина В. И. Лениным:

"If democracy could furnish no other expedient of *popular control* than the mass meeting, the annual election of public officers, the Initiative and the Referendum, Trade Union history makes it quite clear that..." (ID, I, 27).

«Если бы демократия не могла дать других средств *народного контроля* кроме массовых собраний, ежегодного избрания чиновников, инициативы и референдума, то история тред-юнионов ясно показывает, что...» (ТП, I, 21).

Калька *народный контроль*, использованная В. И. Лениным в качестве моноэквивалента, передает содержание английского термина во всей его полноте. Следует отметить, что термин *народный контроль* по-настоящему вошел в речевую практику только после Октябрьской революции, обозначая явление советской действительности и наполнившись новым социалистическим содержанием.

6. Public tenement factory. Буквальное значение термина public tenement factory — «фабрика (предприятие), сдаваемая в общественную аренду». Этот термин, обозначающий реалию английской жизни, был впервые переведен на русский язык, насколько нам известно в результате просмотра переводной литературы, В. И. Лениным. Характерно, что Ленин отказался от использования кальки на том основании, что в русском языке был термин для обозначения аналогичной реалии русской жизни — *личильное заведение* (слово *личить* имеет значение «лицевать, гляncить, полировать, наводить лоск на металлических изделиях»³¹). Вследствие того, что содержания, выражаемые русским и английским терминами, в основном совпадают, В. И. Ленин счел возможным установить между этими терминами прямое соответствие, использовав русский термин в качестве эквивалента английского:

"The employer gives work out, to be done by the operative, either on his own "wheel" at home, or on one temporarily rented in a public "*tenement factory*" (ID, I, 343).

«Предприниматель раздает работу на дом рабочим, исполняющим ее либо на своем домашнем «колесе» или на колесе, нанимаемом на время в «*личильном заведении*» (ТП, I, 276).

В подстрочном примечании Владимир Ильич следующим образом обосновывает выбор этого эквивалента: «Public tenement factory—

³¹ ТСЖВЯ, II, 259.

буквально, сдаваемая публике в аренду фабрика. Мы позволили себе употребить выражение, принятое в нашем «русском Шеффилде», селе Павлове, в котором сталелесарная промышленность организована совершенно однородным образом» (ТП, I, 276).

В качестве аналогичного примера укажем на перевод В. И. Лениным в книге «Развитие капитализма в России» созданного Марксом термина *Arbeitsrente* (буквальное значение «рабочая (трудовая) рента»). Первый переводчик «Капитала» М. Ф. Даниельсон употребил кальку *трудовая рента* как эквивалент этого немецкого термина. Однако Ленин возражает против использования этого словосочетания, указывая, что в нем неточно выражено содержание термина Маркса, и предлагает точный эквивалент — *отрабочная рента*. В подстрочном примечании Владимир Ильич пишет: «В русском переводе ... этот термин передан выражением «трудовая рента». Мы считаем наш перевод более правильным, так как на русском языке есть специальное выражение «отработки», означающее именно рабство зависимого земледельца на землевладельца»³².

7. Town council. Примеры перевода этого термина на русский язык до 1898 г. нам неизвестны. Термин *town council* обозначает реалию английской общественной жизни. В русском языке в то время существовал термин *городская дума*, обозначавший аналогичную реалию русской жизни. Однако оба понятия полностью не совпадают, и, по-видимому, именно поэтому наряду с термином *городская дума* (ТП, I, 290) для передачи содержания данного английского термина В. И. Ленин использовал словосочетание *городской совет* (ТП, I, 50).

II. ПЕРЕВОД ТЕРМИНОВ С НЕПОЛНОЙ ИЛИ НЕТОЧНОЙ МОТИВАЦИЕЙ

К этому разряду в данной статье мы относим такие термины, у которых не выражены некоторые существенные признаки термилируемого понятия, в особенности те из них, которые отражают его классовую сущность.

1. Industrial Democracy. Этим термином, введенным в употребление С. и Б. Вебб, названа книга, которую перевел В. И. Ленин. Термин *industrial democracy* был в конце XIX в. неологизмом в английском языке, а на русский язык до 1898 г. никем не переводился. Его буквальное значение — «индустриальная (промышленная, про-

³² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 167.

изводственная) демократия». Этот термин должен был, по замыслу С. и Б. Вебб, служить абсолютным синонимом термина *trade unionism*, обозначая некое «народовластие», которое, якобы, осуществляется в промышленности благодаря деятельности тред-юнионов. Ячейками «индустриальной демократии», как указывают авторы, являются тред-юнионы:

“In the Anglo-Saxon world of to-day we find that Trade Unions are democracies: that is to say, their internal constitutions are all based on the principle of “government of the people by the people for the people” (ID, I, V).

«Мы видим, что в современном англо-саксонском мире тред-юнионы являются демократиями, то есть их внутреннее устройство основано на принципе «управления народом чрез народ и для народа» (ТП, I, IV).

Каково политическое лицо этих «демократий»? Авторы пишут об этом прямо:

“...revolutionary Shibboleths as to the “nationalisation of the means of production, distribution, and exchange”, which the bulk of the Trade Unionists fail even to comprehend” (ID, II, 538—539).

«... революционные лозунги в роде «национализации средств производства, распределения и обмена», которые даже непонятны для большинства тред-юнионистов» (ТП, II, 438).

Итак, «демократиям» в лице тред-юнионов чуждо все социалистическое, все действительно революционное. Следующий пример еще более наглядно свидетельствует об этом:

“... the most superficial study of the Trade Union world makes the old-fashioned merging of all the manual workers into the “laboring class” seem almost ludicrous in its inaptitude. Instead of the classic economist’s categories of the “capitalist” and the “laborer”, we see Trade Unionism adopting and strengthening the almost infinite grading of the industrial world into separate classes, each with its own corporate tradition and Standard of Life, its own specialised faculty and distinctive needs, and each therefore exacting its own “Rent of Opportunity” or “Rent of Ability” (ID, II, 842—843).

«... самое поверхностное изучение тред-юнионистского мира показывает, что старомодное подведение всех рабочих под один «рабочий класс» является почти смешным по своей нелепости. Вместо категорий классических экономистов: «капиталист» и «рабочий», мы видим, что тред-юнионизм принимает и даже усиливает почти бесконечную градацию отдельных классов

промышленного мира, из которых каждый имеет свои собственные корпоративные традиции и свой уровень жизненных потребностей, свою специализированную ловкость и свои особые нужды, а потому каждый требует своей «ренты выгоды положения» или «ренты искусности» (ТП, II, 686).

Из этого примера явствует, что тред-юнионизм стремится затушевать четкое противопоставление рабочего класса классу эксплуататоров, капиталистов, включив эти два антагонистических класса в «промышленный мир», в котором и рабочие и капиталисты, без всякого различия между ними, подразделяются на множество «классов». Поскольку термин *industrial democracy* был введен в английскую речь в качестве орудия классового мира, орудия раскола рабочего класса и поскольку в смысловой структуре термина действительность отражена в искаженном виде, В. И. Ленин не использовал кальки *индустриальная (промышленная) демократия*, как название книги, а дал описательный перевод заглавия, точно отражающий ее содержание: «Теория и практика английского тред-юнионизма».

В отличие от марксистского подхода к передаче классовой сущности термина *industrial democracy*, который продемонстрировал Ленин, некоторые русские авторы перевели заглавие этой книги при помощи кальки *промышленная демократия*, введя в заблуждение русского читателя относительно идеологической направленности содержания книги³³.

Примечательно, что много лет спустя, уже в годы советской власти, В. И. Ленин еще раз вернулся к теме «промышленная (производственная) демократия», подвергнув резкой критике использование Троцким и Бухариным этого термина применительно к условиям советской действительности: „Возьмем для начала пресловутую «производственную демократию»... Этот термин теоретически неверен. Всякая демократия, как вообще всякая политическая надстройка (неизбежная, пока не завершено уничтожение классов, пока не создано бесклассовое общество), служит, в конечном счете, производству и определяется, в конечном счете, производственными отношениями данного общества. Поэтому выделение «производственной демократии» из всякой друдой демократии ничего не говорит. Это — путаница и пустышка.

³³ См. «Краткий систематический словарь экономических наук». СПб., 1903, стр. 65; «Международное профессиональное движение 1903—1904 гг.» Пер. с нем. «Новый мир», 1907, стр. 23; П. Б. Струве. Примечание к приложению IV, переведенному Н. А. Струве, женой П. Б. Струве, и присоединенному к ленинскому переводу (ТП, II, 722).

...«производственные атмосферы» и «демократии» есть сор, засоряющий глаза рабочих масс, затрудняющий их понимание.

... натурпремии и дисциплинарные товарищеские суды во сто раз больше значат для овладения хозяйством, для управления промышленностью, для повышения производственной роли профсоюзов, чем совершенно абстрактные (и потому пустые) слова о «производственной демократии», о «сращивании» и т. п.»³⁴.

2. Trade Union. Термин буквально означает «промышленный (промысловый, профессиональный) союз». Он вошел в употребление в английском языке с 1835 г.³⁵, однако в русском языке до 1898 г. не имел общепринятого соответствия. Переводчики и авторы отечественных произведений чаще всего использовали кальку *рабочий союз* в качестве эквивалента этого термина (только в двух переводах, опубликованных до 1898 г., мы встретили употребление, наряду с другими соответствиями, заимствованного слова *трэд-юнион*³⁶.

Проанализируем правомерность употребления кальки *рабочий союз*, а также параллельного использования этой кальки и заимствования *трэд-юнион* в одном и том же тексте. В книге С. и Б. Вебб "The History of Trade Unionism", к немецкому переводу которой Ленин прибегал как к справочному пособию в процессе перевода (об этом свидетельствуют его примечания, см. ТП, I, 8, 9), дано следующее определение понятия trade union: "A Trade Union, as we understand the term, is a continuous association of wage-earners for the purpose of maintaining or improving the conditions of their employment"³⁷.

Согласно определению, целью данной ассоциации рабочих является поддержание на определенном уровне или улучшение условий труда. Кроме рабочих организаций, именуемых trade unions в Англии существовали также так называемые trades unions. В. И. Ленин четко разграничивает оба понятия, дав каждому краткое определение: «Trade Union значит промысловый (профессиональный) союз, т. е. союз рабочих известной профессии. А Trades Union значит союз промыслов, т. е. соединение в одно общество рабочих профессий. Неудачными попытками создать такие объеди-

³⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 275—280.

³⁵ NED, X, part I, 225.

³⁶ С. Вебб, Г. Кокс. Восьмичасовой рабочий день.; Э. Магайм. Профессиональные рабочие союзы.

³⁷ S. and B. Webb. The History of Trade Unionism. London—New York, 1894, p. 1.

нения особенно богат период 1829—1842 годов. Смотри III главу «Истории тред-юнионизма» Вебба» (ТП, I, 9, подстрочное примечание). В дополнение к этим организациям в Англии в то время были и другие рабочие союзы (Friendly Societies и the Cooperative Union), которые отличались от trade (trades) unions преследуемыми целями. Следовательно, термин trade union выражает только частное, видовое понятие по сравнению с термином *рабочий союз*, выражающим более широкое, родовое понятие, а поэтому между обоими терминами нельзя устанавливать прямое соответствие. Параллельное употребление терминов *тред-юнион* и *рабочий союз* в одном тексте также нельзя считать удачным приемом передачи содержания, так как в этом случае между терминами *тред-юнион* и *рабочий союз* устанавливается полная эквивалентность, являющаяся совершенно необоснованной (термин *рабочий союз* может выступать только как контекстуальный, окказиональный дублет термина *тред-юнион*, но в определенном контексте, в ограниченном количестве случаев и при необходимости решить определенную стилистическую задачу).

К тому, что здесь уже сказано о политическом кредо английских рабочих союзов, именуемых trade unions, прибавим, что в своем гениальном труде «Что делать?» В. И. Ленин неоднократно подвергает беспощадной критике тред-юнионизм, противопоставляя, в частности, тред-юнионистскому сознанию социал-демократическое, тред-юнионистской политике — социал-демократическую. Ленин дает следующее определение тред-юнионизма: «... стихийное рабочее движение есть тред-юнионизм..., а тред-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией»³⁸ и подчеркивает, что буржуазия стремится «отвлечь рабочих от социализма к «чистому», т. е. буржуазному тред-юнионизму»³⁹.

Владимир Ильич пишет, что рабочий класс не может прийти к социал-демократическому сознанию стихийно: «История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское...»⁴⁰, что тред-юнионистская политика — это «общее стремление всех рабочих добиваться себе от государства тех или иных мероприятий, направленных против бедствий, свойственных их положению, но еще не устраняющих этого положения, т. е. не уничтожающих подчинения труда капиталу»⁴¹, что существует глубокое

³⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 40.

³⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 373.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 30.

⁴¹ Там же, стр. 42.

различие между социал-демократической политикой и тред-юнионистской: «Экономическая борьба с правительством» есть именно тред-юнионистская политика, от которой до социал-демократической политики еще очень и очень далеко»⁴² и что «... всякое преклонение пред стихийностью массового движения, всякое принижение социал-демократической политики до тред-юнионистской есть именно подготовка почвы для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии»⁴³.

Перед социал-демократией ставится конкретная задача: «Поэтому наша задача, задача социал-демократии, состоит в борьбе со стихийностью, состоит в том, чтобы совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии»⁴⁴.

В конце XIX в. в жизни русского общества отсутствовал идентичный или аналогичный предмет действительности, но в общественной жизни других народов подобные организации рабочих уже существовали. В Германии, например, в противовес так называемым Гирш-Дункеровским профессиональным союзам (по-немецки они назывались *Gewerkvereine*) проводившим, по существу, тред-юнионистскую политику, немецкий рабочий класс создал более прогрессивные (для того времени) профессиональные союзы, которые вели классовую борьбу под руководством социал-демократической партии (так называемые *Gewerkschaften*). Из этого примера видно, что в немецком языке было создано два термина (*Gewerkvereine* и *Gewerkschaften*) для обозначения двух типов профессиональных союзов, различающихся по проводимой ими политике.

В русском языке тоже было необходимо дать четкое, единое обозначение для английских профессиональных рабочих союзов, проводивших особую, оппортунистическую политику. Правильная передача идеологической направленности этого понятия имела большое политическое значение. Мы считаем, что именно поэтому В. И. Ленин употребляет заимствованное слово *тред-юнион* в качестве эквивалента термина *trade union*. Использование заимствованного слова подчеркивает специфичность явления, обозначаемого этим словом, и служит для выделения понятия «профессиональный рабочий союз английского типа».

Это заимствованное слово обладало всеми качествами для того, чтобы органически войти в систему русского языка: оно сразу же

⁴² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 65.

⁴³ Там же, стр. 96.

⁴⁴ Там же, стр. 40.

получило категории рода, числа и падежа и стало основой для образования производных слов: *трэд-юнионист*, *трэд-юнионизм*, *трэд-юнионистский*.

Хотя в 1899—1900 гг. переводчики все еще продолжали переводить английский термин *trade union* различными способами, в русском языке уже намечалось, начиная с 1900 г., нормативное употребление заимствованного слова *трэд-юнион*; так, если в 1899 г. в словаре Брокгауза и Ефрона употреблялся термин *рабочий союз*⁴⁵, то уже в 1900 г. в статье, помещенной в этом же словаре, употребляется термин *трэд-юнион* (употребление этого термина, несомненно, обусловлено влиянием ленинского перевода, который фигурирует в списке литературы, использованной автором статьи⁴⁶). Впоследствии термин *трэд-юнион* был зафиксирован и в других словарях, причем, как правило, упоминание его сопровождалось разъяснением его значения: «английский рабочий союз»⁴⁷. Попутно отметим, что «Словарь современного русского литературного языка» ошибочно указывает, что слово *трэд-юнион* впервые зафиксировано в 1937 г. в «Словаре иностранных слов»⁴⁸. Более близкую к истине (однако тоже неправильную) дату фиксации этого слова (1902 г., Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона) указывает В. М. Аристова⁴⁹.

3. Sweating system. Впервые этот термин начал употребляться в английском языке в 40-х годах XIX в.⁵⁰, а его терминологический дублет — эллиптический вариант *sweating* — несколько лет спустя⁵¹. К концу XIX в. в англо-русском словаре Александрова были зафиксированы следующие значения слова *sweat*: а) общебытовое («пот», «потеть») и б) фигуральное («труд», «работа», «трудиться, работать»)⁵². Применив при переводе термина *sweating system* указанные значения, получим кальки: *система потения*; *система труда*, *работы*.

До 1898 г. этот термин переводился на русский язык лишь в

⁴⁵ ЭСБЕ, т. 26, СПб., 1899, стр. 19.

⁴⁶ То же, т. 31, СПб., 1900, стр. 103.

⁴⁷ «Словарь иностранных слов». Изд. Ф. Павленкова. СПб., 1900; «Словарь иностранных слов». Составлен под ред. Ф. Н. Берга, СПб., 1901; «Краткий систематический словарь экономических наук». СПб., 1903; «Словарь по рабочему вопросу». М., 1906 и др.

⁴⁸ ССРЛЯ, 15, 868.

⁴⁹ В. М. Аристова. К истории английских слов в русском языке. Канд. дисс. Приложение. Самарканд, 1967, стр. 143, 184.

⁵⁰ ЭСБЕ, т. 29. СПб., 1900, стр. 107.

⁵¹ NED, IX, part 2, 301.

⁵² А. Александров. Полный англо-русский словарь.

единичных случаях. В одной книге он переведен словосочетанием *система посредничества*⁵³, в другой — *система вышибания пота*⁵⁴. Рассмотрим, насколько точно оба варианта передают содержание.

Даже немарксистские издания отмечают, что термин *sweating system* означает систему изнурительного многочасового труда в антисанитарных условиях за очень низкую плату⁵⁵. Хотя первоначально этот термин и служил для выражения понятия о такой форме домашней системы капиталистического производства, при которой «между домашним рабочим и эксплуатирующим его капиталистом стоит еще посредник»⁵⁶, тем не менее словосочетание *система посредничества* нельзя считать эквивалентом по той причине, что в нем не передана классовая сущность терминируемого понятия и что в его смысловой структуре завуалирован истинный характер такого посредничества, являвшегося грубой беззастенчивой эксплуатацией. В словосочетании *система вышибания пота*, напротив, точно передано содержание термина *sweating system*, в том числе его идеологическая характеристика.

Именно это словосочетание употребил В. И. Ленин в качестве эквивалента английского термина *sweating system (sweating)* (ТП, I, 294, II, 445). Заботясь о русском читателе, Владимир Ильич в подстрочном примечании дает следующее определение понятия: «*Sweating System* — буквально система вышибания пота, т. е. система безграничной эксплуатации. Это есть система посредничества, раздачи работы на дома через посредников и т. п.» (ТП, I, 231).

Для В. И. Ленина как переводчика характерен постоянный поиск более точных, более совершенных форм для выражения соответствующего содержания. И в данном случае Владимир Ильич следует своему принципу — в переводе второго тома он употребляет, наряду с прежним эквивалентом, также новый — *потогонная система* (ТП, II, 678), который, отличаясь от прежнего краткостью и выразительностью, так же точно передает все важнейшие компоненты содержания.

Характерно, что в отличие от точного и четкого ленинского перевода этого английского термина, обладающего ярко окрашенной идеологической направленностью, в русских переводах и ориги-

⁵³ С. В е б б, Г. К о к с. Восьмичасовой рабочий день, стр. 256.

⁵⁴ «Промышленность». Пер. с нем. М., 1896, стр. 215.

⁵⁵ ЭСБЕ, т а м ж е; The Encyclopaedia Britannica, 14th ed., vol. 21. London a. o., 1929, p. 467.

⁵⁶ ЭСБЕ, т а м ж е.

нальных произведениях, вышедших из печати в 1898—1900 гг., употребляются неточные соответствия, передающие в искаженном виде сущность понятия (*система потения, потение, выпатывание*)⁵⁷, и неоправданные заимствования (*светинг-система, светинг*)⁵⁸, иногда английский термин переносится в русский текст без изменения его графической формы⁵⁹.

Впоследствии объем понятия, выраженного термином *sweating system* значительно расширился: данное явление распространилось на крупные капиталистические предприятия⁶⁰. В русском языке соответствующее понятие в настоящее время выражается одним термином *потогонная система*, которому речевая практика отдала предпочтение (после параллельного употребления терминов-дублетов *потогонная система, система вышибания пота и система выжимания пота*).

4. **Lock out.** В английском языке термин начал употребляться с 1860 г.⁶¹ Англо-русский словарь А. Александрова дает только общебытовое значение этого слова — «запирать дверь перед кем-л.; исключать, не впускать». До 1898 г. термин переводили следующим образом:

а) заимствуя один компонент из французского языка (*противогрева, грева хозяев, хозяйская грева*)⁶²; ср. фр. *grève* — *стачка*), б) переводя при помощи готовых лексических единиц русского языка (*стачка хозяев* ⁶³ *стачка предпринимателей* ⁶⁴, *хозяйская стачка, общий отказ в работе, прекращение работ хозяевами* ⁶⁵; *закрытие хозяевами мастерских* ⁶⁶).

Прежде чем определить степень точности каждого варианта,

⁵⁷ Д ж. А. Г о б с о н. Задачи бедности. Пер. с англ. Киев—Харьков, 1900, стр. 65, 67, 68; В. Я. Ж е л е з н о в. Очерки политической экономии. Киев, 1898, стр. 166, 167; Д ж. А. Г о б с о н. Проблемы бедности и безработицы. Пер. с англ. СПб., 1900, стр. 61; Д ж. А. Г о б с о н. Эволюция современного капитализма. Пер. с англ. СПб., 1898.

⁵⁸ «Рабочая кабала в Англии». Пер. с англ. СПб., 1900, стр. 3, 4, 5.

⁵⁹ П. де Р у з ь е. Профессиональные рабочие союзы в Англии. Пер. с фр. СПб., 1898, стр. 18.

⁶⁰ См. The Encyclopaedia Britannica.

⁶¹ NED, VI, 387.

⁶² Граф П а р и ж с к и й. Рабочие союзы в Англии, стр. 23, 26, 46, 48.

⁶³ В. Д ж е в о н с. Краткое руководство политической экономии, стр. 62, 65.

⁶⁴ Г. Д ж о р д ж. Прогресс и бедность, стр. 236.

⁶⁵ Т о р н т о н. Труд, стр. 222, 227, 232.

⁶⁶ Э. М а г а й м. Профессиональные рабочие союзы, стр. 116.

рассмотрим понятие, выражаемое термином *lock out*. В Оксфордском словаре дано обтекаемое определение понятия, которое служит для маскировки сущности данного явления: «Отказ одного или нескольких предпринимателей предоставить работу своим рабочим до тех пор, пока последние коллективно не согласятся с определенными условиями»⁶⁷. Этому определению, составленному в типично буржуазном духе, противопоставлено марксистское определение: «Закрытие предприятия, сопровождаемое массовым увольнением рабочих, как одна из форм классовой борьбы буржуазии против рабочего класса»⁶⁸.

Рассмотрим, как в смысловой структуре вариантов отражены важнейшие идеологические характеристики данного понятия. Заимствования из французского языка нет надобности анализировать, их следует признать непригодными как эквиваленты по той причине, что французский язык еще в 1875 г. сам позаимствовал английский термин *lock out* для обозначения соответствующего понятия⁶⁹. Термины *стачка хозяев*, *стачка предпринимателей*, *хозяйская стачка* тоже неприемлемы, прежде всего потому, что слово *стачка* является компонентом каждого из них, а это приводит к сближению данных терминов с термином *стачка*.

В действительности оба понятия идеологически диаметрально противоположны, так как *стачка* — это форма классовой борьбы рабочего класса против эксплуататоров, борьбы справедливой, а *lock out* — это форма классовой борьбы буржуазии против рабочего класса, с применением наиболее бесчеловечного средства борьбы — удушения рабочих и их семей голодом для подавления их воли к сопротивлению. В смысловой структуре словосочетаний *общий отказ в работе*, *прекращение работ хозяевами*, *закрытие хозяевами мастерских* не отражен факт массового увольнения рабочих (выделено нами. — А. К.), являющийся основной чертой терминируемого понятия. Вследствие этого основные компоненты содержания выражены неполно, однобоко, что, фактически, ведет к дезориентации масс в отношении истинного характера данного явления.

При помощи ресурсов русского языка было невозможно создать точный и в то же время краткий эквивалент термина *lock out*, поэтому В. И. Ленин избирает единственно правильный путь решения данной конкретной переводческой задачи, заимствуя этот термин. Ленин несколько раз сопровождает новое, чуждое для русского

⁶⁷ NED, IV, 387.

⁶⁸ ССРЛЯ, 6, 388; см. также аналогичное определение: «Словарь иностранных слов». Изд. 5. М., 1955, стр. 409.

⁶⁹ См. E. Littré. Dictionnaire de la langue française. Supplément. Paris, 1882, p. 216.

читателя слово *локаут* кратким описанием понятия — «массовый расчет рабочих» (ТП, I, 73, 116, 146). В дальнейшем, когда читателю стало ясно значение этого термина, В. И. Ленин употребляет его без пояснений (ТП, I, 174, 175, 179, 195).

Четкий и выразительный термин *локаут* прочно вошел в речевую практику в годы первой русской революции, когда революционное рабочее движение охватило всю страну, а фабриканты и заводчики прибегли к испытанному средству классовой борьбы международного капитала — локаутам⁷⁰.

В. И. Ленин тоже использовал в своих произведениях этот термин. В цитате, приведенной ниже, содержится глубоко научное определение этого понятия и подчеркивается неизбежный характер данного явления при капитализме: «Локауты, т. е. массовые расчеты рабочих стакнувшимися предпринимателями, такое же необходимое и неизбежное явление в капиталистическом обществе, как и стачки рабочих»⁷¹.

«Словарь современного русского литературного языка» указывает, что слово *локаут* впервые зафиксировано в словаре Гранат⁷². К сожалению, при этом не уточняется, в каком именно издании словаря произошла первая фиксация. Нами установлено, что слово *локаут* упоминается в словаре, начиная с седьмого издания⁷³ (в шестом издании, слово *lock-out* перенесено в словарь Гранат в английском написании, указано только, как оно произносится на русском языке)⁷⁴, и что первая фиксация этого слова, введенного в русский язык В. И. Лениным, произошла не в 1910—1917 гг., когда были опубликованы соответствующие томы седьмого издания словаря Гранат, а значительно раньше⁷⁵.

5. Friendly society. Этот термин употреблялся в английском

⁷⁰ Термин *локаут* встречается, в частности, в источниках: «Локаут в Лодзи». Пер. с польск. М., 1907; В. С в я т л о в с к и й. Профессиональное движение в России. СПб., 1907, стр. 328; в «Торгово-промышленной газете» его начали употреблять в 1906 г. (см. № 136, стр. 2, № 138, стр. 2).

⁷¹ В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 56.

⁷² ССРЛЯ, 6, 337.

⁷³ «Энциклопедический словарь». Изд. 7, т. 20. Изд. Рус. Библиогр. ин-та Гранат [М.], [1910—1917], стр. 592; т о ж е, т. 27, стр. 339.

⁷⁴ «Настольный энциклопедический словарь». Изд. 6, т. 6. Изд. Тов. Бр. А. и И. Гранат. М., 1903, стр. 2803.

⁷⁵ Г. Ч. Словарь по рабочему вопросу. М., 1906; «Краткий систематический словарь экономических наук». СПб., 1907; В. С м и р н о в. Полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. М., 1908; И л ь и н. Энциклопедический словарь. М., 1908.

языке, как указано выше, для обозначения определенного типа английских рабочих союзов. Его буквальное значение — «дружественное (дружеское) общество». До 1898 г. он переводился на русский язык только калькой *дружеское общество*⁷⁶.

Буквальное значение термина *friendly society* не совпадает с его терминологическим значением, так как этот термин служит для обозначения таких обществ (в контексте книги С. и Б. Вебб — *обществ рабочих*), «... члены которых уплачивают определенные суммы с той целью, чтобы впоследствии они сами (при заболевании и в старости) или их семьи (в случае их смерти) могли получить денежную помощь»⁷⁷. Таким образом, основная функция этих обществ — оказание взаимопомощи. В смысловой структуре слова *friendly*, выступающего в функции определения, отражен несущественный признак данного предмета действительности, а поэтому словосочетание *дружеское общество* не может быть эквивалентом данного английского термина.

В. И. Ленин первым использовал словосочетание *общество взаимопомощи* в качестве русского эквивалента термина *friendly society*. В смысловой структуре слова *взаимопомощь* отражены две существенные черты содержания: 1) *помощь*, 2) *взаимная*. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона уже в 1900 г. использована ленинская формулировка данного понятия (в 1899 г. в словаре была приведена иная формулировка — *дружеское общество*)⁷⁸. В отечественной и переводной литературе тоже отмечается подобное явление: если в 1899 г. употребляется термин *дружеское (дружественное) общество*⁷⁹, то уже в 1905 г. один автор пишет: «В Англии существуют два главных типа рабочих организаций: общества взаимопомощи — *Friendly Societies* и профессиональные союзы — *trade-unions*»⁸⁰.

В заключение отметим перевод термина **Select Committee**. Его буквальное значение — «отборный, избранный комитет». Действительно, как указывается в Оксфордском словаре, такой комитет состоит из ограниченного числа членов, избранных для расследова-

⁷⁶ С. Вебб, Г. Кокс. Восьмичасовой рабочий день, стр. 106; Торнтон. Труд, стр. 148.

⁷⁷ NED. IV, 547.

⁷⁸ См. ЭСБЕ, т. 26, 1899, стр. 19; т. 31, 1900, стр. 106.

⁷⁹ С. и Б. Вебб. История рабочего движения в Англии. Пер. с англ. СПб., 1899, стр. 18, 54; Г. Геркнер. Рабочий труд в Западной Европе. Пер. с нем. СПб., 1899, стр. 98.

⁸⁰ В. Святловский. Положение вопроса о рабочих организациях в иностранных государствах. СПб., 1905, стр. 15.

ния особых дел. Подобные комитеты избираются парламентом или другим законодательным органом⁸¹.

При переводе этого термина калькой *отборный (избранный) комитет* передается один из признаков явления, а именно — указание на качественный состав комитета, на то, что комитет состоит из специально избранных лиц. В то же время в смысловой структуре не отражается другой существенный признак — в состав какого именно органа входит данный комитет.

В. И. Ленин дает перевод этого термина — *парламентский комитет* (ТП, I, X). В этом эквиваленте переданы основные компоненты содержания, то есть указано, что этот комитет является составной частью законодательного органа — парламента, что помогло русскому читателю понять соответствующий контекст.

* * *

В. И. Ленин не только создал много новых терминов в русском языке, он также был создателем точных и выразительных эквивалентов для целого ряда иноязычных терминов, в данном случае английских.

Поражает ленинская забота о массовом читателе, которая проявляется в использовании подстрочных примечаний, содержащих определение понятий, в применении внутритекстовых разъяснений значения заимствованных слов, в мастерски обоснованном установлении эквивалентности между некоторыми русскими и английскими терминами-реалиями. Все эти приемы преследуют цель донести до читателя в наиболее доступной форме содержание иноязычного термина. Хорошо известно, что Ленин выступал против «употребления иностранных слов без надобности»⁸². Однако он без колебаний вводит в русский язык такие термины как *трэд-юнион* и *локаут*, точные соответствия которым в русском языке было невозможно найти.

Проведенный анализ является наглядной иллюстрацией того факта, что В. И. Ленин еще в конце XIX в. практически решил многие проблемы перевода, которые теоретически были обоснованы советскими учеными много лет спустя. Несомненно, что глубокое, всестороннее изучение переводческого наследия великого Ленина обогатит советскую науку о переводе новыми основополагающими выводами.

⁸¹ См. NED, II, 685.

⁸² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 49.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1950—1965.
- ТП — С. и Б. В е б б. Теория и практика английского тред-юнионизма. Пер. с англ. Вл. Ильина, т. I, СПб., 1900; т. II, СПб., 1901.
- ТСЖВЯ — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.—М., 1880—1882.
- ЭСБЕ — Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1890—1907.
- ID — S. and B. W e b b. Industrial Democracy. Vol. I, II. London, 1897.
- NED — A New English Dictionary on Historical Principles. Oxford, 1888—1926.

В. Гак
(Москва)

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. ЛЕНИНА И ИХ ПЕРЕВОД

Переводы иноязычных выражений в произведениях В. И. Ленина интересуют нас не только потому, что нам дороги малейшие проявления ленинского гения. Переводя эти цитаты и изречения, В. И. Ленин стремился прежде всего к функциональной точности, к эффективности перевода. То, какими путями он этого достигал, может быть поучительным как для переводчиков-профессионалов, так и для всех, интересующихся проблемами перевода.

В произведениях В. И. Ленина встречается несколько десятков иностранных пословиц и речений, среди которых больше всего латинских и французских, есть также немецкие, английские, древнегреческие и итальянские⁸³.

Иноязычные выражения выполняют в произведениях В. И. Ленина существенные и разнообразные функции.

⁸³ В этой статье все ссылки даются по Полному собранию сочинений В. И. Ленина (в скобках указывается номер тома и страницы). В Указателе к 4-му изданию «Сочинений» фиксируется 82 иноязычных выражения. Некоторые из них использованы В. И. Лениным неоднократно, так что всего отмечается около 130 их употреблений.

Многие из них используются для выражения иронии, как средства в идейно-политической борьбе⁸⁴. Так, В. И. Ленин пишет, полемизируя с одним из «друзей народа»: «Само собой разумеется, что ведь это именно обедневший и обезлошадевший мужик покупает фосфориты, сортировки, молотилки, семена клейдесдальского овса! O, sancta simplicitas! Но ведь пишет это не институтка, а профессор, доктор политической экономии!! Нет, как хотите, а одной святой простотой тут дела не объяснишь» (1,260—261). Иронический эффект усиливается здесь и тем обстоятельством, что в представлении читателя, знающего историю выражения, оно связывает облик ученого профессора с образом неграмотной старой женщины, в адрес которой оно было когда-то произнесено.

С той же целью В. И. Лениным употребляются и другие иронические речения: *Quod licet Jovi, non licet bovi*; *les beaux esprits se rencontrent*; *mutatio nomina, de te fabula narratur*; *si licet parva componere magnis, rira bien qui rira le dernier, risum teneatis amici*, *kill with kindness*, *nous avons changé tout ça* и другие.

Многие иноязычные речения используются и вне экспрессивно-эмоциональной окраски — для лаконичного и четкого фиксирования мысли. Сюда относятся прежде всего употребительные терминологические выражения, своего рода интернационализмы, взятые из языка логики, юриспруденции, науки, искусства: *quod erat demonstrandum*, *tertium non datur*, *reductio ad absurdum*, *conditio sine qua non*, *aut — aut*, *nec plus ultra*, *raison d'être*, *à vol d'oiseau*, *last but not least*, *ipso facto*, *mutatis mutandis* и другие. В. И. Ленин пользуется ими, в частности, в заметках для себя, набросках, планах речей или статей, в письмах.

И, наконец, третий случай использования иноязычных речений занимает промежуточное положение между первыми двумя. Внимательное изучение фразеологии в контекстах позволяет обнаружить одну характерную закономерность ее употребления. Нередко фразеологизм не вносит ничего нового в общую информацию описания, но представляет собой вторичную номинацию, которая предшествует (или следует) основному, нефразеологическому обозначению того же отрезка или элемента ситуации. Соположение фразеологического и нефразеологического обозначения отрезка одной и той же действительности делает речь выразительной, придает мысли точную, афористичную форму. Именно в такой уточняющей функции нередко использует В. И. Ленин иноязычные фразеологизмы. Например: «Представьте себе, что ваш автомобиль остановили воору-

⁸⁴ См. Е. Э. В и л е н к и н а. Иностранные языки в жизни и деятельности В. И. Ленина. М., 1959, стр. 34—36. К сожалению, в этой работе есть неточности при цитировании переводов рассматриваемых речений.

женные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно. «Do ut des» («даю» тебе деньги, оружие, автомобиль, «чтобы ты дал» мне возможность уйти подобру-поздорову)» (41, 19). Здесь латинская формула резюмирует предшествующее описание ситуации и является основой для ее дальнейшего разъяснения.

В большинстве случаев употребляемые выражения и поговорки В. И. Ленин оставляет без перевода. И это не удивительно. Знание латинского и древнегреческого языков, владение современными языками, прежде всего французским и немецким, составляло в конце XIX — начале XX века важнейший элемент классического образования. Многие выражения, употребляемые В. И. Лениным, встречаются в трудах тех авторов, с которыми он полемизировал (например, у Плеханова), в произведениях русских писателей и философов, сыгравших большую роль в идейном формировании русской революционной интеллигенции (например, у Белинского, Герцена, Салтыкова-Щедрина, Тургенева и др.). Короче говоря, многие из этих выражений в ту эпоху были фактами русского языка, несмотря на их неассимилированную иноязычную оболочку⁸⁵. Любопытно, что наиболее часты эти выражения в произведениях В. И. Ленина, относящихся к раннему периоду, и в его письмах.

И все же, более чем в трети всех случаев, В. И. Ленин дает перевод либо толкование иноязычных выражений. Порой, как мы увидим дальше, русский вариант выступает не столько как собственно перевод, сколько как повторная номинация, призванная подчеркнуть или в ряде случаев трансформировать стилистический эффект употребления иноязычного выражения. Вот почему ленинские переводы иногда стилистически отличаются от переводимых фраз. Надо сказать, что приемы перевода и интерпретации выражений у В. И. Ленина чрезвычайно разнообразны, так что на этом сравнительно небольшом материале можно увидеть все основные типы перевода и использования образных фразеологизмов.

При классификации видов перевода можно придерживаться статической или динамической точки зрения. В первом случае дается ответ на вопрос: отличается ли и если да, то чем, полученный перевод от подлинника, сравнивается лексическая, грамматическая и образная структура двух вариантов обозначения. С точки зрения статической, дословный перевод (структура высказывания сохра-

⁸⁵ Об употребительности иноязычных выражений и слов в текстах русских авторов XIX — начала XX века наглядное представление дает «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» А. М. Бабкина и В. В. Шендеева. М., 1966 (далее: «СИБС»).

няется во всех ее релевантных аспектах) противопоставляется недословному (структура высказывания подвергается трансформации).

Во втором случае дается ответ на вопрос, каким образом получен переводческий эквивалент: является ли он собственным творчеством автора или же он представляет собой использование уже бытующего в языке перевода. Это различие между наличным и создаваемым, между традиционными и нетрадиционными эквивалентами имеет особое значение для перевода фразеологизмов, терминов, реалий. Однако, если статический аспект перевода является предметом лингвистического анализа, то различие между наличным и создаваемым эквивалентами относится к экстралингвистической сфере, его нельзя установить путем языкового анализа. Только история языка и культуры может ответить на вопрос, является ли данный перевод использованием уже готового эквивалента или же собственным творчеством переводящего.

Можно предполагать, что среди **дословных**, нетрансформированных переводов В. И. Ленин в некоторых случаях использовал существовавшие, традиционные эквиваленты. Например: «*Quod erat demonstrandum* — что и требовалось доказать» (15, 224).

В других случаях, видимо, В. И. Ленин дает собственный дословный перевод:

«И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: *mettere la coda dove non va il capo* (проткнуть хвост, где голова не лезет)» (8, 400—401).

«*Qui prouve trop, ne prouve rien*. Кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает» (14, 33).

«*L'ignorance est moins éloignée de la vérité que le préjugé!* — невежество менее далеко от истины, чем предрассудок» (14, 14).

«*Si duo faciunt idem, non est idem*, — «когда двое делают одно и то же, то это уже не есть то же» (14, 190).

«Это называется: *der König absolut, wenn er unseren Willen tut*, — король самодержавен, если он творит *нашу* волю» (21, 77).

Анализ некоторых ленинских переводов наводит на мысль, что именно они вошли в русский язык как постоянные эквиваленты иноязычных выражений. Так, В. И. Ленин переводит известную французскую пословицу *Rira bien qui, rira le dernier* дословно: «хорошо смеется тот, кто смеется последним» (14, 292). Такого эквивалента, однако, мы не нашли в русской лексикографии той эпохи. Так, Михельсон⁸⁶ переводит французскую пословицу фразой «по-

⁸⁶ М. И. Михельсон. Ходячие и меткие слова. (Сб. русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). Изд. 2, СПб., 1896.

следний смех лучше первого», Макаров в своем французско-русском словаре использует тот же эквивалент, добавляя к нему «цыпляют по осени считают». Нет такой поговорки и у Даля. Напротив, в советское время французская поговорка часто во многих случаях переводится дословно, как у В. И. Ленина: «(Хорошо) смеется тот, кто смеется последним» («Французско-русский фразеологический словарь» под ред. Я. И. Рецкера, М. 1963), «хорошо посмеется тот, кто посмеется последним» (СИБС, с сохранением глагольного времени французского прототипа).

Другой момент, связанный с дословными эквивалентами и заслуживающий внимания, это — вариантность перевода, не нарушающая дословности. В некоторых случаях ленинский вариант несколько отличается от переводов в словарях и других справочниках, причем оба варианта можно признать нетрансформированными. Так, латинское изречение *si licet parva componere magnis* В. И. Ленин переводит: «если позволительно сравнить маленькое с большим» (14, 81), тогда как у Михельсона сказано «сравнивать малое...»

Обращаясь неоднократно к одному и тому же иноязычному выражению, В. И. Ленин порой переводит его по-разному, с небольшими отклонениями. Известная латинская фраза *do ut des* переводится: «я даю тебе, ты даешь мне» (11, 238); «Я даю тебе, чтобы ты дал мне» (12, 281); изречение *cui prodest* — «кому выгодно?» (23, 61) или «кому полезны?» (41, 426). Английская поговорка *the promises like pie-crust are leaven to be broken* переведена один раз: «обещания, что корка от пирога: их на то и пекут, чтобы ломать потом» (11, 294), другой раз: «обещания похожи на корку пирога: ее готовят, чтобы ее сломать» (24, 72). Различные варианты даются и в одном и том же переводе: «The proof of the pudding is in the eating» (доказательство для пудинга или испытание, проверка пудинга состоит в том, что его съедают)» (18, 109).

Эти примеры представляют интерес в отношении понимания так называемой устойчивости фразеологизмов, которая нередко трактуется как абсолютная неизменность лексико-грамматической структуры выражения. Это верно для некоторых типов фразеологических единиц, например для тех, что имеют в своем составе структурные или лексические архаизмы, но это не совсем так для большинства поговорок, пословиц, крылатых слов и выражений. Мы видим, что при переводе одних и тех же фразеологизмов в аналогичных контекстах одним и тем же автором возникают варианты, не нарушающие общего дословного характера перевода. Устойчивость фразеологизма основывается не на формальной неизменности лексем и грамматических элементов, но на сохранении образа, лежащего в его основе.

Трансформированные переводы также могут быть представлены традиционными и нетрадиционными эквивалентами. Трансформации при переводе оказываются разнообразными. Иногда это замена глагольного времени, как в приведенном выше переводе. Это может быть и перенос лексемы в другую часть речи. Так, поговорку *On n'est trahi que par les siens* Ленин переводит не «Свои-то и предают» (например, в СИВС), но «Изменником может стать лишь *свой* человек» (34, 426). Французскому глаголу *être trahi* соответствует существительное «изменник», местоимению *les siens* словосочетание «свой человек» (с изменением в числе). Благодаря этим трансформациям фраза приобрела четкую форму афоризма.

Известное латинское изречение *de mortuis aut bene aut nihil* у В. И. Ленина переведено с некоторым изменением порядка слов и лексическим добавлением: «о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее» (20, 8). Фраза стала более понятной и просодически уравновешенной, чем дословный перевод «о мертвых ничего или хорошо» например, в словаре Михельсона.

В некоторых переводах В. И. Ленина наблюдаются лексические замены, главным образом конкретизация, обобщение и метонимические переносы. «Но если здесь и есть *отступление*, то разве такое, о котором говорит французская поговорка: *il faut reculer pour mieux sauter!*» (нужно отступить, чтобы сильнее прыгнуть)» (2, 457). Французский глагол сопровождается определителем, показывающим качество в самой отвлеченной форме (*mieux*). В русских переводах можно встретить формулу: «Отступить, чтобы *дальше* прыгнуть». Ленин переводит наречием «сильнее», возможно, потому, что речь идет о развитии политической борьбы, — начало ее больше ассоциируется с силой, чем с дальностью прыжка.

Французское изречение *la raison finit toujours par avoir raison* Ленин переводит: «правда всегда берет верх!» (35, 400). Здесь не отступление от точности перевода, но, наоборот, приближение к ней с помощью конкретизации: французское слово *raison* означает не только «разум», но более широкое понятие — и здравый смысл, и правильность суждений, — которое удачно конкретизируется словом «правда».

Латинскую поговорку *hic Rhodus, hic salta*, которая обычно переводится «Здесь Родос, здесь прыгай!», В. И. Ленин передает фразой «здесь Родос, здесь пляши» (23, 330), что вполне обоснованно, так как латинское *saltare* значило не только «прыгать», но и «скакать», и «плясать», тем более, что последний конкретный вариант более уместен в том контексте, где употреблена Лениным эта поговорка.

Интересный пример метонимического переноса наблюдается в переводе: «*Man sieht nicht auf die Goschen (d. h. Mund), sondern auf*

die Groschen» — в вольном русском переводе: «не так норовим, чтобы в рот, как чтобы в карман» (5, 164). Немецкое слово Groschen «гроши, деньги» заменено в переводе словом «карман». Замена эта чрезвычайно удачна, так как во многих русских поговорках деньги метонимически обозначаются словом «карман». В немецкой же фразе слово Groschen употреблено не только в силу своего собственного значения, но и для рифмы с Goschen. Отсутствие рифмы компенсируется в русском переводе рифмованным параллелизмом *не так... как*. Общее построение фразы, ее синтаксис является характерным для народных русских поговорок.

Латинскую цитату *Oleum et operam perdidisti, amice!* (букв. «Масло и труд ты потерял, друг») В. И. Ленин перевел: «Друг мой, ты напрасно теряешь время и труд» (8, 26). Помимо перенесения действия в настоящее время, что очень уместно, так как фраза вводится в контекст настоящего времени (осуждение действий идейных противников, а не констатация безрезультатности совершенного действия), слово *oleum* («масло») заменено словом «время», что также удачно, т. к. буквальный перевод остался бы неясным для современного читателя, который может не сразу понять, что речь идет о масле для лампы, при свете которой всю ночь трудилась героиня Плавта. Замена «для прояснения» тем более обоснованна, что слово *oleum* избрано латинским автором не только в силу его собственного значения, но по-видимому и ради начального ассонанса (*oleum et operam*), характерного для латинского стиха.

Как один из способов «прояснения» значения фразеологизмов В. И. Ленин использует обобщенный перевод-разъяснение. Такой перевод, не воспроизводя лексико-грамматической структуры подлинника, раскрывает общее значение выражения. Например: *pour la bonne bouche* (букв. «для хорошего вкуса во рту», «на закуску») переводится «для хорошего окончания» (11, 82), выражением, которое по объему значения перекрывает конкретный смысл французской поговорки.

При переводе иностранных речений Ленин пользуется и готовыми эквивалентами с тем же значением, что и подлинник, но с иной лексико-грамматической структурой. Например: *abwarten! wait and see* (поживем — увидим!)» (19, 297). В русской фразе содержится глагол «жить», а не «ждать», как в английской или немецкой. Латинскую формулу *mutatis mutandis* Ленин переводит выражением «с соответствующими изменениями» (22, 331), а не дословным эквивалентом, бытующим в словарях: «изменив, что надо изменить».

Для перевода образных речений Ленин обращается к идиоматическим русским пословицам, хотя и содержащим иную образную структуру:

«Я мог бы также ответить немецкой пословицей: *Den Sack schlägt man, den Esel meint man*, или по-русски: кошку бьют, невестке наветки дают» (6, 182).

Ставшее поговоркой выражение Вольтера *les beaux esprits se rencontrent* в словаре Макарова толкуется: «удачное совпадение двух взглядов, предположений». Оно приобрело различные оттенки значения и нередко переводится буквально: «великие умы сходятся», что не вполне ясно для русского читателя и нуждается в толковании. В. И. Ленин, не раз обращавшийся к этой поговорке, нашел для нее замечательные эквиваленты в русском языке: «Рыбак рыбака видит издалека» (12, 348) и «по-русски примерно: свой своему поневоле брат» (7, 212). Эти ленинские переводческие находки используются уже как варианты толкования французского выражения в существующих словарях (например, в СИВС).

Аналогичным образом В. И. Ленин переводит и пословицу *Se n'est que le premier pas qui coûte*. Вместо дословного перевода «труден только первый шаг» или обычного эквивалента «лиха беда начало», он после этой фразы замечает: «... или по-русски: первая чарочка колом, вторая — соколом, а остальные — мелкими пташечками» (14, 45). Выразительные русские поговорки не только передают общий смысл французского изречения, но и сопровождают его уместным в данном контексте оттенком иронии.

Последние два примера подводят нас уже к новой проблеме: разъяснительному и актуализирующему переводу.

Если дословный перевод оказывается недостаточно ясным для русского читателя, В. И. Ленин прибегает к **разъяснительному** переводу. Как мы видим, разъяснение достигается лексическими заменами, обобщенным переводом, использованием, наряду с дословным переводом, и недословных русских эквивалентов. Как особый случай можно рассматривать распространение высказывания при переводе: «*pas si bête, messieurs!* Не так уж я глуп, господа, чтобы этому поверить!» (8, 80). Или: «Помнится, Наполеон писал: «*On s'engage et puis... on voit*». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет» (45, 381).

И, наконец, на грани перевода и интерпретации находится **актуализация** фразеологизмов. В. И. Ленин использует иноязычные речения для характеристики лиц, действий, ситуаций. В связи с этим нередко не дается полного и точного перевода фразеологической единицы, она переводится частично, другие ее элементы заменяются названиями тех лиц или событий, о которых идет речь, либо в грамматически измененной форме она прилагается к этим лицам и событиям.

Так происходит актуализация иноязычного фразеологизма, его соотнесение непосредственно с описываемой действительностью.

Иноязычный фразеологизм может предшествовать актуализированной форме, может и следовать за ней.

Простейший вид актуализации — включение перевода в русскую фразу. Характерный пример был приведен в начале статьи: «O, sancta simplicitas!... Как хотите, а одной святой простотой тут дела не объяснишь» (1, 261). Латинское выражение не сопровождается переводом непосредственно. Но его перевод («святой простотой») включен в последующее высказывание.

Более сложная форма актуализации — частичный перевод с замещением ряда элементов из ситуации. Например: «Volentem ducunt fata, nolentem trahunt, — по-русски это значит, примерно: сознательный политик идет впереди событий, несознательного они волокут за собой» (13, 362). Дословно латинское изречение переводится: «желающего идти судьба ведет, нежелающего тащит» (СИБС). Ленин, сохраняя часть лексики и общую синтаксическую и образную структуру высказывания, заменяет «судьбу» событиями, отвлеченное указание на человека — политиком. Передается общий смысл изречения, который конкретизируется в применении к описываемым обстоятельствам.

Еще более значительная трансформация при актуализации наблюдается в том случае, когда целиком замещается семантическое содержание высказывания и сохраняется лишь его общая логико-синтаксическая схема.

«Есть соглашения и соглашения, есть *fagots et fagots*, как говорят французы» (37, 55). Благодаря параллелизму структуры обоих выражений, читатель, даже не видя перевода, понимает, что французская поговорка значит, что две вещи, называясь одинаково, могут различаться по существу.

«Но Каутский твердо стоит на своем «лозунге»: пусть гибнет революция, пусть буржуазия торжествует над пролетариатом, лишь бы процветала «чистая демократия»! *Fiat justitia, pereat mundus!*» (37, 282). Логическая структура русской фразы предвосхищает общий смысл латинского изречения, раскрывая его.

Такой *cas-limite* сближается с использованием иноязычного выражения — безо всякого уже перевода и замещения — в качестве заставки или концовки. Ленин любил и нередко использовал этот прием. Например:

«Есть такое латинское изречение «*cui prodest*» (куи продэст), — «кому выгодно?». Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: «кому выгодно?» (23, 61).

Вот характерный пример использования иноязычного изречения как концовки, резюмирующей ход мысли:

«Это не значит, чтобы был желателен или хотя бы лишь возможен немедленный раскол с оппортунистами во всех странах: это значит, что он исторически назрел, стал неизбежен и прогрессивен, необходим для революционной борьбы пролетариата, что история, повернув от «мирного» капитализма к империализму, повернула к такому расколу. *Volentem ducunt fata, nolentem trahunt*» (27, 105).

Анализ ленинских переводов иноязычных выражений показывает, с какой точностью и тонкостью Ленин использовал различные приемы перевода, как дословные, так и недословные. (В последнем случае В. И. Ленин сам руководствовался принципом: «Отступить, чтобы сильнее прыгнуть!»).

II. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

А. Швейцер
(Москва)

ВОЗМОЖНА ЛИ ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА?

Вопрос, поставленный в заголовке настоящей статьи, может показаться праздным. В самом деле, ведь в научной и методической литературе имеется ряд фундаментальных работ, посвященных общетеоретическим проблемам перевода. Достаточно сослаться хотя бы на недавно вышедшую третьим изданием книгу А. В. Федорова «Основы общей теории перевода». И в то же время такого рода вопрос неизбежно возникает при ознакомлении с современным состоянием работ в этой области.

В свое время А. А. Реформатский дал отрицательный ответ на этот вопрос, аргументируя это тем, что поскольку практика перевода пользуется данными многих наук, она не может иметь собственной теории¹. Это утверждение встретило решительное возражение со стороны теоретиков перевода. И тем не менее сейчас, восемнадцать лет спустя, мы снова ставим перед собой этот вопрос: а возможна ли общая теория перевода? Причины этого кроются, на наш взгляд, в том, что разработке общетеоретических, методологических принципов перевода вообще за эти годы уделялось явно недостаточное внимание.

Общую теорию перевода раздирали центробежные силы. Специалисты в области художественного перевода ревностно оберегали объект своих наблюдений от посягательств лингвистов, рассматривая попытки построения лингвистической теории перевода как проповедь формализма. С другой стороны, и среди сторонников лингвистической теории перевода наметился раскол на два лагеря. Одни анализировали закономерности перевода, используя при этом традиционные методы лингвистического описания. Другие же стремились описать процесс перевода в терминах структурного или, точнее, микролингвистического анализа. В предисловии к третьему изданию своей книги А. В. Федоров пишет, что он оказался «между двух огней», став мишенью критики как сторонников литературоведческой школы, обвинявших его в излишней «лингвистичности», так и со стороны сторонников структурно-лингвистической теории, усматривавших в его работе недооценку формальных критериев.

¹ См. А. А. Реформатский. Лингвистические вопросы перевода. «Иностранные языки в школе», 1952 г., № 6.

Отсутствие единства в основных, принципиальных вопросах не могло не отразиться на разработке общетеоретических проблем перевода. До сих пор остается неясным, что именно является объектом теории перевода — процесс перевода или его результат, что следует считать единицей перевода, каково отношение теории перевода к переводческой практике.

Далеко не последнее место среди этих вопросов занимает вопрос о месте перевода среди других дисциплин, как лингвистических, так и нелингвистических.

Но прежде всего следует решить вопрос о том, можно ли строить теорию общего перевода, исходя только из формально-структурных или художественно-эстетических критериев. Думается, что такой подход к проблемам общего перевода всегда будет однобоким и не сможет дать исчерпывающей объективной картины тех процессов, которые принято относить к переводу. Эффективность всякого теоретического описания определяется тем, насколько полно, точно и всесторонне оно отражает явления объективной действительности. Поэтому модель, которая конструируется с учетом лишь одного из аспектов моделируемого процесса, едва ли может быть признана адекватной с точки зрения ее объяснительной силы.

Если считать, что область художественного перевода является областью «чистого творчества», на которую не распространяются лингвистические закономерности перевода, то придется прийти к выводу о невозможности построения общей теории перевода, поскольку теория, приложимая лишь к одним видам перевода, но не к другим, никак не может быть признана общей. Однако задачей общей теории перевода как раз и является вскрытие тех общих закономерностей, которые присущи переводу вообще несмотря на специфику тех или иных его разновидностей. Ниже мы остановимся на некоторых из этих закономерностей.

Увлечение формально-структурным анализом процесса перевода относится к тому недавнему периоду, когда в языкознании вообще и в особенности среди представителей дескриптивного направления широкое распространение получил так называемый «микролингвистический» подход, не допускавший выхода за пределы языковой структуры при анализе и интерпретации языковых явлений. Нельзя отрицать важность такого рода подхода для разработки проблем машинного перевода, требующего перекодирования языковой информации в формализованный язык ЭВМ. Однако распространение этих методов на область «человеческого» перевода едва ли может полностью вскрыть механизм переводческой деятельности и лежащие в ее основе закономерности.

Не случайно авторы «Основ общего и машинного перевода» И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг, стремясь оставаться в рамках

внутрилингвистического анализа, исключают из перевода такой его важный и неотъемлемый элемент, как обращение к действительности, противопоставляя его переводу как «интерпретацию». И хотя авторы признают, что оба процесса (т. е. перевод и «интерпретация» в указанном выше смысле) едва ли встречаются в чистом виде, само по себе разделение этих двух сторон одного и того же процесса и рассмотрение одной стороны в отрыве от другой никак не может послужить удовлетворительной основой для разработки общей теории перевода. Даже в области синхронного перевода, где, по мнению И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга, передача смысла сообщения осуществляется почти без всякого обращения к действительности, на самом деле перевод едва ли может быть осуществлен без определенного минимума информации о денотате, т. е. без того, что в обиходной речи именуется знакомством с предметом.

Однако дело не только в том, что ограничение сферы общего перевода формально-структурными показателями приводит к недооценке столь важного компонента переводческой деятельности, как учет экстралингвистической информации. Существенным недостатком микролингвистического подхода является то, что во имя дескриптивной простоты рисуется упрощенная картина гомогенной языковой структуры, а всякая вариантность, не обусловленная внутренними структурными факторами, по образному выражению американского лингвиста У. Брайта², «замечается под ковер», как свободная вариация. Между тем даже невооруженным глазом видно, что структура языка далеко не гомогенна и что его вариативность отнюдь не свободна, а обусловлена социальными, географическими и другими экстралингвистическими факторами. Практику-переводчику приходится иметь дело не с идеальными теоретическими конструктами, а естественными языками с их сложной стратифицированной структурой и с реальными речевыми произведениями на этих языках.

Из сказанного выше отнюдь не следует, что формально-структурный анализ не имеет существенного значения для теории перевода. Однако было бы ошибочно полагать, что этот анализ может дать всестороннюю и исчерпывающую картину того процесса, который реально имеет место при переводе с одного естественного языка на другой.

Итак, что же является предметом научного описания в общей теории перевода — процесс перевода или его результат? И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг упрекают Я. И. Рецкера и А. В. Федорова в том, что те строят теорию перевода традиционно, как дисциплину

² См. W. Bright. Introduction. The Dimensions of Sociolinguistics. Sociolinguistics. The Hague—Paris, 1966.

нормативную, главной целью которой является установление результатов процесса перевода и выработка критериев оценки его качества. Между тем, объектом теории перевода, по мнению авторов «Основ общего и машинного перевода», должен быть «сам процесс перевода..., при котором совершается переход от одной системы знаков к другой и который может быть описан в семиотических терминах» (стр. 21).

Остается неясным — как можно рассматривать процесс перевода в отвлечении от его результата? Ведь если описывать процесс перевода, не зная, каким должен быть его результат и не располагая критериями оценки его качества, не имея эталона, то как тогда отличить правильный перевод от ошибочного, адекватный от буквального и т. д.? Элемент оценки неизбежно присутствует при любом описании перевода.

Попутно отметим, что в лингвистической литературе термин «нормативный» иногда используется со снисходительно-пренебрежительным оттенком. Порой он превращается в своего рода эвфемистический эквивалент понятия «ненаучный» (ср. частое противопоставление научных и нормативных пособий по грамматике, лексике, фонетике и т. п.). Причины этого кроются, на наш взгляд, в детерминистском подходе к явлениям языка, отрицающем всякую возможность сознательного влияния на языковые процессы. Вместе с тем история многих языков изобилует примерами, свидетельствующими о той существенной роли, которую играют нормативные пособия — грамматики, словари и др. — в стандартизации языка. Было бы бесполезно отрицать влияние выработанных советской переводческой школой критериев оценки переводов на достижения этой школы.

Разумеется, нормативы и оценочные критерии могут быть пригодны лишь в том случае, если они опираются на объективный научный анализ, т. е. если они научно обоснованы.

Таким образом, теория перевода должна отразить процесс перевода во всей его полноте и, разумеется, включая его результат. Не могут избежать оценки результатов перевода и авторы «Основ общего и машинного перевода», когда они оперируют такими понятиями, как «точный перевод», «адекватный перевод», и др., хотя они и интерпретируют их по-своему.

И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг полагают, что теория перевода должна строиться преимущественно дедуктивно, так как в противном случае она растворяется в стилистике, грамматике, лексикологии и теряет свой предмет. Едва ли можно построить дедуктивную модель перевода, не располагая его идеальной схемой с точки зрения достигаемых результатов. Кстати, сама по себе возможность построения такой теории путем чистой дедукции представляется

крайне сомнительной, и в этом отношении нельзя не согласиться с немецким ученым О. Каде, который приходит к выводу о том, что чистой дедукции в математическом смысле не может быть в эмпирических науках, к которым относится и теория перевода³.

За последние годы в лингвистической литературе получил распространение термин «единица перевода». О. Каде определяет эту единицу как «минимальный отрезок текста ИЯ, которому благодаря потенциальным эквивалентным отношениям может быть противопоставлен отрезок текста ПЯ, отвечающий требованию сохранения инвариантности плана содержания» (цит. соч., стр. 90). Далее выясняется, что единицей перевода может быть слово, фразеологическая единица, целое предложение и даже весь переводимый текст в целом. Думается, что само понятие единица перевода представляет собой *contradictio in adjecto* прежде всего потому, что любая единица — это постоянная величина, тогда как так называемая «единица перевода» по определению представляет собой переменную величину. Кроме того, любая единица представляет собой конститутивный элемент данного уровня. В то же время в теории перевода за единицу почему-то принимаются варьирующие и неопределимые в лингвистических терминах сегменты плана выражения ИЯ. Наконец, любая единица позволяет как бы «измерить» однородные величины, представив их в виде линейной последовательности соответствующих единиц. Например, высказывание может быть представлено как последовательность фонем или цепочка морфем. Процесс перевода едва ли может быть представлен как простое соединение единиц. Вот приводимый О. Каде пример предложения как единицы перевода (т. е. минимального, неделимого с точки зрения перевода сегмента):

Учитывая запросы читателей, издательство выпускает новый дополнительный тираж книги.

Der Verlag trägt deshalb mit einer Nachauflage den Wünschen der Leser Rechnung.

Приводимые здесь речевые отрезки, казалось бы, напротив, можно вполне разделить на более мелкие сопоставимые сегменты (например, *издательство Verlag, дополнительный тираж Nachauflage* и т. д.) . И тем не менее окончательно вопрос о переводе данного высказывания может быть решен лишь с учетом соотношения структур на уровне предложения. Дело в том, что переход к каждому следующему уровню — от уровня слов к уровню словосочетаний, от

³ См. О. К а д е. Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung. Leipzig, 1968.

последнего к уровню предложений — может вносить (и, как правило, вносит) нечто качественно новое в процесс перевода. То же самое происходит и при последовательном учете перечисленных выше детерминантов. Величина минимальных переводимых отрезков (а последние несомненно существуют, хотя и никак не подпадают под категорию единиц) определяется сложным взаимодействием лингвистических и экстралингвистических факторов и порой может зависеть от чисто случайных обстоятельств (например, от расстояния между данным словом и той единицей, которая актуализирует его значение).

Заслуживает внимания предлагаемая О. Каде схема процесса перевода. Согласно этой схеме переводчик как бы выступает в двух ролях. Во-первых, он является непосредственным получателем информации, исходящей от отправителя. При этом в идеале должно быть точное соответствие между коммуникативно реализуемым намерением (*kommunikativ realisierte intention*) отправителя и результирующим коммуникативным эффектом в первом звене акта двуязычной коммуникации, т. е. в звене «отправитель-получатель (т. е. переводчик)». Затем переводчик, получив от отправителя текст, т. е. речевое произведение, реализующее его коммуникативное намерение, перекодирует его в единицы кода основного получателя, сам при этом выступая в роли отправителя. При этом должно быть обеспечено соответствие между коммуникативно реализуемым намерением переводчика и результирующим коммуникативным эффектом первого звена коммуникативного акта и, следовательно, между коммуникативно реализуемым намерением переводчика и конечным коммуникативным эффектом во втором звене этого акта, т. е. в звене «переводчик-получатель». Обеспечение этого соответствия и является, по мнению О. Каде, основным критерием при оценке перевода.

Отсюда следует, что второй этап, т. е. этап нахождения соответствий в ПЯ и является решающим этапом перевода. Именно на этом этапе мы и остановимся ниже.

Прежде всего не следует забывать, что переводчик воспринимает исходящую от отправителя информацию в виде конкретных произведений речи. Именно в этих речевых произведениях и реализуется коммуникативное намерение отправителя. Однако в отличие от простого перекодирования, когда между знаками одного кода и знаками другого имеется одно-однозначное соответствие, преобразование речевых произведений одного языка в речевые произведения другого ставит переводчика перед неизмеримо более сложной проблемой. Сложность и гетерогенность системы естественного языка, избыточность и дифференциация его структуры, полисемия и синонимия языковых единиц, отсутствие одно-однозначных соответствий

между планом содержания и планом выражения, почти неисчерпаемые ресурсы контекстуальной синонимии — все это приводит к тому, что переводчик не просто транспонирует знаки из одной кодовой системы в другую, а решает гораздо более сложную задачу, связанную с выбором оптимального варианта из значительного числа возможных.

В этом и заключается, на наш взгляд, центральная проблема перевода. Поэтому стоящая перед теорией перевода задача — выявить закономерности процесса перевода — не может быть решена без определения тех факторов, которые влияют на выбор соответствующего варианта при переводе и без выяснения взаимодействия и соотношения между этими факторами. Попытаемся кратко охарактеризовать эти факторы (назовем их *детерминантами процесса перевода*) и их роль в двуязычном коммуникативном акте.

Общезвестно, что процесс перевода детерминруется соотношением между системами ИЯ и ПЯ. Однако при всей важности этого детерминанта нельзя не заметить, что знание систем обоих языков является необходимым условием успешного перевода, но само по себе еще не гарантирует его адекватности. Автор настоящей статьи уже высказывался по этому вопросу на страницах «Тетрадей переводчика»⁴. «Сетка соотношений» между системами языков дает в руки переводчика лишь исходный материал. Это, образно выражаясь, тот трамплин, без которого лыжник не может совершить прыжка, но который сам по себе не гарантирует успешного приземления. Сказанное выше можно пояснить на примере сопоставительной грамматики. Из последней переводчику известно, что, в английском языке, в отличие от русского, в системе неличных форм глагола отсутствует деепричастие и что функционально-семантический диапазон этой формы в английском языке перекрывается другими неличными формами глагола (причастием, герундием, инфинитивом), а также отглагольным существительным. Но из этого перечня не ясно, какую из перечисленных выше форм следует использовать в данном контексте. Иными словами, соотношение языковых систем детерминирует и ограничивает набор возможных вариантов, но не предопределяет выбор оптимального варианта.

Как уже говорилось выше, переводчику непосредственно даны не абстрактные сетки соотношений, а конкретные речевые произведения. Прав О. Каде, когда он пишет, что «проблематика перевода обуславливается тем, что при перекодировании (т. е. при смене

⁴ См. «Тетради переводчика», вып. 1, М., 1963.

кода) на уровне речи (т. е. при актуализации языковых средств) должно быть достигнуто соотношение 1 : 1 в плане содержания между элементами ИЯ и ПЯ, хотя несовпадение семантико-функциональной стороны разноязыковых знаков (знаков ИЯ и знаков ПЯ) на уровне языка является правилом⁵. Разумеется, достижение эквивалентности между этими знаками возможно потому, что оно потенциально заложено в соответствующих системах. Но при этом важно отметить то, что отношения эквивалентности устанавливаются непосредственно не между знаком ИЯ и знаком ПЯ, а между знаком ИЯ + контекст и знаком ПЯ + контекст, т. е. между соответствующими речевыми произведениями. Едва ли нужно доказывать то, что проблема речевого контекста как детерминанта процесса перевода является одной из коренных проблем теории перевода. Мы часто забываем о том, что критерием правильности перевода является не правильная передача отдельных слов, а точность передачи данного речевого произведения, которое, как правило, не является простой суммой входящих в него элементов.

Сказанное выше в значительной мере относится и к ситуационному контексту. По существу переводчику безразлично, что именно послужило актуализатором значения — речевой контекст с его лексическим или синтаксическим «указательным минимумом» (термин Н. А. Амосовой) или контекст ситуационный. Так, для переводчика технической литературы выбор соответствующего варианта при переводе на английский язык русского термина «панель» (panel, shelf, bay) может определяться как речевым контекстом (например, *панель управления* control panel, *панель электропитания* power supply shelf), так и соответствующим рисунком или чертежом.

Снимая многозначность и в этом смысле ограничивая выбор вариантов, контекст в то же время расширяет возможности выбора, создавая бесчисленное количество параллельных способов передачи смысла высказывания путем контекстуальных лексико-синтаксических парафраз. Выбор из их числа оптимального варианта в значительной мере детерминируется соотношением между стилем отправителя и стилем получателя. Характерна в этом отношении правка, которой были подвергнуты американским журналистом предназначенные для опубликования в США переводы, выполненные в Москве⁶. Эта правка, в основном, носит характер адаптации текста к газетно-публицистическому стилю.

⁵ Цит. соч., стр. 75.

⁶ Эти материалы были любезно предоставлены в наше распоряжение Бюро перевода АПН.

Ср. следующие примеры:

вариант переводчика

The development of the notions of the human society's future can be traced throughout the history of the world's social thought.

He started from the assumption that the capitalist compensated the worker for all the outlays connected with the reproduction of labor power.

вариант редактора

Speculation on the future of human society is as old as the history of ideas.

He started from the assumption that the capitalist paid the worker enough to reproduce his labor.

При этом используются следующие приемы: компрессия, упрощение синтаксической структуры, устранение специфически книжной лексики. В итоге текст, написанный ученым и отвечающий всем признакам научной прозы, приобретает необходимые стилистические характеристики журнальной статьи, рассчитанной на широкую читательскую аудиторию. Установка на аудиторию, т. е. на получателя является одним из важнейших детерминантов процесса перевода.

Установка на получателя важна и в тех случаях, когда ПЯ представляет собой сложное образование со значительной вариантностью в территориальной плоскости. Так, при переводе на английский язык выбор соответствующего варианта иногда определяется тем, является ли аудитория, которой адресуется данный текст, британской или американской. Характерно, что английские читатели, судя по материалам, предоставленным в распоряжение автора Бюро перевода АПН, возражают против использования в публикуемых агентством на английском языке текстах американизмов *instructor* (в значении «преподаватель высшего учебного заведения», должно быть *lecturer*), *graduate* (в значении «выпускник средней школы», должно быть *school-leaver*), *diapers* (в значении «пеленки», должно быть *nappies*), *apartment house* (в значении «многоквартирный жилой дом», должно быть *block of flats*). Изучая лингвогеографические детерминанты процесса перевода, теория перевода тесно соприкасается с ареальной лингвистикой.

Не менее важен при выборе оптимального варианта учет социальной дифференциации языка. Для теории перевода весьма полезны данные некоторых социолингвистических исследований. Сошлемся в качестве примера на работу американского социолингвиста П. Фридриха⁷, посвященную проблеме социально обусловленных

⁷ См. P. Friedrich. Structural implications of Russian pronominal use. Sociolinguistics. The Hague — Paris, 1966.

вариаций в употреблении русских местоимений *ты* и *вы*. Исследуя диалогическую речь в произведениях русских классиков XIX века на фоне широкой картины социального расслоения русского общества, автор строит модель социально-психологических факторов, влияющих на употребление этих местоимений. Думается, что сопоставительное (cross-cultural) изучение функциональных коррелятов подобных явлений в других языках значительно расширит горизонты теории перевода.

Особое значение приобретает учет социолингвистического детерминанта при переводе на языки народов, находящихся на более раннем этапе своего культурного развития. В конечном счете перевод — это не только соприкосновение языковых систем, но и соприкосновение культур. Перевод на языки, не имеющие собственной широко разветвленной системы научной терминологии, переводчик стоит перед выбором возможных вариантов, допускаемых системой данного языка. При этом чрезвычайно важен учет социолингвистических исследований в области стандартизации языка и языкового строительства или языкового планирования.

Не менее важны и психолингвистические детерминанты перевода. О. Каде в цитированном выше труде относит многие из них к категории «субъективных факторов», влияющих на процесс перевода. Их учет необходим потому, что нам не следует забывать, что участники акта двуязычной коммуникации — это не некое идеальное великолепно сыгранное трио безукоризненных исполнителей. Различия в «компетенции» (competence) и в «искусстве воспроизведения» (performance) могут самым существенным образом влиять на процесс перевода. Следует помнить о том, что переводчик — это билингв и в этом смысле подвержен значительно большему влиянию интерференции, чем тот, кто пользуется разноразными системами отдельно, в дифференцированных ситуациях⁸. По сути так называемые «буквализмы» в переводе являются ничем иным, как результатом интерферирующего влияния ИЯ.

Приведем пример того, как учет психолингвистического детерминанта (в данном случае несоответствия между коммуникативным намерением отправителя и его реализацией) влияет на выбор варианта. Один из участников семинара по вопросам научно-технического перевода рассказывает о том, как встретившаяся в заводской технической инструкции двусмысленная фраза *Поворотом шкива установить момент начала поступления воздуха в цилиндр* была вначале переведена неверно: Turn the sheave to find the moment the air starts

⁸ Подробнее об интерференции при билингвизме см. Е. М. Верещагин. Психолингвистическая проблематика теории билингвизма. (Обзор литературы), ВЯ, 1967 г., № 6.

coming into the cylinder, а впоследствии исправлена более опытным переводчиком: Let the air into the cylinder⁹.

Разумеется, в данном случае существенную роль сыграл и такой детерминант процесса перевода, как информация о денотате. О его значении мы уже говорили выше.

В некоторых видах перевода (в переводе художественной прозы, поэзии, публицистики) значительное влияние на выбор варианта оказывает художественно-эстетический детерминант. Размеры настоящей статьи не позволяют подробно рассмотреть роль этого фактора. Ограничимся лишь указанием на то, что в этой области теория перевода смыкается с литературоведением.

Роль перечисленных выше детерминантов различна. Некоторые из них (например, соотношение систем, контекстуальные актуализаторы значений) присутствуют во всех актах двуязычной коммуникации. Роль других определяется коммуникативной функцией или жанром. В тех жанрах, где набор используемых языковых средств строго детерминирован (например, в научно-технической литературе) влияние художественно-эстетического детерминанта может быть нулевым. С другой стороны в поэтическом переводе влияние этого детерминанта может быть продемонстрировано различием между подстрочником и адекватным переводом. Таким образом, процесс перевода характеризуется сужением набора вариантов под действием перечисленных выше детерминантов. Однако на уровне предложения решение, как правило, не бывает однозначным. Это объясняется параллелизмом средств выражения ПЯ, так и возможностями различной интерпретации (разумеется, в допустимых пределах) исходного текста.

Из сказанного выше следует, что теория перевода является междисциплинарным направлением, лингвистическим в своей основе, тесно смыкающимся с психолингвистикой, социолингвистикой и ареальной лингвистикой, а также с некоторыми нелингвистическими науками (например, с литературоведением). В то же время теория перевода имеет свой ясно очерченный объект изучения: это процесс перевода во всей его совокупности и во всем его многообразии с обязательным учетом всех его детерминантов. Теория перевода имеет два выхода — в теоретические языковедческие дисциплины и в переводческую практику. Следует прямо признать, что первый выход был до сих пор более эффективным и плодотворным (ср. например, использование анализа переводов в работах по сопоставительной грамматике). Необходимо в то же время иметь в виду, что практика пере-

⁹ Н. Н. Маркова. Специфика перевода экспортной технической документации и пути повышения ее качества. «Вопросы теории и практики научно-технического перевода». Л., 1968.

вода никак не может требовать от теории однозначных решений, поскольку таковые, попросту говоря, невозможны. В то же время теория общего перевода призвана обогатить переводческую практику, вскрыв закономерности процесса перевода, глубоко проникнув в сложный механизм этого многообразного и разностороннего вида речевой деятельности и выработав научно обоснованные оценочные критерии.

В. Комиссаров
(Москва)

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ПЕРЕВОДОВ

В настоящее время проблемы изучения переводческой деятельности все больше привлекают внимание языковедов. Важное место в лингвистическом переводоведении занимает вопрос об объектах и методах лингвопереводческих исследований.

Перевод представляет собой создание речевых произведений на каком-либо языке, инвариантных в плане содержания заданным речевым отрезкам другого языка. Сам процесс создания таких произведений мало доступен для наблюдения, так как он протекает в сознании переводчика без полного осмысления самим переводчиком механизма этого процесса. Поэтому научные обобщения в области перевода основываются, главным образом, на изучении не самого процесса перевода, а его результатов, зафиксированных в письменной (реже устной) форме. Подобное изучение результатов переводческого процесса часто называют сопоставительным, так как оно проводится методом сопоставления текстов перевода с исходными текстами (оригиналами).

Разумеется, текст перевода может быть объектом лингвистического анализа и безотносительно к исходному тексту. Могут, например, изучаться языковые особенности переводов, отличающие их от оригинальных произведений на этом же языке. Речь идет, конечно, не о случаях нарушения норм языка при переводе, создающих так называемый псевдопереводческий язык, а о возможных отклонениях в частоте употребления отдельных слов и словосочетаний, в отборе стилистических приемов, в распространенности калек, заимствований, иноязычных вкраплений и т. п. Подобные исследования могут дать интересный материал о языке переводной литературы. Полученная этим путем информация будет иметь ценность и для теории перевода, поскольку она будет учитываться при сопоставлении различных вариантов перевода и оценке его близости к оригиналу.

При изучении переводов в пределах языка перевода возможно сопоставление как текстов различных переводов, так и переводов с оригинальными текстами этого же языка. Однако сопоставительное изучение переводов предполагает прежде всего сопоставление перевода с текстом иноязычного оригинала. Если при этом возможно и сравнение двух или нескольких переводов одного и того же оригинала, оно всегда производится по отношению к исходному тексту. При этом заранее известно, что анализируемый текст представляет собой перевод иноязычного речевого произведения. Исследователь имеет дело с текстом, «намерение» (purpose) которого задано другим (иноязычным) текстом. Задача анализа заключается в выяснении способов реализации заданного намерения в переводе.

Подобной задаче сопоставительного исследования переводов противостоит оценочно-нормативный анализ перевода. Такой анализ преследует цель указать на случаи ошибочного перевода или, напротив, одобрить удачный выбор переводчика. При этом исследователь должен заранее знать, каким должен быть изучаемый процесс, т. е. исходить из определенного набора принципов или требований, которым должен удовлетворять «хороший» (полноценный, адекватный и пр.) перевод. В настоящее время многие из этих принципов формулируются, в основном, интуитивно и часто противоречат друг другу. Т. Сэвори¹⁰, пытаясь свести воедино требования, предъявлявшиеся к переводу различными авторами, приводит следующий список:

1. Перевод должен передавать слова оригинала.
2. Перевод должен передавать мысли оригинала.
3. Перевод должен читаться, как оригинал.
4. Перевод должен читаться, как перевод.
5. Перевод должен отражать стиль оригинала.
6. Перевод должен отражать стиль переводчика.
7. Перевод должен читаться, как произведение, современное оригиналу.
8. Перевод должен читаться, как произведение, современное переводчику.
9. Перевод может допускать добавления и опущения.
10. Перевод не должен допускать добавлений и опущений.
11. Перевод стихов должен осуществляться в прозе.
12. Перевод стихов должен осуществляться в стихотворной форме.

Отсутствие единых критериев в значительной степени обесценивает нормативный подход к анализируемым переводам.

¹⁰ T h. H. S a v o r y. The Art of Translation. London, 1957, pp. 48—49.

Сопоставительный анализ переводов как метод переводческого исследования основывается на допущении, что совокупность переводов, выполняемых в определенный хронологический период, представляет собой оптимальное решение всего комплекса переводческих проблем при данном уровне развития теории и практики перевода. В этом случае переводческие принципы и приемы формулируются в качестве обобщений реально существующих и доступных наблюдению фактов. Сопоставительный анализ дает возможность выяснить, как преодолеваются типовые трудности, а также, какие элементы оригинала остаются переданными в переводе. В результате получается картина не идеального, а реального процесса. В центре исследования находится не оценка перевода, а описание и классификация «переводческих» фактов и создание системы терминов, в которых можно адекватно описывать соотношение текстов оригинала и перевода.

Для успешного применения метода сопоставительного анализа переводов необходимо поставить вопрос о соотношении субъективного и объективного в переводе. Существует мнение, что в отдельном переводе нет, или почти нет, ничего обязательного и объективного. Нередко эта точка зрения сводится к утверждению: «Мало ли что может написать переводчик» и обосновывается легко обнаруживаемыми примерами ошибок в опубликованных переводах. Конечно, каждый перевод субъективен в том смысле, в каком субъективно любое речевое произведение, являющееся результатом акта речи отдельного лица. Правда и то, что степень инвариантности оригинала и перевода зависит от квалификации и индивидуальных способностей переводчика. Однако эта субъективность перевода весьма ограничена и не может служить препятствием для научного анализа, подобно тому, как субъективность речевых произведений не делает невозможным извлечение из них объективных фактов о системе того или иного языка. Можно даже утверждать, что из всех видов речевых произведений акты перевода наиболее обусловлены, поскольку, помимо ограничений, налагаемых системой языка перевода, они еще дополнительно детерминированы сознательным стремлением переводчика (часто еще и с помощью квалифицированного редактора) как можно полнее воспроизвести содержание текста оригинала. Эта обусловленность резко ограничивает свободу выбора переводчиком языковых форм и их сочетаний в создаваемом им речевом произведении. В большинстве случаев выбор того или иного способа перевода является в значительной степени вынужденным, продиктованным необходимостью выразить заданное содержание, не нарушая норм языка перевода.

Сопоставительное изучение переводов дает возможность получить информацию о коррелятивности отдельных элементов оригина-

ла и перевода (криемов и способов перевода), обусловленной как отношениями между системами языков, участвующих в переводе, так и некоторыми внелингвистическими факторами. Подобную информацию о способах решения переводческих задач можно в принципе получать не только из уже опубликованных переводов, но и путем предъявления ряду переводчиков отрезков оригинала, содержащих соответствующие переводческие трудности. Представляется плодотворным использовать в переводческих исследованиях процедуру опроса информантов, хорошо известную в языкознании. Разумеется, в этом случае информантами будут лица, обладающие необходимым двуязычием и опытом переводческой деятельности.

Отсюда следует, что любой опытный переводчик является потенциальным информантом для переводческого исследования. Это относится и к самому исследователю, если он сам еще и опытный переводчик. Поскольку «намерение» текста перевода всегда дано исследователю в виде текста оригинала, он может иногда в процессе сопоставительного анализа ставить себя на место переводчика, выдвигая собственные варианты перевода. Иначе говоря, исследователь выступает в роли одного из информантов, и предлагаемые им варианты не в меньшей (но и не в большей) мере объективны, чем варианты, обнаруживаемые в любом опубликованном переводе.

При сопоставительном анализе переводов исследователь имеет дело с речевыми произведениями. Отсюда иногда делается вывод, что проблемы перевода относятся исключительно к области речи. Так, Я. И. Рецкер считает, что большая часть сопоставлений, описанных в интересной работе Ж. Вине и Ж. Дарбельне¹¹, не имеет никакого отношения к переводу, поскольку они обнаруживаются в области языка, а не речи¹². В то же время существует и противоположная точка зрения, согласно которой любые обобщения в отношении перевода могут касаться лишь единиц языка¹³. Представляется, что вопрос о соотношении языка и речи в теории перевода не может сводиться к их безоговорочному противопоставлению. Поскольку теория перевода предполагает какие-то обобщения, она необходимо изучает регулярно повторяющиеся явления, так или иначе соотносящиеся с системами соответствующих языков или составляющие часть этих систем. Если бы все содержание процесса перевода полностью сводилось к индивидуальности речевого акта, то это сделало бы невозможными какие-либо теоретические положения, претенду-

¹¹ J.-P. Vinay, J. Darbelnet. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Paris, 1958.

¹² Я. И. Рецкер. Задачи сопоставительного анализа переводов. «Теория и критика перевода». Л., Изд-во ЛГУ, 1962, стр. 48.

¹³ R. W. Jumpselt. *Die Übersetzung naturwissenschaftlicher und technischer Literatur*. Berlin, 1961, S., 15.

ющие на объяснение ряда однотипных явлений. В этом случае вся теория перевода свелась бы к часто повторяемому, но мало продуктивному утверждению, что «все зависит от конкретного контекста». В действительности же любой речевой отрезок характеризуется прежде всего тем, что он состоит из единиц, входящих в систему языка и относительно стабильных как в плане выражения, так и в плане содержания.

Задача переводческих исследований заключается в описании системы высшего порядка, т. е. системы соотношений между системами двух языков, участвующих в процессе перевода. Однако при этом системы таких языков сопоставляются не в их конечной абстрагированной форме, а в их функционировании в речи. Другими словами, целью переводческого исследования является изучение соотношения между двумя процессами, каждый из которых представляет собой реальное функционирование особой абстрактной системы. В этом смысле переводческие исследования и характеризуются речевой направленностью.

Сопоставительное изучение большого числа реально выполненных переводов лежит в основе любого теоретического исследования процесса перевода. Накопленный в результате такого анализа богатый фактический материал дает возможность разрабатывать различные теоретические модели, раскрывающие сущность этого вида речевой деятельности.

Г. Туровер
(Москва)

К ПРОБЛЕМЕ КОНВЕРГЕНЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

(На материале испанского и португальского языков)

Внимание исследователей фразеологии в последнее время привлекают фразеологические параллели в родственных и неродственных языках, поскольку наблюдения над ними дают возможность разобраться в чрезвычайно сложных процессах фразеологообразования. Генезис и функционирование фразеологических параллелей в родственных и неродственных языках мало изучены¹⁴ и представляют несомненный интерес не только для лингвистики, но и для теории и практики перевода¹⁵.

¹⁴ В. П. Соловьев. Фразеологические параллели в языках Юго-Восточной Европы. «X-ème Congrès International des Linguistes, Résumé des communications». Bucarest, 1967, p. 344.

¹⁵ М. М. Копыленко. Опыт сопоставительного изучения фразеологических единиц типа «дать совет» в славянских языках. «Вопросы языкознания», № 2, М., 1969 г., стр. 46.

Типологический анализ, по-видимому, является наиболее перспективным методом их исследования, так как он позволяет: а) выявить общие закономерности становления и развития фразеологических параллелей и шире—фразеологии различных языков¹⁶; б) наметить общий фразеологический фонд (на первом этапе исследования, по крайней мере, в пределах отдельных семей языков); в) перейти к отысканию фразеологических универсалий.

Возможность сопоставительного и типологического подхода к изучению фразеологических параллелей находит свое объяснение в том, что А. Мартине назвал «первым членением языка», т. е. способом «группировки данных опыта, свойственного всем представителям определенной языковой общности»¹⁷.

В настоящее время многие лингвисты, констатируя наличие универсальных соотношений, называют следующие основные причины их появления: генетическое родство, языковые контакты, общие кодовые свойства языков¹⁸. Ими могут быть также «параллельные языковые процессы, как результат развития общих тенденций, заложенных в языке-основе и реализуемых в ходе независимого развития родственных языков после их дифференциации»¹⁹.

Наиболее продуктивно вопросами фразеологической конвергенции на материале славянских языков занимался Л. И. Ройзензон, установивший параллелизм в развитии ряда фразеологических типов и подчеркнувший ту мысль, что «такого рода явление зиждется на одинаковом, если можно так сказать, фразеологическом восприятии и осмыслении фактов действительности...»²⁰.

¹⁶ См. в первую очередь работы Л. И. Ройзензона и Ю. Ю. Авалиани в сб.: «Вопросы фразеологии». Самарканд, 1961; статью «Сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический и ареальный аспекты изучения фразеологии», «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе». (Тезисы докладов), 1965; Г. С. Свешникова. Типологический анализ и фразеология. «Ученые записки» 1-го МГПИИЯ им. М. Тореца т. 42, М., 1968, стр. 101.

¹⁷ А. Мартине. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, стр. 377; см. также Л. И. Ройзензон. К проблеме сравнительного изучения фразеологии славянских языков (чешские и верхнелужицкие фразеологические параллели). «Prace filologiczne», t. XVIII, вып. 2. Warszawa, 1964.

¹⁸ См. Э. Бенвенист. Классификация языков. «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, стр. 49; Б. А. Успенский. Структурная типология языков. М., 1965; см. также рецензию Б. А. Успенского в «Вопросах языкознания», № 5, 1963 г. на «Universals of language».

¹⁹ Г. С. Свешникова. Цит. статья, стр. 112.

²⁰ Л. И. Ройзензон. Цит. статья, стр. 119, см. там же: «В связи с тем, что наблюдения человека над природой, над жизнью

В настоящей статье мы хотели бы привести некоторые материалы, касающиеся развития фразеологических параллелей в иберо-романских языках, привлекая для этого данные сопоставительного анализа перевода с португальского языка на испанский²¹ романа Жоржи Амаду²² (примеры группы А). Побочным, но крайне важным способом проверки на «независимость» фразеологических параллелей явились для нас здесь данные переводов с третьего языка (мы взяли для этой цели работу В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме») на испанский и португальский языки²³ (примеры группы Б). Все данные выверены по толковым, фразеологическим и двуязычным словарям испанского и португальского языков.

Сопоставление переводов с таких близкородственных языков как испанский и португальский является ценным источником для исследователя, помогающим вскрыть механизм функционирования фразеологических параллелей в этих языках, осветить под новым углом зрения проблему языковой проницаемости, т. е. определить степень фразеологической интерференции.

Идея подобия не менее продуктивна в истории языкознания, чем идея оппозиций, поэтому если переводческий контакт есть импульс для появления лишь фразеологических калек²⁴, то в конечном счете, после их полной ассимиляции, они могут стать теми элементами процесса конвергенции, который происходит в близкородственных языках и который может привести к схождению, пересечению фразеологических параллелей и к обнаружению некоего общепортугальского фразеологического типа. Есть больше оснований принять в данном случае, используя аналогию, геометрию Лобачевского и Римана, чем Эвклида.

и т. д. у многих народов одинаковые, возникает одинаковое фразеологическое осмысление этих фактов, наблюдений и выводов, образуются одинаковые или схожие фразеологические обороты». (стр. 119).

²¹ Перевод с португальского на испанский был выбран намеренно в силу меньшего давления (влияния) португальского языка на испанский.

²² J. A m a d o. Seara vermelha. São Paulo, 1955. J. A m a d o. Los Caminos del hambre. Trad. de R. Navarro. B. A., 1956.

²³ V. I. L e n i n. La enfermedad infantil del «izquierdismo» en el comunismo. Moscú, 1961; V. I. L e n i n. A doença infantil do «esquerdismo» no comunismo. Rio de Janeiro, 1960.

²⁴ См. Н. М. Ш а н с к и й. Лексические и фразеологические кальки в русском языке. РЯШ, № 3, 1955 г., стр. 28—35; Т. А. Г р и г о р ь е в а. Некоторые замечания о типах калькирования с французского языка. «Ученые записки Рязанского пед. ин-та», т. 31. Рязань, 1962, стр. 141—150; Л. П. Е ф р е м о в. Лексическое и фразеологическое калькирование. В сб.: «Вопросы фразеологии». Самарканд, 1961, стр. 117—124.

Весь материал прослеживается по трем основным классам фразеологизмов, намеченным В. Г. Гаком и Я. И. Рецкером во вступительной статье к «Французско-русскому фразеологическому словарю».

Для иллюстраций внутри класса выделяется наиболее продуктивный структурный тип.

1. СОЧЕТАНИЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОГО СЛОВА СО СЛУЖЕБНЫМ

Чаще всего в этом классе сочетаний встречались фразеологизмы структурного типа **предлог + существительное**.

А

португальский

испанский

1. Mas a chuva viera bastante *em tempo* e as colheitas seriam fartas. (21).
Pero la lluvia llegó bastante *a tiempo* y la cosecha este año sería abundante. (7)
2. ...na fazenda moravam alguns que, *com muito prazer*, lhe fariam uma desfeita. (23)
...había en la fazenda quienes, *con mucho gusto*, le harían una jugada. (8)
3. Não era segredo para êle que, *às escondidas*, diziam a seu respeito cobras e lagartos... (23)
También sabía que *a sus espaldas* le echaban pestes... (8)
4. *As vez* gente se engana, faz mau juízo de um vivente... (31)
Uno *a veces* se engaña, hace mal juicio de la gente... (16)
5. Vai ter cachaça *à vontade*... (37)
Va a haber cachaza *a rodos*... (21)
6. Era a diversão das moças e rapazes da cidade que dançavam *ao som* das suas velhas melodias... (42)
Los muchachos y los muchachas de la ciudad se divertían bailando *al compás* de las viejas melodías... (25)
7. ...o coronel Inácio lhe dera, *de palavra*, a terra ... (43)
...el coronel Ignacio ... le regaló, *de palabra*, la tierra... (26)
8. ...não falassem mal *dele pelas costas*. (52)
...dejaran ... hablar mal de él *a sus espaldas*. (33)

Б

русский

испанский

португальский

1. А эти условия, с другой стороны, не могут возникнуть *сразу*. (7)
Pero, por otra parte, estas condiciones no pueden brotar *de golpe*. (7)
Mas, por outro lado, essas condições não podem surgir *de repente*. (15)

2. С одной стороны, <i>по-видимому</i> , люди запутались ... (22)	De un lado, estas gentes se han embrollado, <i>por lo visto</i> ... (27)	Essas pessoas se des-nortearam, <i>pelo visto</i> ... (38)
3. Фактически все руководящие учреждения ... состоят из коммунистов ... (28)	De hecho, todas las instituciones dirigentes ... se componen de comunistas ... (34)	De fato, tôdas as instituições dirigentes ... compoem-se de comunistas ... (47)
4. III Интернационал должен порвать с тактикой II и больших вопросов не обходить ..., а ставить их <i>ребром</i> . (36)	La III Internacional debe romper con la táctica de la II y no eludir ... las cuestiones escabrosas, sino plantearlas a <i>rajatabla</i> . (43)	A III Internacional deve ... não evitar ... as questões escabrosas, e sim levantá-las <i>semrebuços</i> . (57)
5. Одно уже <i>это сразу и в корень</i> разрушает положение... (37)	Este hecho basta para destruir <i>de golpe y de ratz la tesis</i> ... (45)	Tal fato è suficiente para destruir <i>de golpe e radicalmente</i> a tese ... (59)
6. ... считали парламентаризм «политически изжитым», <i>вопреки</i> мнению таких политиков ... (37)	... consideraban ... el parlamentarismo había «caducado políticamente» a <i>despecho</i> de la opinión de dirigentes políticos ... (45)	... consideravam ... o parlamentarismo havia «caducado politicamente», <i>malgrado</i> a opinião de dirigentes políticos ... (59)
7. Мне еще <i>в начале</i> 1918 года пришлось указывать на это обстоятельство ... (44)	A comienzos de 1918 hube ya de indicar esta circunstancia ... (53)	Já <i>no começo</i> de 1918 tive de assinalar essa circunstância... (69)
8. <i>Мимоходом</i> сказать ... (63)	Digamos <i>de paso</i> ... (75)	Digamos, <i>de passagem</i> ... (94)
9. ... приблизить момент ..., когда ... можно будет ... <i>сразу</i> скинуть правительство ... (65)	... acercar el momento en que ... se pueda ... derribar <i>de un golpe</i> el gobierno ... (79)	... antecipar o momento en que ... se possa ... derrubar <i>de golpe</i> o governo ... (98)

Совпадение структуры и лексико-семантических элементов фразеологизмов даже при наличии известной вариативности в пределах замены некоторых компонентов синонимичными средствами — не только свидетельство действия в испанском и португальском языках одних и тех же фразеологообразовательных моделей, но и проявление тяготения к одному иберо-романскому фразеологообразовательному типу²⁵.

²⁵ Естественно, что для подобного обобщения нужны еще дополнительные данные по каталанскому языку и по gallego-português.

Нередки случаи (в группе А примеры 5, 6, 8; в группе Б — 1 4, 5), когда при существовании в языке перевода параллельной фразеологической единицы, она все же не фигурирует в переводе. В группе А (№ 5) в переводе вместо *a voluntad* появляется *a godos*.

Понятие «изобилие» в испанском языке может быть передано также с помощью следующих однотипных синонимических конструкций: *a voluntad*, *a cántaros*, *a chorros*, *a jarros*, *a porrillo*, *a godo(s)*, *a tutiplén*, *a colmo*, *a tentebonete*, *como agua*.

Переводчик отдал предпочтение в данном случае фразеологизму *a rodos*²⁶.

В той же группе № 6, вместо фразеологической параллели португальскому *ao som — al som* появляется однотипный фразеологизм *al compás*.

Наконец, в связи с расхождением обозначения *спины* португ. *costas*, исп. *espalda* в испанском переводе № 8 появляется выражение *a sus espaldas*.

В группе Б (№ 1) одно и то же выражение в русском оригинале передано по-разному в испанском (*de golpe*) и португальском (*de repente*) переводах²⁷. Разные переводы появляются также в № 4 и № 5²⁸.

Таким образом можно отметить при наличии общей тенденции к конвергенции следующие причины подобных расхождений, проявляющихся на фразеологическом уровне с большей наглядностью, чем на морфологическом уровне²⁹:

1) разница в частотности употребления в испанском и португальском языках фразеологических параллелей;

2) давление контекста, т. е. стилистико-функциональных особенностей оригинала;

3) «произвол» переводчика, т. е. индивидуальное видение, личная интерпретация, зависящая в большой степени и от экстралингвистических причин.

II. НЕПРЕДИКАТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Именно этот класс фразеологизмов дает наибольшее количество примеров в обеих группах (А и Б), ибо, по справедливому замечанию

²⁶ Данное выражение бытует и в португальском языке *a rôdo*: *Vai ser dinheiro a rôdo*.

²⁷ Понятие «внезапности» в португальском языке может быть передано параллельным испанскому фразеологизмом *de golpe*; см. также *de chöfge*.

²⁸ В португальском языке есть фразеологическая параллель испанскому *a despecho* (*dè*) — *a despeito* (*de*).

²⁹ Н. А. К а т а г о щ и н а, Е. М. В о л ь ф. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков (иберо-романская подгруппа). М., 1968, стр. 79.

В. Г. Гака и Я. И. Рецкера, «эти словосочетания наиболее разнообразны, и составляют основную часть французской фразеологии»⁸⁰, что применимо также к испанскому и португальскому языкам.

Внутри фразеологизмов этого класса (существительное, местоимение, глагол, прилагательное или причастие, наречие с зависимыми словами или словосочетаниями) наиболее продуктивным оказался структурный тип **глагол+зависимый член**. В роли зависимого члена фигурировали: существительное без предлога и без артикля, существительное без предлога с артиклем, существительное с предлогом без артикля, существительное с предлогом и с артиклем, наречие, прилагательное и причастие, прилагательное с предлогом, инфинитив с предлогом и без него.

В группах А и Б основная часть примеров структурного типа **глагол+зависимый член** падает на подтип **глагол+существительное**, а внутри этого подтипа — на разряд **глагол+существительное без предлога с артиклем**.

А

португальский	испанский
1. Esperaria a chegada do rapaz que fôra ao arraial, buscar a correspondência e <i>levar umas encomendas</i> e então <i>daria um pulo</i> na casa de Ataliba... (22)	Esperaría la llegada del muchacho que había ido al pueblo para buscar la correspondencia y <i>hacer unos encargos</i> , y entonces <i>daria una vuelta</i> por la casa de Ataliba... (7)
2. ... <i>não fechassem a cara</i> quando êle entrasse nas festas. (23)	... <i>no fruncieron el ceño</i> cuando él entraba en una fiesta. (9)
3. ... <i>só por êle cumprir as ordens</i> . (23)	... <i>solamente por cumplir sus órdenes</i> . (9)
4. Jerônimo <i>soltou</i> então <i>seu grito</i> de boiadeiro... (25)	Jerónimo <i>lanzô</i> entonces <i>su grito</i> de tropero... (10)
5. A velha Jucundina, sem largar o menino, <i>voltou tôda a sua atenção</i> para os movimentos de Zefa. (25)	La vieja Jucundina, sin soltar a la criatura, <i>puso toda su atención</i> en los movimientos de Zefa. (10)
6. E Zefa .. talvez <i>retornasse à razão</i> ... (26)	Y Zefa ... quizás <i>recobrase la razón</i> ... (11)
7. Depois <i>chegaria a vez</i> da cabra... (28)	Después le <i>llegaria el turno</i> a la cabra. (13)
8. Antes de partir para <i>mudar a roupa</i> ... (31)	Antes de irse para <i>mudar de ropa</i> ... (16)
9. Joana larga o para ir à cozinha <i>dar uma espiada</i> nas comidas. (55)	Juana deja su pareja para ir a la cocina a <i>dar un vistazo</i> a la comida. (36)

⁸⁰ «Французско-русский фразеологический словарь». М., 1963, стр. 7.

русский	испанский	португальский
1. ... партия спартаковцев ... <i>ведет неуклонную борьбу</i> с оппортунизмом... (15)	... el partido de los espartaquistas ... <i>sostiene una firme lucha</i> contra el oportunismo ... (18)	... o partido dos espartaquistas ... <i>mantém uma luta firme</i> contra o oportunismo ... (27)
2. Если <i>бросить</i> теперь <i>взгляд</i> на вполне законченный исторический период ... (15)	Si <i>lanzamos</i> , ahora, <i>una ojeada</i> a un período histórico completamente terminado ... (18)	Se <i>dermos</i> , agora, <i>uma olhada</i> num período histórico completamente encerrado ... (27)
3. ... люди <i>растерялись</i> и начали выдумывать сгехтественный вздор (23).	... la gente <i>ha perdido la cabeza</i> y ha empezado a inventar un monstruoso absurdo. (27)	... essas pessoas <i>perderam a cabeça</i> e começaram a inventar um monstruoso absurdo. (38)
4. Маркс завоевал себе почетную <i>ненависть</i> ... (23)	Marx <i>se granjeó el odio</i> , que le honra ... (28)	Marx <i>foi alvo do odio</i> , que lhe honra ... (39)
5. Отрицать партийность с точки зрения коммунизма — значит <i>делать прыжок</i> ... к высшей фазе коммунизма. (25)	Negar la necesidad del Partido desde el punto de vista del comunismo es <i>dar un salto</i> ... hasta su fase superior. (29)	Negar a necessidade do Partido, do ponto-de-vista do comunismo, é <i>dar um salto</i> ... até a sua fase superior. (41)
6. ... анализ ... <i>из рук вон плох</i> . (39)	<i>Tampoco vale un camino</i> ... el análisis ... (45)	Do mesmo modo, <i>não vale um tostão</i> ... a análise ... (59)
7. ... иначе вы <i>рискуете</i> стать просто болтунами. (39)	De lo contrario <i>correréis el riesgo</i> de convertirlos en simples charlatanes. (47)	Do contrário, <i>correis o risco</i> de vos converter em simples charlatães. (62)
8. <i>Связывать себе</i> наперед <i>руки</i> ... есть глупость ... (56)	<i>Atarnos las manos</i> con antelación ... es una tontería ... (64)	<i>Amarrarmos as mãos</i> antecipadamente ... é uma tolice ... (86)
9. ... коммунистическое движение, дающее право <i>питать</i> самые радужные надежды. (57)	... un movimiento comunista ... que ... permite <i>albergar las más radiantes esperanzas</i> . (69)	...um movimento comunista ... que permite que <i>se alimentem</i> as mais radiosas <i>esperanças</i> . (87)
10. ... значит просто <i>играть на руку</i> вышеозначенным господам. (58)	... significa simplemente <i>hacer el juego</i> a esos señores. (71)	... significa simplesmente <i>fazer o jogo</i> dêsses senhores. (89)

11. который открыто
протягивает руку
консерваторам ...
(66)	... el cual <i>tiene</i> de abi-
ertamente la <i>mano</i>
a los conservado-
res ... (81)	... que <i>estende</i> a <i>mão</i>
abertamente aos con-
servadores ... (100)
12. ... и открываю-
щий быстро глаза
на правду ... (78)	... que les <i>ha</i> <i>abierto</i>
<i>rápidamente los ojos</i>
a la verdad ... (95)	... que lhes <i>abriu</i>
<i>rápidamente os olhos</i>
à verdade ... (116)

Как и в классе сочетаний знаменательного слова со служебным, в обеих группах примеров класса непредикативных сочетаний знаменательных слов при сопоставлении переводов обнаруживается не только формальное (структурное) и лексико-семантическое (содержательное), но и зачастую функционально-стилистическое совпадение, конвергирование большинства отмеченных фразеологизмов.

Незначительные структурные расхождения имеются в группе А (№ 8), в группе Б (№ 6), причем в № 8 возможен испанский перевод *mudar la gora*, а в № 6 налицо индивидуальное решение переводчика.

Лексико-семантические расхождения касаются в основном «синонимических вариаций на одну и ту же тему». (См., например, группа А — № 1, 4, 5, 6; группа Б — № 2, 3, 8, 10, 11). Данные расхождения обусловлены перераспределением частотных характеристик слов, входящих во фразеологические единицы, и самих фразеологизмов; семасиологическими сдвигами, происшедшими в лексических системах испанского и португальского языков и вызвавшими лексико-семантическую дифференциацию этих языков; причинами географического, этимологического, функционально-синхронного характера³¹; а также причинами, о которых говорилось при анализе класса сочетаний знаменательного и служебного слова. Следует указать и на такие экстралингвистические факторы, как взаимовлияние литератур, социально-исторические перемены и т. д., оказавшие известное влияние на лексико-семантическую дифференциацию испанского и португальского языков.

III. ПРЕДИКАТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Данный класс фразеологизмов, как в группе А так и в группе Б, беднее по своему составу, чем первый и второй, что объясняется, в значительной мере, характером анализируемого литературного материала.

Из выделенных В. Г. Гаком и Я. И. Рецкером³² внутри этого класса типов: сочетания знаменательного подлежащего с глаголом, личной формы глагола с самостоятельным местоимением; неполные

³¹ Р. А. Б у д а г о в. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). М., 1963, стр. 41, 53 и дальше.

³² Цит. соч., стр. 8.

(часто эллиптические) предложений; эмоционально-оценочные (полносоставные и назывные) предложения; двусоставные (вопросительные, побудительные, повествовательные) предложения нам встретились в группе А двусоставные повествовательные и эмоционально-оценочные предложения.

А

португальский

испанский

<p>1. E como tudo podia acontecer
— “<i>Deus é grande</i>” — ... (27)</p> <p>2. Agora eram elas que se admiravam :
— Na festa ?
— <i>Pois é...</i> (32)</p> | <p>Y como todo podía suceder —
“<i>Dios es grande</i>” — ... (12)</p> <p>Ahora eran ellas las asombradas:

— A la fiesta ?
— <i>Así es no más...</i> (16)</p> |
|---|---|

В группе Б отмечены лишь эмоционально-оценочные фразеологизмы.

Б

русский

испанский

португальский

1. ... <i>упаси нас боже</i> от такой «принципиальности»! (35) 2. Надо ... вести в них <i>во что бы то ни стало</i> коммунистическую работу. (35)	... <i>el cielo nos preserve</i> de semejantes «principios»! (42) Hay que ... <i>realizar</i> allí, <i>cueste lo que cueste</i>, una labor comunista. (42)	...<i>que o céu nos proteja</i> de semelhantes «princípios»! (55) E preciso ... <i>af</i> <i>realizar, custe o que custar</i>, um trabalho comunista. (56)

В этом классе фразеологизмов, также как в I и во II, наблюдается структурное и лексико-семантическое совпадение составляющих фразеологизмы испанского и португальского языков.

Отличие перевода в примере № 2 (группа А) объясняется тем, что выражение *así es* + факультативное латиноамериканское *no más* — более частый способ обозначения утверждения, чем аналогичные *eso es, pues sí*.

В группе Б в примере № 1 в португальском переводе появляется глагол *proteger* синонимичный испанскому *preservar*.

Рассмотренный материал свидетельствует о наличии объединительной тенденции в сфере фразеологообразования в современном испанском и португальском языках. В случае, если данные по каталанскому языку и по gallego-portugués обнаружили бы аналогичную тенденцию, можно было бы говорить об активном характере процесса конвергенции в современных иберо-романских языках в сфере фразеологии³³.

³³ Безусловно, для этого необходимо провести тщательное обследование трех классов фразеологизмов, всех структурных типов и разрядов сочетаний, входящих в эти классы, уделив особое внимание продуктивным моделям.

III. ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Т. Остудина
(Ленинград)

И ИЛИ НО

Во всяком виде труда неизбежны свои «издержки производства». Так и в переводческом деле при воспроизведении стиливых особенностей переводимого художественного произведения не удастся, естественно, избежать частных потерь, вызываемых особенностями языка перевода. Такие потери, — вернее, жертвы, — не противостоят принципу полноценности перевода, так как они компенсируются чем-то другим в сложной системе, которую представляет собой художественное произведение¹.

Однако бывает очень досадно констатировать такие недостатки перевода, которые не обусловлены спецификой языков, а возникают, очевидно, из-за того, что переводчик не вполне проникся духом произведения, не «вслушался», не «вчувствовался» в него. Или, может быть, дело в недостаточной смелости переводчика, недостаточном его доверии и к писателю и к читателю?

Особенно это касается переводов на русский язык произведений наиболее оригинальных художников современности. Многие из них не только в композиции, но и в системе языковых образных средств исходят из «принципа айсберга», о котором писал Хемингуэй, когда на поверхность литературного произведения выносятся только одна восьмая внутреннего содержания, а остальное, как у айсберга, остается «под водой». Так вот, при чтении некоторых переводов создается впечатление, что переводчик иногда «снимает верхи», передавая только явное, внешнее содержание и упуская из виду внутреннее. А ведь эти «подводные» — как смысловые, так и эмоциональные — пласты очень важны, они-то и создают глубину, многоплановость художественного текста, делая произведение поэтическим в широком смысле слова².

В результате с некоторыми переводами, например немецких авторов, получается так: они читаются легко, их язык отвечает всем требованиям грамматики, а между тем оригинальный текст отнюдь

¹ См. А. В. Федоров. Введение в теорию перевода. Изд. 2. М., 1958, стр. 131.

² См. Б. А. Ларин. О разновидностях художественной речи. В сб.: «Русская речь», вып. 1, Пг., 1923, стр. 57—95; А. В. Федоров. Язык и стиль художественного произведения. М.-Л., 1963, и др.

не столь легок для восприятия, и его язык далеко не кажется таким гладким, ясным, логизованным³. В языковых формах подлинника, если это действительно художественное произведение, непременно есть что-то оригинальное, впервые встречающееся, потому что настоящий писатель — один из творцов языка, и он обязательно вносит в него что-то новое, — вернее, по-новому использует его возможности, создавая из общеизвестных и общедоступных составных частей путем их сочетания нечто неповторимое.

В этом отношении применительно к немецкому языку интересно попытаться проанализировать стилистические функции некоторых типов сочетания простых предложений внутри сложного. Это те случаи, когда наличие показателей того или иного вида связи (союзов и т. д.) внешне не мотивировано. Иногда логически не мотивированным выглядит и само объединение частей в одно целое. Показатели связи выступают при этом в необычной для них роли с точки зрения общеязыковой нормы. Создается большая смысловая насыщенность фразы, и сохранение в русском переводе всего богатства содержания, заложенного в данное сложное целое, является задачей переводчика — задачей, чаще всего не выполняемой, хотя далеко не всегда невыполнимой.

Вот, например, отрывок из перевода романа Генриха Бёлля «Бильярд в половине десятого» — мысли одной из героинь, Рут, дочери архитектора Роберта Фемеля:

«...в нашего кроткого благоразумного учителя словно бес вселился, на его лице я читала слово «убийство», убийство возвещала каждая черта его лица: *на грузовики бросали трупы, словно мешки с картошкой* (I). *Меня забавляло, когда отец начинал издеваться над бургомистром, стоя у большого плана на стене, когда он чертил углем свои значки, приговаривая: «Все это долой, взорвать!»* (II)⁴.

Не останавливаясь сейчас на способах связывания всех частей в этом сложном синтаксическом целом, обратимся только к связи между двумя выделенными предложениями — простым и сложноподчиненным, которые мы обозначили, соответственно, I и II.

³ О таком особом «переводческом языке» Е. Г. Эткинд пишет: «Речь идет ... об аккуратном, чистеньком, дистиллированном, хлорированном языке, в котором все отвечает норме (неведомо где и когда установленной) и не выходит за пределы того, что разрешается школьными хрестоматиями для младших классов» (Е. Г. Э т к и н д. Теория художественного перевода и задачи сопоставительной стилистики. В сб.: «Теория и критика перевода». 1962, стр. 26.)

⁴ Г. Б ё л л ь. Бильярд в половине десятого. Пер. Л. Черной. М., 1961, стр. 235.

В приведенном русском тексте они разделены точкой, предложение II выглядит вполне самостоятельным, как будто после других воспоминаний о войне у Рут возникает новая мысль — о тогдашнем поведении отца, связанная с предыдущими только тем, что все это происходило в годы войны. Такой ход мысли вообще не исключен у героев Бёлля, но в данном случае связь между I и II частями в оригинале теснее и значительнее: Бёлль обозначает эту связь с помощью союза *und* (*u*), который на первый взгляд кажется неуместным.

Дело в том, что часть I становится вообще мало понятной по содержанию, если вырвать данный отрезок текста из романа, потому что о мертвецах, которых бросали, как мешки, уже говорилось в романе несколько раз — эта деталь стала для Рут символом войны и связанного с ней ужаса. В разбираемом отрывке Бёлль вводит это предложение уже без всякой ссылки — таков один из его излюбленных «провоцирующих» приемов, рассчитанных на активизацию ассоциативного мышления читателя. Сообщение же части II кажется по своему внешнему содержанию ничем не связанным с предыдущим. Этим, очевидно, и объясняется их разделение точкой в переводе. Однако связь между частями I и II существует, хотя и опосредованная, внутренняя. Просто здесь многое не договаривается, подразумевается, и читателю предоставляется самому восполнить недостающие звенья этой связи, на которую автор только указывает с помощью *und*.

Содержание части II является, собственно, следствием того, о чем говорится в части I, но следствием косвенным, относящимся не к внешнему содержанию предложения — символа I⁵, а к тому, что оно символизирует, то есть к мысли о бесчеловечности, дикости, жестокости войны. Если бы эта мысль была высказана прямо, то присоединение к этому высказыванию части II с помощью *und* было бы обычным явлением (нужно учесть, что смысл части II полностью ясен тому, кто прочел роман до этого места). Потому что поведение отца Рут, «забавлявшее» ее в детстве и одобряемое ею теперь, вызвано именно его ненавистью к войне и антигуманной сущности ее сторонников. Таким образом, основанием для объединения частей и являются здесь эти скрытые смысловые пласты. У Бёлля это объединение выглядит так:

„...welcher Teufel wohnte plötzlich im Gesicht des milden, vernünftigen Lehrers? Mord hockte zwischen Nase und Augen, Nase und

⁵ То есть такого предложения, смысл которого — более общий и глубокий, чем его прямое значение, причем этот смысл реализуется при неоднократном повторении предложения в качестве одного из лейтмотивов романа.

Mund, zwischen den Ohren; wie Säcke warfen sie die Leichen auf den Lastwagen, *und* ich hatte Spaß, wenn Vater den Bürgermeister vor der großen Wandkarte verhöhnte; wenn er seine schwarzen Zeichen malte und sagte: „Weg damit, sprengen...“⁶

Такое употребление союза *und* не случайно у Бёлля. Роль сложных предложений и более крупных сложных целых с внешне не мотивированной, алогичной связью частей вообще очень велика в языке его произведений, и их использование — только один из элементов общей системы средств художественного выражения, оно вытекает из всей творческой манеры писателя. Бёлль относится к числу художников, которым не свойственна прямолинейность оценок и суждений, формулирование выводов — он чаще ограничивается постановкой вопросов, подводя читателя к ответу и предоставляя ему самому сделать вывод. В соответствии с этим в построении предложений у Бёлля заметны тенденции к смягчению логизации, к отражению нескольких смысловых планов, к недоговоренности. Это особенно проявляется при употреблении автором тех синтаксических форм, которые представляют для этого наибольшие возможности, в частности — соединение предложений с помощью наиболее универсального союза *und*.

Употребление *und* у Бёлля вообще очень необычно и интересно. Автор ставит этот союз не только там, где связь внешне не мотивирована, как в приведенном примере, но и там, где отношения между соединяемыми частями — противительные и где скорее ожидался бы союз *aber*. *Und* выступает здесь в нехарактерной для него функции.

Синтаксическая связь частей I и II в следующем отрывке из перевода того же романа — вполне обоснована с точки зрения содержания, и логическая последовательность здесь не нарушается:

[Аббат пригласил архитектора Фемеля присутствовать на празднестве в монастыре, который был построен отцом Роберта, сознательно уничтожен самим Робертом и восстанавливается теперь его сыном]:

«Я не приеду на освящение,— думал Роберт,— ведь я не примирился и не примирюсь с теми силами, которые, будучи виновны в смерти Ферди и в смерти Эдит, старались сохранить Святой Северин; ...Нет, я не примирился с обществом, в котором одно движение руки или одно неправильно понятое слово могут стоить человеку жизни».

⁶ Н. Böll. Billiard um halbzehn. Auflage II. Köln—Berlin, 1959, S. 253.

Но вслух Роберт сказал:

«— Большое вам спасибо, преподобный отец, мне будет очень приятно присутствовать на монастырском празднике»⁷.

Слова Роберта здесь противоречат содержанию его мыслей; глаголы, вводящие прямую речь (*dachte* и *sagte*), также противопоставляются, и союз *но* выглядит естественно, как наиболее четкое выражение контрастного противопоставления в русском языке (в немецком ему соответствовал бы союз *aber*). Однако такая форма выражения логического взаимоотношения частей не соответствует положению вещей в оригинальном тексте, потому что у Бёлля союзом, связывающим I и II части, является не *aber*, а все тот же союз *und*:

„Ich werde nicht zur Einweihung kommen, dachte Robert, weil ich nicht versöhnt bin, nicht versöhnt mit den Kräften, die Ferdis Tod verschuldeten und nicht mit denen, die Ediths Tod verschuldeten und Sankt Severin schonten, ich bin nicht versöhnt mit der Welt, in der eine Handbewegung und ein mißverständenes Wort das Leben kostet.“ *Und* er sagte: „Herzlichen Dank, ehrwürdiger Vater, es wird mir eine Freude sein, an Ihrem Fest teilzunehmen.“⁸.

Таким образом, здесь возникает разрыв смысловой линии, неожиданное препятствие для последовательного развития мысли. Этот вид оформления связи — более своеобразен и необычен, а потому и более впечатляет, останавливает на себе внимание читателя⁹.

И ведь в русском языке в аналогичных случаях не исключено употребление союза *и*, точно соответствующего здесь немецкому *und*. В. В. Виноградов и другие исследователи называют такую конструкцию с *и* присоединительной¹⁰, она не раз описана в работах по грамматике и стилистике русского языка (см. примеры типа «Все ее знали, и никто ее не замечал» из «Пиковой дамы» Пушкина в указанных работах Виноградова). Подчеркивая особую роль таких конструкций в повышении выразительности художественной речи, в создании эмоциональной напряженности и многоплановости текста, В. В. Виноградов пишет:

«Субъективные мотивы, тонкие изломы экспрессивных форм

⁷ Г. Бё л л ь. Бильярд..., стр. 230.

⁸ Н. В ö l l. Billiard..., S. 248.

⁹ В этом случае действует общий закон, применимый ко всякому сообщению: смысловая емкость и экспрессивная сила элемента высказывания пропорциональны степени его неожиданности.

¹⁰ См. В. В. В и н о г р а д о в. Стиль Пушкина. М., 1941; е г о ж е. Стиль «Пиковой дамы». В кн.: «Временник Пушкинской комиссии». М.—Л., 1936, и др.

меняют и разрушают привычную логику синтаксического движения, создавая разрывы, несоответствия между нормальным значением синтаксических форм и их стилистическими применениями» (В. Виноградов. «Стиль «Пиковой дамы», стр. 141).

В современном русском языке тоже встречается употребление *и* вместо ожидаемого *но* или *а* с определенными стилистическими целями, например:

«Я зову их, и они не идут» (Ю. Олеша. «Зависть»).

Таким образом, перевод этого отрывка текста с употреблением *и* вполне возможен, а существующий перевод, логизирующий, упрощающий и уточняющий взаимоотношения частей, обедняет оригинал (достаточно сравнить — особенно на слух — две схемы, из которых первая — схема данного отрывка в переводе Л. Черной, вторая — предлагаемого варианта, чтобы убедиться, насколько первый вариант дальше от художественной манеры Бёлля и беднее по заложенной в нем потенции эмоционального воздействия:

1. «Я не приеду», — думал Роберт, — ... <i>но</i> вслух он сказал: «Я приеду,...»	2. «Я не приеду», — думал Роберт, — ... <i>И</i> он сказал: «Я приеду,...»

Еще большее «обеднение» текста Бёлля происходит в тех случаях, когда внешне не мотивированное употребление *und* вместо *aber* вызвано более глубокими причинами. Оно может играть определенную роль в передаче своеобразного мироощущения, типа мышления и характера героя, который ведет повествование или о котором идет речь.

Следующий пример взят из романа «И не сказал ни единого слова» в русском переводе Л. Черной и Д. Мельникова: «Лишь теперь до меня дошел смысл слов, сказанных мною вчера; *но* взять их обратно я не хотела»¹¹.

Связь двух предложений здесь тоже кажется логичной, в отношении синтаксиса все гладко и обычно. Так ли это у Бёлля? Нет: автор нарушает последовательный ход мысли, употребив вместо ожидавшегося *aber* союз *und*:

„Jetzt erst begriff ich alles, was ich gestern gesagt hatte, *und* ich wollte es nicht zurücknehmen“. (H. Böll. ...Und sagte kein einziges Wort).¹²

В этом отрывке речь идет о словах, сказанных накануне героиней романа Кэте ее мужу Фреду — что она не хочет больше жить

¹¹ Г. Бё л л ь. И не сказал ни единого слова. М., 1957, стр. 143.

¹² В кн.: Н. Б ö l l. ... Und sagte kein einziges Wort. Erzählungen. М., 1963, S. 145.

с детьми без него и предлагает ему или вернуться, или расстаться совсем. Сообщения о том, что Кэте только что поняла смысл этих своих слов, и о том, что менять она ничего не хочет, в общепринятом понимании действительно противопоставляются друг другу (этим и вызвано *но* в переводе). Даже если бы это было так и для Кэте, передача оригинальной авторской конструкции с помощью русского *и* больше соответствовала бы подлиннику, как и в предыдущем примере.

Но последний случай — особый. Это предложение взято из романа «И не сказал ни единого слова», типичного для художественной манеры раннего Бёлля. Это очень глубокая по психологическому анализу, сумеречная, минорная по настроению вещь, в которой весь образный строй и интонационно-ритмический рисунок языка почти не допускают прямых, в лоб, характеристик, непосредственно выраженных эмоций — она вся построена на недосказанности, намеках, ассоциациях. Именно с этим связано здесь употребление *und*, служащее для опосредованной передачи особого мироощущения, склада мышления героини, ход мысли которой, как это часто бывает у Бёлля, отклоняется от прямой логической последовательности. Естественно совмещаемыми для героев этого писателя часто становятся вещи, обычно противопоставляемые. В тенденции к связыванию частей мысли наиболее общим показателем связи *und* вместо таких определенных по своей функции союзов, как *aber*, сказывается в их языке стремление избежать противопоставления и других конкретных видов связи понятий и суждений. Потому что это требовало бы их оценки и классификации с помощью логики, трезвого рассудка, от чего и автор, и его герои часто уклоняются.

Кэте и Фред, как и Вальтер из повести «Хлеб ранних лет», Файнхальс из романа «Где ты был, Адам?», — люди, уставшие от навязываемых им тривиальных истин, от общепринятых логических ходов; они хотят взять явления в их «первоначальном» виде и попытаться рассмотреть их без тянущегося за ними ряда привычных выводов и оценок. Так, в последнем примере отношения противоречия, контраста между частями основываются на том, что по общепринятому пониманию подразумевается следующее: за первым сообщением («Лишь теперь до меня дошел смысл слов...») непременно следует признание необходимости взять назад, пересмотреть сказанное сгоряча — тогда содержание последнего предложения («взять их обратно я не хотела») становится, действительно, противоречием этому ожидавшемуся поведению. Однако для Кэте не существует этого неопровержимого следствия, она не считает обязательным пересматривать сказанное (героям романа вообще не свойственно было бы такое поведение: их мудрость — это мудрость сердца, и для них еще большой вопрос, «мудренее ли утро вечера»). Поэтому и неже-

ление взять сказанное обратно для Кэте естественно, для нее здесь нет противоречия.

Таким образом, здесь возникает сложная игра смыслов, многоплановость текста. Сама связь, а не только содержание предложений, становится значительной и многозначительной, художественно нагруженной. С союзом *und* здесь связывается целый ряд разнообразных смысловых оттенков. Все это богатство побочных смыслов — «обертонов смысла», вся тонкая нюансировка снимаются переводчиками, которые делают то, чего Бёллер явно избегает, — заменяют союз, выражающий только саму связь (*und*), чисто противительным *но*.

Еще одна интересная особенность стиля Бёлля — употребление повторяющегося союза *und* в одном сложном или нескольких соседних предложениях. Роль союза в данном случае имеет прямое отношение к ритмико-интонационному строю прозы писателя. И в этом случае, как и в предыдущих, при переводе из единой сложной системы — художественного произведения — изымаются ее существенные элементы без видимой необходимости.

Это многократное повторение *und* типично особенно для ранних романов писателя («И не сказал ни единого слова», «Где ты был, Адам?») и повести «Хлеб ранних лет». С помощью союза *und* здесь своеобразно соединяются — нанизываются — предложения, находящиеся друг с другом в разных отношениях: одновременности действий, состояний — и их последовательности; причины и следствия и т. д. Иногда союз *und*, соединяющий простые предложения внутри сложного комплекса, повторяется 8—9 раз.

Такое повторение *und* характерно для разговорного немецкого языка, а также для языка баллад (см., например, баллады Шиллера), притч, народных сказок (и аналогично употреблению союза *и* в русском языке). Это явление встречается и в прозе многих немецких беллетристов (особенно Г. Гейне, Т. Фонтане и т. д.). У Бёлля такой тип связи не случаен: он выполняет важную поэтическую функцию.

Прежде всего, эти конструкции, приближая язык произведения к разговорному, делают его живым, менее «правильным». Далее, как и в предыдущих примерах, союз *und*, выражая здесь только общую идею объединения, смягчает логизацию речи (как героев, так и автора): сообщения, которые могли бы часто быть самостоятельными предложениями, связываются линейно, нанизываются друг на друга, причем на характер их взаимной зависимости не указано. Более того, ряд сообщений здесь не замкнут, как бывает, когда *und* присоединяет только последний из нескольких связываемых предложений, — ряд может быть продолжен, что создает впечатление связанности всех реальных явлений, их переплетения, без

уточнения конкретных форм их зависимости. В то же время каждый из объединяемых компонентов приобретает бóльшую значимость, в большей степени сохраняет свое самостоятельное значение, чем при обычной форме связи, когда *und* стоит только перед последним членом объединения.

Таким образом, многосоюзие выполняет двоякую функцию, подчеркивая, с одной стороны, момент связи, переплетения предложений, а с другой, собственное значение, вес каждого из них¹³.

Такая синтаксическая форма не случайна: она, в частности, служит для передачи особого душевного состояния и мироощущения героев и соответствует всей творческой манере автора.

Важную стилистическую функцию выполняет в этих романах также и то качество прозы, которое возникает благодаря частому повторению *und*, — ритмичность. Фразы и целые отрывки текста приобретают особую напевность, сказанному придается особая значимость, оно выделяется из своего окружения, — как в библейских притчах или народных легендах.

Часто с помощью такого употребления союза Бёльль создает впечатление предельного напряжения душевных сил героев в критические, переломные моменты их жизни, которые он часто ставит в центре своих произведений. Вот, например, отрывок из повести «Хлеб ранних лет», где речь идет о состоянии Вальтера в конце того дня, который стал началом его великой любви и изменил всю его жизнь:

«Schweiß brach mir aus, *und* ich spürte die Schmerzen in meinen beiden Händen — *und* dieser Tag, dieser Montag, erschien mir unerträglich lang, zu lang für einen einzigen Tag, *und* ich wußte, daß ich nicht aus ihrem Zimmer hätte hinausgehen sollen...»¹⁴

В других случаях создается впечатление усталости, пассивности героя, которому происходящие события и действия окружающих кажутся тягостными и лишёнными смысла.

Например, в романе «И не сказал...», герой которого усталый, отчаявшийся человек, чтобы добыть себе несколько марок, дает частные уроки — ходит от одного к другому, занимаясь, с его точки зрения, бесполезным делом:

«Zehn Minuten später saß ich einem südlichen Stadtteil in einer Küche, die nach Essig roch, *und* ein blasses Mädchen mit großen, fast gelben Augen sagte lateinische Vokabeln auf, *und*

¹³ См. W. Schneider. Stilistische deutsche Grammatik. Basel — Freiburg — Wien, 1959, S. 337.

¹⁴ «Das Brot der frühen Jahre». В кн.: H. Böll. ...Und sagte kein einziges Wort. Erzählungen. М., 1963, S. 254.

einmal öffnete sich die Tür zum Nebenzimmer, *und* ein mageres Frauengesicht erschien in der Tür...»¹⁵

Случаев многократного употребления *und* в романах Бёлля много, они, в частности, создают особый вид, особый характер его ранней прозы. Встречаются абзацы и даже более крупные отрезки текста, где этот союз повторяется в каждом из нескольких соседних предложений, вводя их после точки или соединяя в один сложный комплекс. (Так, например, в романе «И не сказал...» на полутора страницах союз *und* употребляется для связи предложений 16 раз, а всего он встречается в этом отрывке 28 раз.)

Вопрос о переводе *und* в данной функции на русский язык осложняется тем, что немецкий союз *und* шире по значению, чем наше *и*: иногда он соединяет сопоставляемые сообщения — и тогда переводится с помощью русского *а* (типа: «я сказал..., а он ответил...»). Однако в тех случаях, когда автор повторяет *und* в одном или нескольких рядом стоящих предложениях и когда эта повторяемость явно нарочита, так как без *und* вообще можно было бы обойтись, а также когда повторяющийся союз отражает специфическую интонацию — без оттенка сопоставления или противопоставления, характерного для русского *а*, то наилучшим представляется перевод с *и*. Чаше всего переводчики не колеблются между *и* и *а*, но вообще опускают союз, например:

«Лицо у офицера было усталое и грустное. Он посмотрел на солдат, сначала на их ордена и ленточки, потом на лица, произнес: «Прекрасно», — и, помолчав немного, взглянул на часы и добавил: «Устали, ребята...»¹⁶.

В местах, где переводчики опускают союз, у Бёлля повторяется *und*:

«Das Gesicht des Oberleutnants war müde und traurig, *und* als er sie jetzt anblickte, blickte er erst auf ihre Orden, dann in ihre Gesichter, *und* er sagte: «Schön», und nach einer kleinen Pause mit einem Blick auf seine Uhr: «Ihr seid müde...»¹⁷

В переводе в этом случае нарушается весь строй фразы Бёлля, изменяется соотношение частей и ритмико-интонационный рисунок. А ведь более близкий к оригиналу перевод был бы здесь вполне возможен с точки зрения русского языка:

«Лицо у офицера было усталое и грустное, *и* когда он посмотрел на солдат, то сначала взглянул на их ордена, потом на

¹⁵ Н. В ö l l. Und sagte kein einziges Wort. S. 16.

¹⁶ Г. Б ё л л ь. Где ты был, Адам? Пер. М. Гимпелевич, Н. Протугалова. М., 1963, стр. 29.

¹⁷ Н. В ö l l. Wo warst du, Adam? Berlin, 1956, S. 12.

лица, и он сказал: «Прекрасно», и, помолчав, немного, бросил взгляд на часы и добавил: «Устали, ребята...»

По тому же пути изменения всей конструкции идут переводчики и в других аналогичных случаях.

Может быть, они полагают, что повторяемость конструкций вредит прозе? Но она здесь предусмотрена автором, а задача перевода — передать намерение автора, тем более, что, как уже говорилось, данная конструкция несет большую экспрессивную нагрузку¹⁸. Возможно, переводчики считают, что русский язык, в отличие от немецкого, не допускает такого приема? Однако думается, что в этом отношении оба языка не имеют принципиальных различий, и степень употребляемости таких конструкций в них примерно одинаковая. Современный русский язык вполне допускает подобное употребление союза *и*, хотя оно, как и в немецком, выглядит необычно. Например, мы читаем у А. Серафимовича:

«И было безлюдно, и стоял смрад». («Железный поток»);
у М. Булгакова:

«И стаканчик подмигнул, блеснул в лунном свете, и помог этот стаканчик». («Мастер и Маргарита»)

Особенно часты подобные случаи в прозе А. П. Чехова, которая во многих отношениях сопоставима с прозой Бёлля. Например:

«И приходилось говорить неопределенно о любви, о женщинах, и никто не догадывался, в чем дело, и только жена шевелила своими темными бровями и говорила: «Тебе, Дмитрий, совсем не идет роль фата». («Дама с собачкой»)

Очевидно, что дело здесь не в специфике языков. Дело скорее в недоверии переводчиков к читателю, к его художественному чутью и способности воспринимать, в результате чего — сознательно или бессознательно — оригинальный и непростой для восприятия стиль Бёлля «подгоняется» под обезличенный, нейтральный, «правильный» стиль. Получается, что большая часть смыслового и эмоционально-экспрессивного содержания произведений этого замечательного художника теряется по дороге к русскому читателю.

¹⁸ Интересно, что на аналогичное явление в английском языке (в произведениях Хемингуэя) обращает внимание Н. Сакварелидзе в статье «Эстетическая функция ритма и принципы его передачи» (сб. «Актуальные проблемы художественного перевода», Т. I, М., 1966, стр. 181—192). Автор справедливо, как мне кажется, полагает, что рассматриваемый прием, наряду с другими средствами ритмизации прозы, несет в произведениях Хемингуэя огромную эстетическую нагрузку, и задача переводчика — по возможности сохранить эту особенность стиля писателя.

СОПОСТАВЛЕНИЕ КАК СПОСОБ АНАЛИЗА СТИЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

(Стилистический анализ и его значение для перевода)*

В данной статье путем сопоставления двух вариантов оригинала (раннего и позднего) делается попытка выявить глубинные значения стиля, которые необходимо учитывать при переводе. Такое сопоставление представляет особый интерес, если существует перевод одного из вариантов, как это имеет место в нашем случае. Оно дает дополнительные возможности проникнуть в содержание произведения путем выявления целого ряда контактов, параллелей, эквивалентностей и, что еще важнее, расхождений и различий в стилистической структуре оригинала и перевода.

Для сопоставления нами выбрана новелла «Возлюбленная Граминьи» как наиболее характерная из веристских новелл Д. Верги.

Сопоставление двух вариантов новеллы «Возлюбленная Граминьи» позволяет выявить характер эволюции стиля Верги, поскольку период, разделяющий оба издания, весьма значителен (1880—1897) и знаменует начало и как бы завершение веристской манеры повествования¹⁹.

При сопоставлении двух текстов прежде всего обращает на себя внимание различный характер повествования. В I варианте усложненные фразы, повышенная мелодичность, достигаемая с помощью обильных лексико-стилистических повторов *che*. Во II — слог экономнее, динамичнее, выразительнее за счет замены сложно-подчиненных предложений простыми, по своей синтаксической конструкции близкими к диалогичной речи. Значительные текстовые сокращения во II варианте свидетельствуют о стремлении осовременить язык устранением излишней детализации в описании.

* Продолжение. Начало см. «Тетради переводчика», № 6, 1969 г.

¹⁹ Важным для понимания характера редакции II варианта является тот факт, что после «Сельских новелл» и до 1897 г. Верга интенсивно пишет драмы на сюжеты своих новелл. Вследствие этого язык произведений Верги приобретает заметную диалогичность. См. Р. А. Б у д а г о в. Литературные языки и языковые стили. М., 1967, и его же Джованни Верга о художественном переводе. «Историко-филол. исследования», сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967 г.

Рассмотрим ряд пунктуационных, лексических и синтаксических различий. Начнем с простейшего наблюдения, с пунктуационных расхождений в тексте вступления²⁰.

I вариант

come dicono oggi;
intimo ;
fatale ; siamo
umane ; e che l'armonia
autore ; che essa non serbi...

II вариант

come dicono oggi —
intimo.
fatale. Siamo
umane, e l'armonia
autore, alcuna macchia del
peccato d'origine.

В этих примерах наблюдается известное переосмысление содержания, что выражается через пунктуацию. В первом примере I варианта точка с запятой фиксирует внимание на *un documento umano*, предшествующем *come dicono oggi*; во II варианте оформление с помощью тире придает всей фразе — « *un documento umano, come dicono oggi* » — значение вводной мысли, не отвлекающей читателя от основной, а именно, что Верга пишет не «рассказ», а «набросок». Во втором примере вместо точки с запятой после *intimo* поставлена точка с целью сделать логический акцент на предложении, в котором выражена суть веристского метода: « *Sacrifichiamo volentieri l'effetto della catastrofe... fatale* » (II вар.). Точно такую же семантическую функцию выполняет пунктуация и в двух следующих примерах. В последнем примере Верга сокращает синтаксическую конструкцию и упрощает пунктуацию с тем, чтобы придать мысли большую четкость и ясность. В I варианте после слова *autore* следует большой период, изобилующий придаточными определительными и дополнительными. Мысль в нем закована в «поэтические латы». Во II варианте слово *autore* практически завершает вступление, т. к. дополнение *alcuna macchia* — дань риторике и имеет второстепенное значение.

В I варианте важную роль в синтаксической структуре играет ритмика словосочетаний, повторов и т. д., синтаксическая структура выглядит усложненной и громоздкой. Во II варианте проявляется тенденция к четкости выражения путем «упрощения» синтаксиса и устранения многозначности словосочетаний и выражений, что заметно при лексико-семантическом сопоставлении первого и второго вариантов.

²⁰ См. I вариант: G. Verga. *Vita dei Campi*. Treves, 1881, pp. 155—166; См. II вариант: G. Verga. *Tutte le novelle*, V. I. Mondadori, 1957, pp. 167—173.

I вариант

tutte le risorse
ma le conquiste
verità psicologiche

alcuna impronta della mente
in qui germogliò...

II вариант

tutte le virtù
ma la dimostrazione
legame oscuro tra causa ed
effetti
alcuna macchia del peccato
d'origine.

Во всех примерах наблюдаются значительные лексико-семантические расхождения. Особенно это видно в 3-м примере, где расплывчатое *verità psicologiche* заменено функциональным *legame... tra... .* В I варианте выражение *verità psicologiche* звучит как извне привлеченный постулат, во II сделана попытка раскрыть «темный» смысл его. Характерно семантическое противопоставление *verità* — *legame oscuro*, где *истине* (*verità*) противопоставлено прилагательное *темное* (*oscuro*), которое заставляет искать скрытый в *истине* смысл, а именно: темные связи между причиной и следствием. В I варианте сочетание *verità* с *psicologiche* нивелирует основное значение слова *verità* (*истина, правда, действительность* и т. д.), придавая выражению неограниченную смысловую емкость. Излишняя многозначительность словосочетания *verità psicologiche* (букв. *психологические побуждения*) затрудняет понимание основной мысли.

Заменив *le conquiste* на *la dimostrazione*, *verità psicologiche* — на *legame oscuro*, Вепра снимает в предложении «*ma le conquiste che facciamo delle verità psicologiche non saranno un fatto meno utile all'arte dell'avvenire*» (I вар.), ставшее излишним прямое дополнение *un fatto*. Неопределенное по значению *un fatto* компенсируется утвердительным и конкретизирующим мысль наречием *certo* (*конечно*), в результате чего смысловой акцент стал точнее: «*ma la dimostrazione di cotesto legame oscuro tra cause ed effetti non sarà certo meno utile all'arte dell'avvenire*» (II вар.).

В последнем примере характер корреляции тот же самый, т. е. мысль выражена яснее, четче: абстрактное *impronta* заменено конкретным *macchia*.

Следовательно, уточнение в значении слова, выражения, словосочетания приводит к «упрощению» синтаксической конструкции, но при этом упрощается лишь знаковая сторона, семантически же синтаксическая конструкция интенсифицируется.

В следующем примере упрощение синтаксических конструкций и усиление ее семантической функции проявляется особенно наглядно.

I вариант

invisibile, e il romanzo avrà
l'impronta dell'avvenimen-
to reale, e l'opera d'arte...

II вариант

invisibile, allora avrà l'im-
pronta dell'avvenimento
reale, l'opera d'arte...

Обращает на себя внимание сокращение синтаксической конструкции путем снятия двух союзов *e*, а также то, что во II варианте нет слова *romanzo*. Снятие союзов *e* и слова *romanzo* придает предложению более автономный, вводный характер. Это важно для смысла всего предложения: « *Quando nel romanzo l'affinità e la coesione di ogni sua parte sarà così completa... allora avrà l'impronta dell'avvenimento reale, l'opera d'arte sembrerà essersi fatta da sé...* ». Верга, очевидно, снял второе *romanzo*, чтобы акцентировать существительное главного предложения « *l'opera d'arte* », в результате чего придаточное следствия « *allora avrà...* » выступает по отношению к существительному главного предложения « *l'opera d'arte* » в функции дополнительного вводного предложения, т. е. оно как бы нейтрализуется. Таким образом, сняв слово *romanzo*, Верга усилил смысловой акцент периода: « *l'opera d'arte sembrerà essersi fatta da sé, ...* ».

Рассмотрим еще одно сопоставление.

I вариант

autore ; che essa non serbi nelle sue forme viventi alcuna impronta della mente in cui germogliò, alcuna ombra dell'occhio che la intravvide, alcuna traccia delle labbra che ne mormorarono le prime parole come il fiat creatore ; ch'essa stia per ragion propria, pel solo fatto che è come dev'essere, et è necessario che sia, palpitante di vita ed immutabile al pari di una statua di bronzo, di cui l'autore abbia avuto il coraggio divino di eclissarsi e sparire nella sua opera immortale.

II вариант

autore, alcuna macchia del peccato d'origine.

Уже при одном взгляде на масштаб периода и на предложение, компенсирующее его во II варианте, становится очевидным характер редакции. Прежде всего обращает на себя внимание «ритмизация» повествования в I варианте. Весь период написан словно белым стихом, что отчетливо заметно, если вычленить следующие элементы:

*alcuna... in cui germogliò/alcuna... che la intravvide/
alcuna... che ne mormorarono/ch'essa stia/per ragion propria/
pel solo fatto che è/coraggio divino... opera immortale.*

Обилие *che*, *alcuna* и предлогов *di* придает периоду размеренность стиха, стихотворную ритмичность и вместе с ней некоторую возвышенность, которые проявляются в отборе лексики и в почти

стихотворных рефренах: alcuna impronta... germogliò, alcuna ombra... intravvide, alcuna traccia... mormorarono... .

Несколько приподнятая манера повествования придает вступлению внутренний ритм, который не прерывается точкой после sua opera immortale. Этот ритм, или размер, как бы продолжается еще в первом предложении новеллы: « Parecchi anni or sono, laggiù lungo il Simeto, davano la caccia... ». И только в конце третьего предложения происходит «снижение» до уровня «обыденного» повествования: «...nessun proprietario osava affacciare il naso al di sopra della siepe del suo podere ... pronto a far saltare il capo al primo che venisse a guardare nei fatti suoi ».

Таким образом, стилистическое единство вступления и новеллы передано с помощью ритма, синтаксиса, интонационного строя. Во втором варианте нет этой приподнятости во вступлении. Активное усиление (повторы, лексическая и стилистическая тавтология, рефренность) как средство стилистического оформления речи в I варианте, во II варианте снято.

Рассмотрим наиболее существенные различия в тексте I и II вариантов новеллы. Например:

I вариант

— Vattene ! cosa m'importa ?
ciascuno per la sua pelle !

II вариант

— Vattene ! — diss'egli —
vattene, finchè t'aiuta
Cristo !

В этих примерах прямая и косвенная речь в I варианте не разделяются. Это характерно для ранних веристских новелл Верги. Во II варианте диалог оформляется с помощью тире в прямую и косвенную речь.

Верга-верист стремился пунктуацией передать непосредственность, безыскусность повествования, простоту языка своих персонажей. Поэтому нарочито упрощенной выглядит пунктуация в I варианте. Например: « ...e poi quando ebbe bevuto che pareva il fiato le mancasse le chiese — L'hai scappata ? Come hai fatto . »

Здесь речь не оформлена, как прямая, поэтому тире выполняет роль связи авторской мысли со словами Граминьи, словно это одна мысль, одно движение мысли, одно переливающееся лишь в другую форму мыслительное действие.

Еще пример: « — È finita ! gli disse lui. Ora mi prendono ; — e quello che le agghiacciò il sangue più di ogni cosa... ». То же самое явление. Прямая речь « — È finita ! » не начинается с абзаца, она — внутри предложения. Верга сохраняет непрерывность действия, чтобы переход от речи персонажа к авторской и снова к речи персонажа происходил незаметно для читателя, который больше «чувствует», чем «видит».

Таким образом, в I варианте пунктуация несет на себе печать просторечия, являющегося результатом «подражания» народной речи, ибо всего убедительнее, когда читатель «слышит» не голос автора, а голос самого персонажа. Поэтому роль пунктуации заключается в том, чтобы приблизить повествование к формам народной речи, к разговорному языку персонажей. Пунктуация, следовательно, выполняет роль содержательной функции стиля. Вместе с тем, благодаря «разговорному» назначению пунктуации внимание читателя не задерживается на пунктуации, он «слушает» и «чувствует», и «не замечает» знаки препинания. Однако это только первый план восприятия или отражения в сознании читателя того, о чем повествуется. Восприятие, скорее формальное, поскольку основную роль выполняют пока еще знаки. Второй план восприятия содержательный, т. к. читатель не только чувствует, но и видит то, о чем повествуется. Тут уже формальное чувствование переходит в содержательное видение. Причем, читатель видит «действие». Здесь мы коснулись одной из основных функций стиля Верги: изображения не положения, т. е. описания застывшей ситуации, а показ действия, движения, порывов, устремлений. Стиль в этом случае служит для передачи живой, движущейся речи, что позволяет придать повествованию большую динамичность.

Проиллюстрируем это несколькими примерами.

В I варианте Пеппа объясняется с матерью пространно: «*Io voglio bene a Gramigna, le disse la ragazza, e non voglio sposare altri che lui*». Во II варианте этому месту соответствует авторская речь: «*...Peppa s'era scaldata la testa per Gramigna, senza conoscerlo neppure*». Заложенная здесь динамика (*s'era scaldata ... per ...*) подготавливает «монолог» матери: «*— Che ne sai? — Dove l'hai visto? — Nulla*». Этому короткому монологу в I варианте соответствуют два предложения, в которых описательность превалирует над действием («*— Ah! gridava la mamma per la casa, coi capelli grigi al vento, che pareva una strega! — Ah! quel demonio è venuto sin qui a stregarmi la mia figlia!*») Второй вариант короче, выразительнее, драматичнее.

Отметим далее замену *madre aveva acceso* на *madre teneva accesa*. Во II варианте подчеркивается протекание действия, что важно для создания необходимой атмосферы, контекста, в котором разворачивается драма матери Пеппы. Стилистический стандарт *ma che la notte lo vedeva in sogno* заменен активным действием и переживанием: *ma invece pensava sempre a lui, lo vedeva in sogno, la notte!*; растянутое *labbra arse quasi avesse provato anch'essa tutta la sete ch'ei doveva soffrire* заменено более выразительным и лаконичным *labbra arse assetata anch'essa come lui*. Здесь наблюдается замена полной глагольной формы отглагольным причастием *assetata* и

придаточного определительного лаконичным сравнением *come lui* (отметим *lui* вместо *ei*, характерного для раннего Верги).

Рассмотрим еще пример.

Il povero « *candela di sego* » rimase sbalordito e la vecchia si mise a strapparsi i capelli *come udl* che sua figlia rifiutava il miglior partito del villaggio. (I var.).

Figurati il putiferio! La vecchia si strappava i capelli, « *Candela di sego* » rimasto a bocca aperta. (II var.).

Здесь основное отличие в синтаксической структуре: сложно-подчиненное предложение превращено в два простых, но более выразительных в силу образной лаконичности. Лаконичность, образная выпуклость достигается «упрощением» синтаксической конструкции: опущены союзы *e* и *che*, эксплицитная временная конструкция заменяется имплицитной: *rimase sbalordito* — *rimasto*, *si mise a strappare* — *si strappava*; придаточное времени *come udl...* вовсе опущено.

Характерно употребление в I варианте просторечного *come* вместо *quando* или *arrena*; (*come udl*) *как услышала* вместо литературного (*arrena udl*) *как только услышала* или (*quando udl*) *когда услышала*. Употребление глагола *rifiutare* в имперфектной форме в данной синтаксической конструкции также чисто просторечное.

Замена «эксплицитной» синтаксической конструкции «имплицитной» во II варианте позволяет придать всему предложению почти диалогичную коммуникативность. *Figurati il putiferio!* не что иное как «обращение» одного из персонажей (анонимного) к «зрителю» (букв. *Что тут было!*).

В результате сопоставления двух вариантов новеллы «Возлюбленная Граминьи» обнаруживается тенденция к сокращению синтаксического целого, вследствие чего семантическое значение синтаксической конструкции интенсифицируется. Данное наблюдение весьма важно учитывать при переводе, поскольку оно раскрывает стилистическую роль синтаксической конструкции в структуре повествования и позволяет избежать неоправданных синтаксических переосмыслений и замен при переводе. Тем самым обуславливается наибольшая эквивалентность перевода.

IV. КОНКРЕТНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Л. Юшина
(Днепропетровск)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ СОЧЕТАНИЙ ТИПА (n) + (n) НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Необходимость изучения особенностей перевода на русский язык английских сочетаний типа (n)+(n) (существительное+существительное) диктуется большой распространенностью данных образований во всех жанрах современной английской литературы, широким диапазоном отношений, выражаемых препозитивными существительными, спецификой структуры и семантики самой модели (n)+(n).

Однако приходится отметить, что в учебных пособиях по переводу этот вопрос освещается недостаточно полно¹. Более детально рассматриваются многочлены типа (n)+(n)+(n)+..., характер смысловых связей между их компонентами, вероятность структурных несоответствий при переводе на русский язык².

В данной статье освещены основные особенности перевода словосочетаний типа (n)+(n), выявленные в результате проведенного автором структурно-семантического анализа.

Как известно, решающее значение для перевода сочетаний рассматриваемого типа имеет взаимообусловленный характер расположения компонентов: второе существительное выражает более общее, стержневое понятие, первое же его уточняет, детализирует, выступая в роли его модификатора — silk dress, wool dress, velvet dress, cotton dress...

Такое четкое распределение функций компонентов проявляется регулярно в подавляющем большинстве сочетаний этого типа и приводит при переводе к тому, что ведущим и в смысловом и в грамматическом отношениях, как правило, оказывается второй компонент.

¹ См. С. С. Толстой. Основы перевода с английского языка на русский. М., 1957; Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М., 1958.

² В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, В. И. Тархов. Пособие по переводу с английского языка на русский. М., 1960.

Значение, реализуемое модифицирующим компонентом в каждом отдельном сочетании, также взаимно обусловлено не только семантикой стержневого существительного, но и структурой модели: препозитивное определение обычно указывает на признак постоянный, присущий не только самому определяемому, но и классу ему подобных предметов, в отличие от постпозитивного определения, обозначающего признак единичный, случайный, временный³. Сравним *a tea cup* и *a cup of tea* — *чайная чашка* и *чашка чая*. Данное положение влияет при переводе на выбор того средства родного языка, которое имеет классифицирующее, а не описательное значение, например, *desk lamp* *настольная лампа*, а не *лампа на столе*; *baby language* *детский язык*, а не *язык какого-то ребенка*.

Используя переводы, сделанные опытными советскими переводчиками (Н. Волжиной, М. Лорие, Е. Калашниковой, Н. Даруэс и др.), мы подвергли сопоставительному анализу соответствия более чем 2000 образцов сочетаний, образованных по указанной модели. Материалом для анализа послужили примеры, подобранные из произведений классической и современной художественной литературы: A. J. Cronin. "Hatter's Castle"; O. Henry. "Short Stories"; A. J. Cronin. "The Citadel"; M. Wilson. "Live with Lightning"; E. Green, "Wind from the South"; D. Carter. "To-morrow is with us".

Анализ показал, что только 45% указанного количества сочетаний переводятся по рекомендациям, предлагаемым учебниками и пособиями по переводу, то есть: 1) прилагательным с существительным (*school bands* *школьные оркестры*, *glass tube* *стеклянная трубка*), 2) родительным падежом существительного (*condenser design* *чертеж конденсатора*, *construction details* *детали конструкций*), 3) существительным с предлогом (*button boots* *ботинки на пуговицах*).

Изучение остальных 55% примеров показывает, что компоненты английского сочетания (n)+(n) могут находить соответствие в других частях речи русского языка, в других структурных приемах перевода. За основу смысловой точности перевода берется установление структурно-семантического соответствия языковых средств двух языков.

Обобщив результаты сопоставительного анализа переводов, мы установили, что все несоответствия можно разделить на две категории:

³ См. П. Р. Л е в и н б у к. Атрибутивные сочетания с препозитивно-примыкающей дзухтченной группой определения в современном английском языке. М., 1954.

I. Семантические (в основном при переводе первого компонента).

II. Структурно-семантические (при переводе всего изучаемого комплекса).

В процессе анализа была сделана попытка объяснить причины этих несоответствий с точки зрения специфики каждого языка и данной модели в частности. Ниже приводятся некоторые результаты анализа и одновременно выделяются способы перевода.

I. СЕМАНТИЧЕСКИЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ

В качестве модификаторов к стержневому слову в сопоставляемых языках могут использоваться существительные, различные по своей лексико-семантической природе, для создания смысловых комплексов одного и того же содержания. Причиной может быть национальная специфика жизни и мышления каждого народа. Отражаясь в языке, она вызывает несоответствия при передаче одинаковых семантических комплексов, чаще всего при описании относительного признака: *dollar love надежная, как доллар, любовь; sterling qualities ценные качества* (F. Norris, "Octopus").

При создании образных и переносных значений модификаторы как лексические единицы соответствуют в двух языках, в основном, в тех случаях, когда образность интернациональна, общепонятна, как в *eagle eye, lion roar, typical Verdi style*.

Чаще же образные сочетания отличаются в разных языках характером выбираемого признака. Так, английское существительное *parrot*, в зависимости от семантики сочетающегося с ним стержневого слова, можно перевести на русский язык, используя различные качественные признаки: *parrot nose крючковатый нос, parrot cry пронзительный крик, parrot tulips пестрые тюльпаны*; подобным же образом переводится существительное *iron* в сочетаниях *iron determination железная решимость, iron grip мертвая хватка, iron note грозная нота в голосе*⁴.

При переводе образных значений в русском языке часто используются: а) с р а в н е н и я — *sausage finger палец, как сосиска, button eyes круглые, как пуговицы, глаза*; б) о б р а з н ы й э п и т е т — *calf love ребяческое увлечение*; в), с особой стилистической целью может быть использован дословный перевод относительным прилагательным с нарушением синтаксических норм русского языка. Так, например, в рассказе О. Henry "The Pimienta Pancakes" мы находим такие сочетания, как *mutton ranch, pancake specifications*:

⁴ Приводимые здесь и далее в качестве иллюстраций примеры, безусловно, не исчерпывают все способы перевода каждого сочетания.

"And then this feathered Jackson flies up in his saddle and raises his little stewpot of a hat, and trots off in the direction of his mutton ranch."⁵

"That was all the pancake specifications I could get that night."⁶

В соответствующих русских переводах этих предложений используются притяжательные формы прилагательных с особой стилистической целью — создания определенного иронического оттенка толкования:

«А потом окрыленный Джексон взлетает в седло, приподнимает шляпу-кастрюльку и трусит в направлении своего баньяного ранчо»⁷.

«Только эту блинчиковую спецификацию мне и удалось получить в тот вечер»⁸.

II. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ

При создании языковых единиц, соответствующих сложным и производным понятиям, каждый язык располагает своими средствами, своей материальной базой. Отсюда возможно несовпадение языковых единиц — сочетанию одного языка может соответствовать сложное или корневое слово в другом языке. Первая группа отмечаемых нами структурно-семантических несоответствий и объясняется, в основном, этими причинами.

1. Английскому сочетанию (n)+(n) соответствует одно русское существительное в тех случаях, когда:

а) в роли стержневого понятия используются существительные обобщенного значения типа room, house, office: post office *почта*, business office *контора*, registration office *бюро*, cow house *коровник*;

б) в роли стержневого понятия используются существительные boy, girl, man, chap и др., например: messenger boy *посыльный*, sheep man *овцевод*, editor man *редактор*, cashier girl *кассириша*. Вторые компоненты в большинстве случаев утрачивают свое полное лексическое значение и приобретают абстрагированное, близкое к значению суффикса деятеля, подобно компонентам сложных слов русского языка типа *-вод*, *-роб*, *-руб*, *-лов*, *-вар*, которые находятся на границе между словом и суффигированным элементом (по терминологии академика В. В. Виноградова).

Сближаясь по указанному выше абстрагированному значению

⁵ О. Генри. Short Stories. М., 1951, р. 27.

⁶ Ibid, р. 31.

⁷ О. Генри. Избранные произведения в 2-х т., М., 1954, стр. 371.

⁸ Там же, стр. 375.

в одних сочетаниях, каждое из существительных (boy, girl, man и др.), тем не менее, находится на разных стадиях развития этого значения и поэтому не все сочетания с ними переводятся указанным выше способом. Так мы отметили случаи, когда существительное man используется не только в обобщенном значении 'человек', но и в более узком его значении 'мужчина'. Например, в ряду таких сочетаний как cave-man, cave-woman, cave-child (S. Leacock, "Perfect Lover's Guide");

в) в роли стержневого понятия используются существительные, обозначающие меру, часть, объем или предмет специального назначения: wood pile *поленница*, sugar basin *сахарница*, milk can *бидон*, marriage portion *приданое*;

г) в роли стержневого компонента используются существительные, выражающие обобщенно-родовое понятие: Panama hat *панамы*, helium gas *гелий*, business matters *дела*. В этих случаях происходит перемещение семантического центра на модифицирующий компонент. Видовое (первый компонент) и родовое (второй компонент) понятия объединяются, что нередко приводит к абсолютному употреблению первого компонента в том же значении;

д) стержневое понятие употреблено метонимично: farm hand *работник*, secretary rep *секретарь*, paper route *газетчик*;

е) в сравниваемых языках используются различные словообразовательные средства для создания языковых единиц, соответствующих одному и тому же понятию: motion picture *кино*, rubber coat *плащ*.

2. Модификатор английского атрибутивного комплекса (n)+(n), выраженный общим падежом единственного числа существительного, находит нередко соответствие в иных морфологических формах русского существительного, либо иных частях речи. Полное соответствие при переводе данных сочетаний отмечается лишь в незначительно малом количестве случаев типа garden-restaurant *сад-ресторан*, man-mountain *человек-гора* и др. В остальных случаях английскому существительному в роли модификатора могут соответствовать в русском прилагательное, существительное в родительном, предложном, творительном падежах, причастие настоящего времени, одна из неличных форм глагола, целое предложение.

Лексическая природа сочетающихся существительных обуславливает не только характер реализуемых отношений, но и выбор соответствующего средства в русском языке для передачи относительного признака. Так, прилагательные *серебряный* и *серебристый* будут дифференцировать английские сочетания silver jar и silver water. Русское прилагательное *кристаллический* используется чаще в его прямом значении — 'состоящий из кристаллов,

и, следовательно, английское сочетание *crystal water* можно перевести как *кристально чистая, прозрачная вода*.

Поясняющее слово *цвет* необходимо при переводе сочетаний таких семантических групп, как названия растений и одежды, вещественных и одушевленных существительных, например, *lavender gloves перчатки цвета лаванды*. Отсутствие производно-переносных значений для выражения относительного признака ряда русских прилагательных компенсируется употреблением именительного падежа с союзом, как *sausage baloon шар, продолговатый, как колбаса*, *button eyes круглые, как пуговицы, глаза*.

Как видно из примеров, семантизация английского сочетания (n)+(n) в русском языке сопровождается часто не только изменением структуры сочетания, но и добавлением поясняющих слов.

3. Структурные несоответствия могут выразиться в изменении места определения, добавлении поясняющих слов, описательном переводе словосочетания. Объясняются они рядом причин:

а) прилагательное, предшествующее сочетанию (n)+(n), нередко определяет не весь указанный комплекс, а лишь первый компонент и составляет с ним единую смысловую группу. При переводе оно, как правило, предшествует русскому определению в родительном падеже: *foreign contract assurance страхование иностранных контрактов*;

б) нередко между первым и вторым компонентами сочетания отсутствует непосредственная семантическая связь. Известные по сюжетной линии контекста или по традиции употребления субстантивные или глагольные элементы опускаются, а относящиеся к ним слова остаются в роли препозитивного определения к стержневому слову. В этом случае для правильного понимания семантической связи между компонентами в русском языке возможно добавление поясняющих слов: *sugar steamers груженные сахаром пароходы*, *ring countries страны, борющиеся на ринге*, *hop ranch ранчо, где выращивается хмель*;

в) с целью приближения перевода к синтаксическим нормам родного языка иногда возникает необходимость не только в использовании поясняющих слов, но и в изменении всей структуры предложения: *she noted his sailor roll она по походке узнала в нем матроса*; *the combination home and mission семья жила там, где помещалась миссия*;

г) в качестве опорного по смыслу понятия в соответствующем сочетании русского языка может выступать первый компонент: *skeleton branches скелеты, очертания ветвей, голые ветви*; *sickle moon серп луны, лунный серп*.

Рассмотренные в данной работе способы перевода английских словосочетаний (n)+(n) охватывают около 95% проанализированного

нами материала, что дает возможность говорить об их типичности для художественной литературы. Однако описанные выше особенности перевода не являются исчерпывающими, если учесть все богатство и разнообразие семантической емкости данной модели, жанровое и стилистическое своеобразие литературы, словообразовательную специфику английского языка. Так, например, определенный интерес представляет перевод словосочетаний типа (n)+(n), в которых стержневой компонент — это существительное глагольного происхождения с суффиксом *-er*, обозначающее случайного деятеля. Эти специфичные по семантике английские образования не имеют соответствующего словообразовательного средства в русском языке и переводятся весьма различно, часто причастием настоящего времени: *toe dancer танцующий на пуантах*, *prize fighter борющийся за приз*, *hire purchaser покупающий в рассрочку*.

Результаты данных наблюдений, по нашему мнению, целесообразно использовать при обучении переводу.

Е. Штайер
(Москва)

О КОНВЕРСНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ*

(На материале французского языка)

Известно, что, подбирая при переводе эквивалент для того или иного слова исходного текста, нередко приходится заменять одну лексическую единицу переводящего языка другой, причем такой, которая не входит в соответствующий синонимический ряд.

Например, перевод предложения *Советский Союз продает газ Франции* допускает, между прочими, следующие варианты:

(1) L'Union Soviétique vend du gaz à la France.

(2) La France achète du gaz à l'Union Soviétique.

Вариант (2) нельзя получить, пользуясь имеющимися в настоящее время словарями; для его появления необходим словарь, построенный на основе более широкого взгляда на явление синонимии, а именно, описывающий синоним не в рамках одной, отдельно взятой лексической единицы, а в рамках высказывания.

Действительно, явление синонимии можно изучать двояко:

1) в пределах слова — например, *acheter, acquérir, se payer, s'approprier* ;

2) можно подойти к изучению синонимии и с другой стороны: рассматривать значение целых предложений как способ выражения

* Автор выражает признательность В. Ю. Розенцвейгу за помощь в написании данной статьи.

ситуации⁹. Иначе: изучается не глагол *acheter*, а высказывание «А *achète* В à С». При этом исходят из того, что значение заключено не в одном слове, а в высказывании.

В высказывании «А *achète* В à С» описывается некоторое отношение между двумя участниками предиката, и под синонимией понимаются разные способы выражения отношения. Его можно выразить, например, со стороны первого или второго участника (см. (1) и (2)).

Рассмотрим следующий пример:

- (3) Robert *précède* Jean,
где Robert — подлежащее,
précède — сказуемое,
Jean — прямое дополнение.

По терминологии французского лингвиста Л. Теньера¹⁰, которой мы воспользуемся для дальнейшего изложения, Robert — 1-й актанта («1-й актер глагольной пьесы») и Jean — 2-й актанта. Предложение (3) выражает, в сущности, следующее: имеются два человека, Робер и Жан, из которых один, Робер, впереди другого — Жана. Но этот смысл можно, очевидно, выразить (иначе: описать данную ситуацию) и со стороны 2-го актанта, при этом здесь представляются две возможности: а) при помощи грамматической перестройки предложения, а именно, употребления пассивной формы:

- (4) Jean *est précédé* par Robert.

или б) при помощи лексической замены, с перестановкой 1-го и 2-го актанта:

- (5) Jean *suit* Robert.

Данное преобразование (5) А. Жолковский и И. Мельчук называют «конверсией»: под конверсией понимается «называние того же самого отношения, что и исходное слово, но взятое в ином направлении»¹¹, т. е. с перестановкой актанта и с соответствующей лексической заменой. Для перефразирования при помощи конверсии необходима «глагольная пьеса с двумя участниками» (Теньер), как минимум.

Явление конверсии, как уже отмечалось, используется в практике перевода¹². Рассмотрим следующие примеры:

⁹ См. Ю. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, стр. 8.

¹⁰ L. Tesnière. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959.

¹¹ А. Жолковский, И. Мельчук. О семантическом синтезе. «Проблемы кибернетики», вып. 19, М., 1967, стр. 199.

¹² См. В. Г. Гак. Соотношение структуры русского и французского предложений при переводе, «Труды ВИИЯ» № 8, 1955; а

- (6) Стремление сделать для общества как можно больше и лучше находит яркое выражение ... в движении за коммунистический труд, которое охватывает десятки миллионов рабочих, крестьян, интеллигенции («50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, стр. 34)
- (6) Le désir de faire mieux et plus pour la société trouve une expression remarquable... dans le mouvement pour le travail communiste auquel *participent des dizaines de millions* d'ouvriers, de paysans, d'intellectuels. (« La Grande révolution socialiste d'Octobre a 50 ans». Thèses du CC du PCUS. Ed. de l'Agence de Presse «Novosti», p. 37)
- (7) Из живой практики они (массы) узнают теперь о преимуществах социализма. (Там же, стр. 57)
- (7) C'est une pratique vivante qui leur *démontre* désormais les avantages du socialisme. (Ibid., p. 61)
- (8) Ма, mère souffrait beaucoup de la gêne où nous vivions. (G. de Maupassant. Nouvelles choisies. М., 1959, p. 158)
- (8) Необходимость урезывать во всем угнетала мою мать. (Г. де Мопассан. Рассказы. М., 1969, стр. 82)
- (9) Il portait bien son nom de bataille, l'abbé Marignan. (Ibid., p. 96)
- (9) Аббату Мариньяну очень подходила его воинственная фамилия. (Там же, стр. 207)

При переводе с использованием конверсии можно наблюдать уменьшение валентности глагола на один актанта (с утратой элементов смысла глагола):

- (10) В священном танце они (мысли) соприкасаются одна с другой и, ярко вспыхнув в мимолетном объятии, рождают новое пламя, новую мысль. (М. Горький. В Америке. М., 1950, стр. 19)
- (10) Elles s'enlacent pour mener leur danse sacrée, et dans l'éblouissement de leur fugace étreinte, *naît une flamme nouvelle*, une nouvelle pensée. (M. Gorki. En Amérique. М., 1949, p. 27)
- (11) На второе подавалась ячная каша, ничем не подмасленная. (И. Бабель. Избранное. М., 1966, стр. 233)
- (11) Comme deuxième plat ils *avaient de la bouillie* d'orge sans aucune matière grasse. (I. Babel. Contes d'Odessa. Р., 1967, p. 137)
- (12) Pendant dix ans, en effet, l'oncle Jules ne donna plus de nouvelles. (G. de Maupassant. Ibid., p. 160)
- (12) Действительно, в течение десяти лет от дяди Жюль не было никаких известий. (Г. де Мопассан. Там же, стр. 84)

также В. Г. Гак и Е. Б. Ройзенблит. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965, стр. 41—48.

В переводах (10—12) использован конверсив (глагол или глагольное словосочетание, употребляемые во фразе, полученной в результате конверсного преобразования), который мы называем «неполным конверсивом».

Нетрудно представить себе и обратную операцию — добавление актанта и повышение валентности глагола. Вот несколько примеров перевода с использованием такого типа конверсива:

(13) Но в Москве <i>сидел</i> боевой товарищ командарма Ворошилова. (А. Толстой. Хождение по мукам. Т. 3. М., 1947, стр. 20)	(13) Mais <i>l'z commandant</i> d'armée Vorochilov <i>avait dépêché</i> à Moscou un de ses compagnons d'armes. (А. Толстой. Sombre Matin. М., 1954, p. 23)
(14) Шла «Кармен». (И. Бабель. Там же, стр. 237)	(14) On donnait «Carmen». (И. Бабель. Ibid., p. 143)
(15) Она сказала, что о всех принятых в гимназию <i>бывает объявление</i> в газетах. (И. Бабель. Там же, стр. 211)	(15) Elle déc'ara que <i>l'zs journaux publient la liste</i> de tous les admis au collège. (И. Бабель. Ibid., p. 105).

Наряду с операциями по «перевешиванию» актантов (фразы 1—9), «добавлению/опусканию» актантов (фразы 10—15) при конверсном преобразовании можно наблюдать «расщепление/сращение»¹³ глагольного узла; следующие ниже примеры иллюстрируют использование этой операции при переводе:

(16) Девочку <i>назвали</i> Басей. (И. Бабель. Там же, стр. 174)	(16) L'enfant <i>reçut l'z nom</i> de Baska. (И. Бабель. Ibid., p. 32)
(17) Мне <i>приказано</i> перед вами занять позицию. (А. Толстой. Там же, стр. 53)	(17) J'ai <i>reçu l'ordre</i> d'occuper les positions devant vos batteries. (А. Толстой. Ibid., p. 69)
(18) ... ему <i>был дорог</i> этот маленький мирок людей. (А. Толстой. Там же, стр. 49)	(18) Il <i>aimait</i> ce petit monde d'hommes. (А. Толстой. Ibid., p. 63)

Конверсное преобразование — один из способов перефразирования; для того, чтобы перейти от исходной фразы к фразе, содержащей конверсив, не требуется никаких других знаний, кроме тех, которые заключены в системе языка и сведения о которых содержатся в словаре.

¹³ А. Жолковский, И. Мельчук. О семантическом синтезе, стр. 190—191.

Для конверсного преобразования, использованного при переводе фраз (19—20) требуются экстралингвистические знания, т. е. знания о том, «как устроен мир». Иначе говоря, необходимо располагать сведениями, содержащимися не в словаре языка, а в энциклопедии. Объединение «под одной крышей» толкового и энциклопедического словарей, как это имеет место в таком словаре, как Ларусс, приобретает особый интерес в связи с использованием при преобразованиях так называемого «семантического вывода».

(19) От морозовской дивизии половина осталась. (А. Толстой. Там же, стр. 54)	(19) <i>La division Morozov a perdu la moitié de ses effectifs.</i> (А. Толстой. Ibid., p. 70)
(20) У него сыпняк был жестокий. (А. Толстой. Там же, стр. 33)	(20) <i>Il avait attrapé le typhus, une forme grave.</i> (А. Толстой. Ibid., p. 42)

Для перевода фразы (19) необходимо знание о том, что, когда на войне остается в действии половина дивизии, то это обычно означает то, что другая ее половина вышла из строя (вероятно, погибла). Для перевода фразы (20) переводчику необходимо знание о том, что тиф — заразная болезнь.

Наблюдения особенностей конверсного преобразования, проводимые автором на материале французского языка, позволяют заключить, что

1) во французском языке имеется группа глаголов, являющихся как бы универсальными конверсивами для многих глаголов. Среди них можно назвать *recevoir*, *connaître*, *émaner*, *passer*, а также глагольные словосочетания: *subir + substantif*, *être l'objet de*, *devenir + adjectif* и др.;

2) совсем, казалось бы, разные по значению глаголы могут быть объединены в связи с наличием у них общего конверсива.

Иллюстрацией к сказанному будет служить конверсив, состоящий из глагола *subir* + имя существительное:

(21) L'auteur <i>a modifié</i> plusieurs fois le texte de son manuscrit.	(21) Le manuscrit <i>a subi</i> plusieurs modifications.
(22) Le candidat du PC <i>a vaincu</i> aux élections le candidat de la droite.	(22) Le candidat de la droite <i>a subi</i> une défaite aux élections, infligée par le candidat communiste.
(23) On <i>a opéré</i> hier ce malade.	(23) Ce malade <i>a subi</i> hier une opération.
(24) Ce livre <i>a charmé</i> tous ceux qui l'ont lu.	(24) Tous ceux qui ont lu ce livre en <i>ont subi</i> le charme.
(25) Les rats <i>ont détérioré</i> bien des livres dans ma bibliothèque.	(25) Bien des livres dans ma bibliothèque <i>ont subi</i> des détériorations à cause des rats.

Такие разные глаголы как *modifier, vaincre, opérer, charmer, détériorer* могут, оказывается, быть объединены тем общим признаком, что у них один общий конверсив — глагол *subir* + существительное.

Легко показать возможность употребления глагола *subir* при переводе следующих предложений русского языка (с использованием конверсного преобразования):

1. Пленного допрашивали долго.
2. За три часа преподаватель проэкзаменовал десять студентов.
3. Сборная СССР по футболу выиграла матч у сборной Турции.

Подводя итог всему сказанному, можно заключить, что понятие конверсного преобразования уточняет представление о синонимии, в частности о том, что нередко называют неясным термином «переводческая синонимия». Конверсив — мощное средство перефразирования, широко применяемое и в практике перевода.

Правда, однозначность описания данной ситуации с помощью исходного глагола и конверсива — не абсолютна, а именно: хотя при конверсии смысл и сохраняется, при этом происходит, тем не менее, изменение в представлении хода мысли, точки зрения на данную ситуацию. Сравним, например, (1) и (2). В (1) говорится о Советском Союзе (который продает), во (2) — о Франции (которая покупает). Это тем более верно для семантического вывода.

Для описания этого изменения придется оперировать понятиями «темы» и «ремы», логического акцента предложения и т. д.

А. Мосьяков
(Москва)

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ПЕРЕВОДОМ

*(На материале общественно-политической лексики
французского языка)*

Вопросы перевода фразеологизмов в теоретическом плане разработаны слабо. Это объясняется, в значительной мере, отсутствием стилистических характеристик фразеологизмов, неизученностью их стилистических функций, а также нерешенностью вопросов взаимосвязи фразеологизмов со сферой употребления.

А. В. Федоров справедливо отмечает: «Характером и ролью стилистических средств, используемых в общественно-политичес-

кой литературе, обуславливаются и задачи ее перевода и направление анализа существующих ее переводов. Своеобразие основной задачи заключается именно в воспроизведении не только всего смыслового содержания и, в частности, словесных средств, играющих терминологическую роль, но и экспрессивной стороны подлинника»¹⁴.

Сравнивая французские фразеологизмы с их русскими переводами, можно выделить следующие виды отношений:

1) эквивалентные, например:

porter l'empreinte — носить отпечаток
donner le ton — задавать тон
rompre la glace — сломать лед
voir tout en noir — видеть все в черном свете
clair comme le jour — ясно, как день и т. п.

2) адекватные, например:

être sur des épines — быть, как на иголках
jeter son argent par les fenêtres — бросать деньги на ветер
tirer au clair — выяснять
couper les ponts — жечь за собой мосты и т. п.

3) «нулевые», например:

prendre la crémallère — праздновать новоселье
faire les 400 coups — вести разгульный образ жизни
avoir pignon sur rue — иметь собственный дом
vendre la mèche — проболтаться и т. п.

В последнем случае мы прибегаем к толкованию лексического значения фразеологизма. Необходимо отметить, что трудность перевода в данном случае возникает в результате отсутствия тождественной образной основы. Перевод фразеологизма ставится во всех случаях в зависимость от его стилистической функции, что особенно проявляется в случае «нулевых» отношений. Например:

Charlotte: Il vous manquait de piétiner la religion.

Esther: Fichez-moi la paix ! Vous faites les quatre cents coups...

(J. Cocteau. « Les monstres sacrés »)

Шарлотта: Вам только не хватало поносить религию.

Эстер: Оставьте меня в покое! Вы сами *вытворяете* черт знает что ... (Р. 118)¹⁵

¹⁴ А. В. Федоров. Основы общей теории перевода. М., 1968, стр. 286.

¹⁵ Примеры взяты из французско-русского фразеологического словаря под ред. Я. И. Рецкера, М., 1963.

Il avait bien profité de la vie autrefois, disait-on, puis **ayant fait les 400 coups** et ayant mangé tous ses héritages, il s'était marié et retiré. (P. G a m a r r a. «Rosalie Brousse»)

Он, как утверждали, неплохо пожил в свое время, но, *перебесизшись как следует* и проев все свое наследство, женился и остепенился наконец. (С. 2780)

По нашему мнению, основные трудности перевода фразеологизмов связаны с передачей образной фразеологии («нулевых» отношений). Здесь имеется ряд трудностей и первая из них — опасность принять фразеологизм за свободное сочетание слов. Вот один из примеров. Несколько лет тому назад у нас демонстрировался фильм Ф. Трюффо «Les 400 coups», переведенный «400 ударов» (фразеологизм *les 400 coups* был воспринят переводчиком как свободное словосочетание). Но даже если фразеологизм правильно понят переводчиком, то задача — донести до русского читателя его образность и экспрессивность — представляется весьма трудной. Надо отдавать себе отчет в том, что воспроизведению подлежит не только смысл фразеологизма, но и его стилистические функции, а для этого необходимо найти в русском языке стилистические факторы, соответствующие языковым средствам, использованным автором. Надо обнаружить ресурсы «функциональных соответствий» в двух сопоставляемых языках, как об этом говорит Е. Г. Эткинд¹⁶.

О важности понимания стилистических функций фразеологизмов для перевода говорит хотя бы следующий пример из статьи Ж. Коньо, опубликованной в «Новом времени»:

«Les idées du léninisme sont comme l'air que respire la France d'aujourd'hui, et la réaction ne cesse pas de s'en étonner. Ses journaux et ses revues **tombent des nues** en constatant la persistance de la lutte de classe et son aggravation... » («Temps nouveaux», N 39, 196, p. 7)

«Ленинские идеи создают живительную атмосферу, которой дышит сегодняшняя Франция, и реакция не перестает удивляться этому. Реакционные газеты и журналы *обнаруживают вдруг*, что классовая борьба продолжается и становится все острее ...» («Новое время», № 39, 1969, стр. 7)

Перевод гораздо «нейтральней», чем оригинал, он обеднен именно потому, что не воспроизведена стилистическая функция фразеологизма *tomber des nues*.

«Исходя из понимания стилистических явлений как процесса и результата выбора языковых средств в целях адекватного воплощения соответствующего содержания», стилистическая функция

¹⁶ См. Е. Г. Эткинд. Поэзия и перевод. М.—Л., 1963.

определяется современными исследователями как «особая роль языковых средств, организованных соответствующим образом в целях достижения различного в каждом конкретном случае эффекта»¹⁷.

При этом реальность стилистической функции подтверждается «наличием в языке потенциальных возможностей реализовать один и тот же план содержания в разных планах выражения»¹⁸.

Мы будем понимать под стилистической функцией определенное отношение, выражающее зависимость фразеологизма от контекста, т. е. контекст и фразеологизм связаны функциональной зависимостью.

В советской науке есть исследования стилистического аспекта фразеологии: работы А. И. Ефимова¹⁹ на материале русского языка, Э. Г. Ризель²⁰ на материале немецкого и др.

А. И. Ефимов занимался анализом фразеологии художественного произведения, ставя перед собой задачи: «... определить состав фразеологических единиц, используемых писателем; установить источники, из которых черпалась эта фразеология; показать, как автор творчески использует этот материал, видоизменяя, обновляя и перемещая из одной стилистической сферы в другую»²¹.

Данные задачи можно, пожалуй, ставить и при исследовании общественно-политической лексики. Однако, говоря о стилистических функциях фразеологии, А. И. Ефимов ограничивается лишь раскрытием «специфики творческого метода автора», познанием «его искусства в привлечении и использовании красочных средств языка для создания ярких образов и картин»²², тогда как эти функции гораздо шире.

В общественно-политической лексике можно выделить несколько групп фразеологизмов:

1) собственно общественно-политическая фразеология (*l'ordre du jour, réserver un accueil (chaleureux) à qn(qch), la course aux armements*);

2) экономическая (*la zone de libre-échange, le pouvoir d'achat, le chiffre d'affaires, l'impôt sur le revenu*);

¹⁷ Э. С. Азнаурова. Стилистическая функция как вторичная функция языка. «Проблемы лингвистической стилистики». Тезисы научной конференции (26—28 марта 1969 г.), 1-й МГПИИЯ им. М. Горького. М., стр. 10.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. М., 1957.

²⁰ См. E. Riesel. *Stilistik der deutschen Sprache*. М., 1959.

²¹ А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. М., 1961, стр. 279.

²² Там же.

3) профессионально-техническая (la chambre à vide, mettre en exploitation, mettre à l'eau);

4) спортивная (faire match nul, marquer le but, être en forme);

5) просторечная (l'esprit à contre-poil, avoir son franc-parler, des hauts et des bas) и т. д.

В газетно-публицистическом стиле четко выделяется сфера «точной информации» и наличие оценочных элементов стиля, часто выраженных фразеологией. Нейтральные фразеологизмы (такие, например, как фразеологизмы экономической или профессионально-технической группы и т. п.) и стилистически-окрашенные (просторечные и др.) должны рассматриваться в разных аспектах.

Употребление фразеологизмов в газетно-публицистическом стиле, их выбор определяется характером сообщения или выступления, а также аудиторией, к которой обращается автор, в них выражено отношение автора к идеям, событиям, фактам, людям, они несут в себе определенную политическую оценку. Выбор фразеологизмов зависит целиком и полностью от их стилистических функций.

Каковы же эти функции? И каковы пути их реализации?

Стилистическая функция фразеологизма может быть 1) нейтральной либо 2) экспрессивно-эмоциональной.

Рассмотрим нейтральную функцию фразеологизмов.

«Un pompiste a été attaqué pendant la nuit de dimanche à lundi, dans une station-service du boulevard Murat (16°), par 3 malfaiteurs armés qui se sont emparés du montant de sa recette — environ 500 francs — avant de **prendre la fuite** en voiture.» (« Le Monde » 1.IV. 69, p. 14)

Обычное сообщение, опубликованное в отделе происшествий газеты «Монд», в силу своей заурядности не нуждается в использовании более выразительных средств.

Нейтральная функция характерна для стиля «точной информации» в газетах и журналах. Мы понимаем под «нейтральной» чисто номинативную, информативную функцию. Фразеологизмы с нейтральной функцией служат для выражения конкретного действия или состояния.

Фразеологизмы с экспрессивно-эмоциональной функцией могут использоваться для выражения:

а) иронии:

«Sous la pluie de la propagande référendaire, le marais des indécis, curieusement, s'étend. Une surprise désagréable pour le gouvernement et le général de Gaulle. Celui-ci, à travers les chiffres, découvre qu'il **parle**, peut-être, **dans un désert**. Personne ne lui répond. Tout se passe comme s'il était seul en France

avec les gaullistes, en face d'électeurs muets. » (« L'Express », N 925, 69, p. 3)

Для выражения иронии автор статьи, посвященной референдуму во Франции, не случайно использует выражение *parler dans le désert вопиять в пустыне*, присущее скорее возвышенному стилю. Ирония усиливается использованием неопределенного артикля. Употребление (и даже чрезмерное!) неопределенного артикля единственного числа в стилистических целях отмечается французскими лингвистами, в частности Ф. Баром²³.

Ирония достигается очень часто за счет использования иронического оттенка, присущего тому или иному фразеологизму (*C'est un beau monsieur! Хороший малый!*; voir qch des yeux de la foi *делать вид, что веришь, чтобы не вступать в спор и др.*).

б) юмора:

За отказ пройти флюорографию администрация школы дважды накладывает на учительницу N. штраф. По этому поводу газета «Le Canard enchaîné» пишет:

« De toute façon, comme elle n'entend toujours pas se laisser radiographier, son cas est pendable. Elle **finira** sûrement **sur l'échafaud**. Voilà ce qu'on fait de la liberté individuelle et de l'**intégrité corporelle** au pays des droits de l'homme ! » (« Le Canard enchaîné ». 16.III. 66, p. 4)

Юмористический оттенок достигается самим построением рассказа, использованием фразеологизма *finir sur l'échafaud* в ироническом плане, трансформацией фразеологизма (*intégrité corporelle* — ср. *intégrité territoriale*).

в) отрицательного отношения:

« Jusqu'à présent, les Français ont fait la **sourde oreille** à toutes les propositions européennes pour réaliser en commun une industrie de l'uranium enrichi, sous les prétextes les plus variés. Persuadés que le temps travaille pour eux et leur permettra de faire monter les enchères. Rien n'est moins sûr » (« L'Express », N 925, 69, p. 25)

В данном примере автор, критикующий позицию Франции по вопросам обогащенного урана, сознательно вводит в свою речь фразеологический оборот *faire la sourde oreille* *прикидываться глухим*, присущий разговорному стилю. Отрицательное отношение достигается использованием элемента просторечья.

Как это видно из вышеприведенных примеров, перенесение некоторых фразеологизмов из одной сферы употребления в другую

²³ См. F. B a r. L'usage abusif de l'article indéfini en français d'aujourd'hui. Le « Français Moderne », № 2, 1969.

способствует возникновению в них особых выразительных свойств (оттенков иронии, юмора и т. п.).

г) сатирического отношения:

« J'ai sous les yeux un discret et joli prospectus, sur papier glacé, de la Société du Grand Armorial de France (**restez couvert**, je vous en prie) qui édite un Recueil généalogique de la bourgeoisie ancienne. » (« Mais ... dit André Wurmser... » P., 1961, p. 14). (Rester couvert *не снимать головного убора*).

Использование нейтрального фразеологизма в ироническом плане (*шляп можно не снимать*), присущем разговорно-фамильярному стилю, создает сильный сатирический эффект.

д) положительного отношения:

« En France, le 15, des défilés auront lieu à Paris et dans d'autres villes en France. Tous ceux à qui est chère la cause du peuple vietnamien **auront à cœur** d'y participer. » (« l'Humanité », 5. X. 69, p. 1)

Употребление фразеологизма avoir à cœur de *считать долгом* вместо devoir, être obligé и т. п. не случайно, ибо позволяет автору выразить положительное отношение к событию. Однако следует отметить, что экспрессивно-эмоциональная функция с положительным оттенком — довольно редкое явление, т. к. частое ее использование делает текст нейтральным.

е) торжественности:

« Willy Brandt **tournera-t-il la page** de la guerre froide? » (« l'Humanité Dimanche », N 240, 69)

Будет ли предана забвению политика холодной войны с приходом В. Брандта?

Торжественность достигается за счет использования лексического значения фразеологизма в риторическом плане.

Нетрудно заметить, что проблема стилистических функций фразеологизмов тесно связана с переводом, ибо от правильности понимания функции зависит точность перевода. Именно поэтому все классы и подклассы функций требуют тщательного изучения.

Стилистические функции фразеологизмов многообразны. Но не всегда устойчивость фразеологических единиц помогает решать задачи воздействия на аудиторию. Поэтому зачастую автор пытается придать фразеологизму другой, не совсем привычный для читателя или слушателя, вид, видоизменить его форму. Но всякое изменение фразеологизма будет одновременно его разложением.

Следует при этом отметить, что разложение фразеологизма сопровождается возрастанием роли его стилистической функции: чем больше разложение, тем сильнее функция. С помощью этого приема

нейтральная стилистическая функция может быть преобразована в экспрессивно-эмоциональную.

Il a raison (нейтральная).

Il a bien raison (усиление).

Il a tout à fait raison (нарастание усиления).

Parbleu, mais il a cent fois raison! (превосходная степень).

Функция становится экспрессивно-эмоциональной. Разложение идет за счет «вклинивания», авторской вставки.

Весьма часто фразеологизмы, теряя в какой-то степени свою фразеологичность, приобретают более яркий оттенок за счет раскрытия их этимологической сущности. Причем зачастую фразеологизм воспринимается как уже более или менее свободное словосочетание. Иначе говоря, усиление стилистической функции влечет за собой ослабление фразеологичности.

Мы будем называть такой вид разложения фразеологических единиц конкретизацией значения компонентов фразеологизма, ибо он имеет целью конкретизировать ситуацию и тем самым вызывать нужный эффект у аудитории. Конкретизация значения компонентов фразеологизма, по нашему мнению, — наиболее распространенный вид разложения фразеологических единиц, используемый в прессе.

Возьмем для примера заголовок статьи, помещенной во французской газете «Le Monde» от 1 апреля 1969 г.: «Lettre de Washington. — Une capitale entre chien et loup.» В статье речь идет о росте преступности в США и, в частности, в столице страны.

Фразеологизм *entre chien et loup* означает *в сумерках* — *à la nuit tombante* («Le petit Larousse»). Автор сознательно прибегает к буквализации фразеологизма, создавая тем самым иронический эффект. Понимание этого особенно важно для перевода, ибо перевод *столица в сумерках* явно не передает стилистической функции данного выражения.

Характерно, что буквальный перевод данного фразеологизма встречается в художественной литературе. Так, В. Панов пишет:

«В сырой, дождливый день осени 1873 года по Невскому проспекту шли два молодых человека. Это был час, по удачному выражению французов, «между волком и собакой» — быстро наступали северные сумерки»²⁴.

Благодаря этому приему стилистическая функция фразеологических единиц усиливается, повышается их эмоциональность и образность. В то же время все это сильно усложняет задачу переводчика. Переводчик становится перед фактом «непереводимости»:

²⁴ В. Панов. Рыцарь бедный. М., 1968, стр. 7.

« Le Parti Communiste Français a pris ses responsabilités. Jacques Duclos est venu l'expliquer aux dockers. Sur le port de Marseille, qui avait, comme d'autres ont, un destin national de circonstance, un destin international avant de s'asphyxier lentement par la grâce d'une administration municipale qui **mène ses électeurs en bateau.** » (« L'Humanité Dimanche », N 220, 1969, p. 8)

В данном примере прием конкретизации фразеологизма позволяет создать сильный иронический эффект (port — bateau — mener qn. en bateau — *дурачить, обманывать кого-л.*).

Игра слов, являющаяся результатом этого приема, представляет большую трудность для перевода, которая может быть преодолена лишь при четком понимании стилистической функции употребленного фразеологизма.

Разложение фразеологических единиц может идти и по другим путям: за счет перемещения компонентов фразеологизма, за счет эллиптического употребления фразеологизма и т. д., но результат один и тот же — усиление стилистической функции, что и должно быть отражено в переводе.

Таким образом, в современном французском языке существуют 2 стилистические функции фразеологизмов: нейтральная и экспрессивно-эмоциональная, имеющая несколько оттенков: иронии, юмора, отрицательного отношения, положительного отношения, торжественности, сатирического отношения и др.

Реализация и усиление этих функций идет за счет:

- 1) использования лексического значения фразеологизма;
- 2) перемещения фразеологизма из одной сферы употребления в другую;
- 3) использования грамматических средств языка;
- 4) разложения фразеологических единиц.

Все вышеуказанные способы не являются случайными явлениями в языке, они обусловлены стилистическими функциями и являются динамическими, часто используемыми средствами языка.

Каждый фразеологизм обладает определенной стилистической функцией, зависящей от контекста, стиля автора, характера всего сообщения и т. п. Сохранить красочность фразеологизма, донести до читателя или слушателя его стилистическую функцию — задача первостепенной важности.

Фразеология французского и русского языков развивается по-разному, подвержена разным влияниям. Надо стремиться не только к точности в переводе смысла фразеологизма, но и к сохранению своеобразия оригинала, иначе говоря, к исчерпывающей передаче стилистических функций. От правильности понимания функции зависит точность перевода.

Г. Богин
(Кокчетав)

О ЗАДАЧАХ И МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ С РОДНОГО ЯЗЫКА НА ИНОСТРАННЫЙ НА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ ЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Упражнения в переводе с родного языка на изучаемый иностранный относятся к числу традиционных приемов учебной работы. Соответственно, как и все традиционные приемы, данный прием подвергался и подвергается критике. В этой критике выделяются два основных аргумента. Во-первых, указывают на то, что и в школе, и в вузе обучать надо языку, а не переводу, поскольку перевод есть специальное упражнение, элемент профессиональной подготовки переводчика. Во-вторых, в критике переводных упражнений настойчиво подчеркивается положение, согласно которому любой перевод с одного языка на другой в любых условиях обучения усиливает языковую интерференцию, которая и сама по себе очень сильна и очень вредна. Согласно этому мнению, при любой форме перевода учащийся в значительной мере занимается именно родным языком, сопоставительным рассмотрением родного и иностранного языка.

Настойчивое повторение в методической литературе этих двух критических аргументов очень мало изменило отношение к переводу с родного языка, во всяком случае, в среде преподавателей-практиков средней и высшей школы. Переводы с родного языка используются в практике преподавания повсеместно и достаточно широко. «Живучесть» этого вида упражнений объясняется, очевидно, практической полезностью учебного перевода с родного языка, и эта практическая полезность может получить, в конечном счете, конкретное методическое определение.

Действительно, перевод связного высказывания с одного языка на другой может выступать в учебных условиях как **упражнение в отыскании и выборе средств выражений** в пределах того языка, на который делается перевод. Выбор средств выражения происходит при синтезировании, построении текста. строится же текст перевода, а отнюдь не оригинала. Это правильно подметил уже К. Д. Ушинский, рекомендовавший в «Родном слове» переводы с иностранного языка на русский в качестве важного приема обучения русскому языку. Мысли К. Д. Ушинского не нашли до сих пор широкого

распространения в практике преподавания русского языка в русской школе, и об этом можно только пожалеть. Переводные упражнения могли бы сыграть важную роль в обучении практической стилистике родного языка.

Так, переводя на уроке русского языка на русский язык английское предложение *A cloud was moving to the hills*, школьник столкнется с **задачей выбора средств выражения в русском языке**. В частности, здесь следует сделать выбор из двух вариантов: «очевидный» вариант *Туча двигалась к горам* и «неочевидный», но правильный *К горам двигалась туча*. Педагогическая ценность такого выбора заключается не только в том, что учащийся должен практически использовать материальные средства выражения категории «определенность-неопределенность» в русском языке. Более существенно, что выбор средств грамматической стилистики при исправлении стилистической ошибки школьника приобретает обоснованный, аргументированный характер. Вместо того, чтобы делать туманные замечания типа «Лучше бы сказать так» или «Так будет звучать лучше», учитель может сказать: «А в оригинале сказано другое, посмотри внимательнее и вырази это по-русски». В данном случае учитель имеет возможность, ссылаясь на языковые особенности оригинала (в частности, на неопределенный артикль перед подлежащим: *a cloud*), вполне обоснованно говорить о том, что **в русском языке К горам двигалась туча** (*a cloud*) — отнюдь не то же самое, что *Туча двигалась к горам* (в этом случае в оригинале значилось бы *the cloud*). Очевидно, переводы с иностранного языка на уроках родного языка могли бы играть немалую роль в обучении практической стилистике языка перевода, т. е. русского языка.

Здесь приходится говорить об очень полезном и не очень распространенном приеме методики обучения русскому языку в русской школе по той причине, что между этой методикой и методикой обучения иностранному языку в педагогическом вузе существует, при всех различиях, принципиальное сходство:

- а) преобладание одноязычного обучения;
- б) параллельная работа над всеми аспектами языка (фонетика, грамматика, лексика; устная речь, чтение, письмо);
- в) установка на достижение совершенства во владении изучаемым языком.

Это сходство относится и к относительно узкой сфере переводной работы. Действительно, если при переводе на родной язык обучаемый постигает практическую стилистику родного языка, то при переводе с родного языка на иностранный положение одновременно является сходным и противоположным: проводится **сходная работа в отношении другого языка**. Иначе говоря, противоположность методической ситуации заключается лишь в том, что перевод с родного

языка заставляет обучаемого заниматься отысканием и выбором средств выражения на иностранном языке, т. е. заниматься именно иностранным, а отнюдь не родным языком. Это в известной мере опровергает аргументацию противников переводных упражнений. Что касается опасности усиления интерференции при выполнении переводов с родного языка, то эта часть критической аргументации противников перевода также опровергается практикой. Как бы парадоксально это ни звучало, есть даже некоторые основания полагать, что переводы с родного языка относятся к числу основных средств преодоления интерферирующего влияния родного языка. В частности, практика преподавания на факультетах иностранных языков убедительно показывает, что студенты почти одинаково ошибаются в выборе средств выражения на изучаемом иностранном языке при выполнении любых репродуктивных упражнений.

Преподавателю приходится слышать (и исправлять) а cloud вместо ожидаемого the cloud (и наоборот) и в одноязычных репродуктивных упражнениях (пересказ, «высказывание по теме» и т. п.), и в переводных упражнениях. Совершенно очевидно, что эта ошибка, где бы она ни встретилась в исполнении русского студента, восходит, в конечном счете, к интерферирующему влиянию русского языка, в котором вообще нет артиклей.

Ошибку эту надо, разумеется, преодолевать различными способами, ни один из которых не может быть универсальным. Не является универсальным способом преодоления этой ошибки и русско-английский перевод, но этот прием имеет определенные преимущества. Так, переводя с русского на английский предложение *К горам двигалась туча*, студент оказывается перед задачей выбора, поставленной специально, да к тому же поставленной в условиях, когда исправление ошибки носит аргументированный характер, поскольку есть оригинал, на языковые особенности которого можно сослаться. Этих условий нет ни при выполнении пересказа, ни при «высказывании по теме», ни при импровизации диалога.

При выполнении упражнений в переводе с родного языка студент как бы получает предупреждение: «Подумай, что выбрать: а или the, — подумай при выполнении этого упражнения для того, чтобы уже не задумываться об этой альтернативе при выполнении других видов работы над языком». Очевидно, интерференция (точнее: осознание формы) допускается для того, чтобы в дальнейшей работе над тем же или сходным языковым материалом языковая интерференция и осознание языковой формы исключались. Здесь мы действуем по принципу «лечи подобное подобным».

Существенно, что по мере повышения уровня знаний студента языкового вуза проблема интерферирующего влияния со стороны действий, связанных с выбором формы, исчезает. Это объясняется

тем, что постепенно вместо выбора в пределах грамматических форм и лексического минимума студент оказывается перед проблемами выбора средств выражения из фонда одного функционального стиля (или его варианта) в противоположность фонду другого функционального стиля. Это изменение в материале выбора происходит по мере того, как характер владения иностранным языком по большинству признаков сближается с характером владения родным языком. Поэтому упражнения в переводе с родного языка существенно различаются в зависимости от этапа обучения, причем соответствующие этапы характеризуются как уровнем речевой готовности студента, так и уровнем его начитанности на иностранном языке.

Действительно, выбор средств выражения при выполнении переводов с родного языка всегда ограничен тем языковым материалом, который может быть привлечен студентом для построения иноязычного варианта. Поэтому использование перевода с родного языка на иностранный может следующим образом видоизменяться в зависимости от этапа обучения.

ПЕРВЫЙ ЭТАП

Выбор средств выражения в пределах материала иноязычного лексического и грамматического минимума (например, выбор между двумя глагольными временами английского языка — Past Indefinite и Present Perfect, поскольку обоим соответствует одно и то же глагольное время в русском языке). Объектом перевода является, как правило, отдельное предложение. Вмешательство преподавателя, исправление ошибок в переводе преследует цель закрепления лексического минимума и основных грамматических правил для последующего использования их в элементарной устной коммуникации, построенной на стилистически индифферентном языковом материале. Упражнение соответствует задачам обучения в средней школе, неязыковом вузе, а также в пределах первого-второго семестров языкового вуза.

Переводы с русского языка на этом этапе обучения в языковом вузе можно проводить на базе действующих учебников (например, на базе учебника английского языка, составленного для I курса авторским коллективом под руководством И. Р. Гальперина). Письменные русско-иноязычные переводы выполняются в основном как обычные лексико-грамматические упражнения. Если по тем или иным причинам в используемом учебнике соответствующие упражнения не представлены, целесообразно использовать или составлять другие переводные упражнения, в которых отражается изучаемый грамматический и лексический материал. Практика пре-

подавания дает основания для следующих рекомендаций по объему работы: от половины страницы русского типографского текста в начале первого семестра и до двух страниц в конце второго семестра.

Начиная с последних недель первого семестра целесообразно ориентировать студентов на обсуждение возможных вариантов перевода — в качестве пропедевтики работы над лексической и грамматической стилистикой, поскольку эта работа планируется на последующих курсах.

Одновременно с письменными переводными упражнениями представляется целесообразным выполнение значительного числа устных тренировочных упражнений в переводе с русского. На этом этапе обучения устные упражнения в переводе могут быть одним из вариантов подстановочной работы, например, фронтальный и быстрый опрос импровизированных переводов с русского в отношении предложений:

Шотландия расположена к северу от Англии.

Кокчетав расположен к югу от Петропавловска.

ВТОРОЙ ЭТАП

Выбор средств выражения в пределах такого материала нейтрального варианта литературно отработанного стиля, который в каждом отдельном случае унифицирован функциональной характеристикой данного отрывка (например, перевод с русского на английский отрывка с описанием городской застройки, в другом случае — сообщение о приезде в нашу страну иностранной делегации и т. д.). Объектом перевода является, как правило, специально подобранный отрывок русской деловой прозы. Обязательно использование большого русско-иноязычного словаря. Преподаватель, исправляющий ошибки в упражнении (обычно путем сравнения и обсуждения вариантов, подготовленных разными студентами группы), преследует цель обучить правильному употреблению лексических и грамматических синонимов в пределах нейтрального варианта литературно отработанного стиля. Упражнение применимо только в языковых вузах, особенно в третьем-четвертом семестрах.

В середине этого периода можно переходить к переводу русских газетных статей на морально-бытовые темы, далее — на политические темы. Практически целесообразно выполнение перевода с русского на иностранный язык в письменной форме при выполнении домашних заданий; в аудитории же варианты обсуждаются, привлекаются теоретические указания из области практической стилистики английского языка (стиль газеты, деловой прозы

и т. п.). Реальный для педагогического вуза объем работы — 6 000—8 000 печатных знаков русского газетного текста в неделю («Известия» или «Комсомольская правда», материал политической информации). Поскольку для этой работы нужны образцы на иностранном языке для ориентировки и подражания, одновременно используется и комплект английских оригинальных газетных текстов, а также любое из имеющихся пособий по «языку газеты» и проч.

Переводы газетных текстов значительно легче и лингвистически беднее, чем переводы текстов художественных. Между тем, в практике факультетов иностранных языков многих педагогических институтов становится «традицией» включение в экзаменационные вопросы на государственных экзаменах требования *Render into English the newspaper article...* Это требование далеко не соответствует необходимому уровню требований на государственных экзаменах в языковом вузе по ряду причин, из которых можно отметить, по крайней мере, две:

1. Не только пересказ на английском языке русского газетного текста, но даже и собственно перевод русского газетного текста предоставляет студенту довольно ограниченный выбор средств выражения — выбор, посильный студенту второго курса. Например:

«Все большее число делегаций трудящихся из зарубежных стран посещает Советский Союз. Все они встречают самый радужный прием, получают возможность близко познакомиться с жизнью советского народа, его делами и планами».

Перевод:

“More and more workers’ delegations from foreign countries are visiting the Soviet Union. All of them receive a most friendly welcome and have an opportunity to obtain a close insight into the life, work and plans of the Soviet people.”

Вариативность перевода каждого отрезка приведенного текста, очевидно, ограничена, во-первых, почти абсолютным единством стиля в отрывке, во-вторых, преобладанием однозначных иноязычных соответствий — «штампов», в-третьих, почти полной эмоциональной нейтральностью языкового материала, в-четвертых, отсутствием сколько-нибудь трудных задач в передаче экспликации (расширение плана выражения при сужении плана содержания) и импликации (расширение плана содержания при сужении плана выражения). Этих ограничений вариативности перевода мы не находим в художественном тексте.

2. Задача «передать содержание» (rendering) доступна и первокурснику, поскольку все сомнительные, с точки зрения точности

перевода, места оригинала можно попросту обойти. Например, иногда получается satisfactory rendering такого рода (см. вышеприведенный русский оригинал):

“Many delegations of workers come to our country. They are met in a friendly way and they have a chance to know much about the life of our people.”

Очевидно, что для выполнения подобной препарации текста необязательно даже знать слова visit, welcome, friendly, opportunity, obtain, insight и проч., — можно «выйти из положения» вообще на базе знания лексического минимума восьмилетней школы. Однако не менее очевидно и то, что эта препарация является весьма неточным и отдаленным выражением «языка газеты», как он существует в действительности, с его насыщенностью лексическими, фразеологическими и грамматическими средствами выражения. Почти универсальная субститутивность средств выражения в любом языке позволяет репродуцировать любой текст с любой степенью примитивации и неполноты, но задачи языкового педагогического вуза, выполнение которых демонстрируется на государственном экзамене, отнюдь не заключаются в использовании именно этого феномена языкознания.

Перевод газетных текстов должен занять определенное место в обучении, но не как итог обучения переводу (и вообще репродуцированию русского оригинала) в языковом педагогическом вузе, а как срединный этап, подготавливающий к более высокому уровню умений, — уровню, который в отношении данного аспекта учебной работы можно считать соответствующим итоговым требованиям языкового вуза.

ТРЕТИЙ ЭТАП

Выбор средств выражения в пределах всех вариантов как литературно отработанного, так и свободного («разговорного») стиля, включая также и случаи авторского смещения вариантов стиля и собственно стилей в оригинале. Объектом перевода является любой текст, но чаще всего — художественный, поскольку именно последний, при сплошном просмотре значительного объема текстового материала, презентует весьма разнообразные стилистические варианты. Среди этого разнообразия отнюдь не последнее место занимает свободный («разговорный») стиль, представленный либо как функционально обусловленные вкрапления стилистически чужеродных элементов в описательный текст, либо как авторская презентация диалогической речи. Авторская презентация свободного стиля весьма ценна в учебном отношении в силу определенной кон-

концентрации выразительных средств этого стиля, концентрации, обусловленной стремлением автора дать речевую характеристику персонажа. Если студент много раз встречался с авторской презентацией свободного стиля в художественной литературе как на родном, так и на изучаемом иностранном языке, то перевод с родного языка может рассматриваться также и как один из источников обучения свободному стилю, т. е. **естественности речи**, несмотря на сугубую **искусственность** обстоятельств обучения при выполнении переводных упражнений. Руководство выполнением этих упражнений на данном этапе (возможном лишь на старших курсах языкового вуза) осуществляется всегда в форме обоснования и обсуждения вариантов перевода, совмещается с планомерным введением информации из области стилистики и преследует ряд целей:

1. Обеспечение **стилистической адекватности** перевода. Необходимо отметить именно понятие стилистической адекватности, поскольку литературно-художественная адекватность («литературность») перевода с родного языка даже в языковом вузе так же маловероятна, как «литературность» перевода с иностранного языка на родной в исполнении вполне грамотного человека, превосходно владеющего родным языком. «Литературность» перевода, как и вообще всякого конструируемого прозаического текста, достигается только писателями, да и то не всегда.

Против переводов русских художественных текстов часто выдвигается аргумент: «Все равно ни при каком обучении студенты в массе не способны выразить на иностранном языке красоту языка прозы Пушкина и Тургенева». Этот аргумент одновременно основателен и неоснователен. Красоту языка Тургенева на английский язык не может передать вообще большинство филологически образованных людей, — как тех, для которых родным языком является русский, так и тех, для которых родным языком является английский. Массовое упражнение для массовой вузовской аудитории вообще не может ориентироваться на редчайшие экземпляры людей, одаренный талантом создавать подлинно художественную прозу, тем более прозу на уровне Пушкина и Тургенева.

Вместе с тем, проза Тургенева, по сравнению с русским газетным текстом, явно богаче с точки зрения насыщенности теми элементами языкового материала (стилистически обусловленный выбор лексических, грамматических, стилистических «синонимов»), которые существуют не только в «языке Тургенева», но и в русском языке вообще. Иначе говоря, эта проза насыщена, в весьма разнообразных сочетаниях, элементами, которые надо уметь выразить и на изучаемом иностранном языке. Именно такая проза, если ставится задача перевода ее на изучаемый иностранный язык, знакомит студента со своеобразной диалектикой системы выразительных

средств: при почти универсальной субститутивности средств выражения ни одно конкретное средство не является полностью синонимичным другому, и поэтому выбор любого средства дает новый семантический результат. Методически это обстоятельство очень важно, поскольку благодаря ему учебный перевод с родного языка художественной прозы дает студенту огромный простор для припоминания средств выражения, выбора их и обоснования этого выбора.

Обеспечение стилистической адекватности синтезируемого текста не является единственной целью выполнения переводов на данном этапе обучения. Одновременно преследуются и некоторые другие цели, соответствующие общим задачам обучения практической стилистике соответствующего иностранного языка.

2. Выработка «чувства» стилистической адекватности продуцируемого текста (имеется в виду стилистическая адекватность текста его предметному содержанию, т. е. вообще важнейшая черта владения практической стилистикой устной и письменной речи). Для выработки этого «чувства» полезно делать параллельные переводы одного и того же отрывка с русского: один перевод выполняется в условно-«нейтральном» стилистическом варианте (студенты обычно владеют этим вариантом независимо от воли преподавателей), другой — в заданном варианте (с последующим сопоставлением получившихся текстов).

3. Актуализация («мобилизация») всех хранимых в памяти студента средств выражения, включая и весьма большой лексический запас. Для того, чтобы сделать выбор в материале репродукции, надо сначала припомнить этот материал. Реминисценция — один из наиболее активных процессов памяти, и этот процесс способствует «закреплению и повторению» материала больше, чем любой вид опроса правил и вокабул. Совершенно ясно, что требование актуализации всех хранимых в памяти студента средств выражения выполнимо лишь в том случае, если эти средства выражения действительно хранятся в памяти. Иначе говоря, это требование выполнимо лишь при условии, что обучение с первого семестра пребывания в языковом вузе обеспечивает самую широкую и серьезную начитанность студента на изучаемом иностранном языке. Немаловажную роль может играть также процесс синтеза информации, полученной на занятиях аналитическим чтением на старших курсах; это особенно существенно, если занятия аналитическим чтением строятся именно как сплошной анализ выразительных средств текста по принципу сопоставления того, как, с одной стороны, нечто может быть выражено простейшим способом и, с другой стороны, как и почему именно так это дано у классика литературы.

4. Выработка «чувства меры» в использовании средств выражения. В первую очередь это следует отнести к мере соотношения импликации с экспликацией (см. выше), поскольку именно мера соотношения импликации и экспликации является тем признаком речи, по которому стили (особенно свободный стиль) реально делятся на варианты. Существенны, хотя и в меньшей степени, также мера насыщения текста (письменного и устного) фигурами и мера стилистической компенсации (последняя играет роль только при переводе, пересказе услышанного или прочитанного и других действиях, связанных не столько с продуцированием, сколько с перекодировкой языкового материала текста).

Выполнение переводных упражнений на последнем (третьем) этапе будет более успешным, если учебный труд студента будет опираться на некоторые специальные лексикографические и практически-стилистические пособия, которые еще только предстоит создать. К числу важных вопросов, которые здесь предстоит решить, относится, в первую очередь, количественное и качественное обоснование градации трудностей перевода с родного языка. Каждый преподаватель, ведущий преподавание перевода с русского на английский в общем знает, что проза Гайдара легче дается студентам, чем проза Тургенева. Замечено, что разные произведения одного и того же автора могут, с точки зрения учебного перевода с русского, относиться к разным уровням трудности (например, «Рудин» Тургенева проще в этом смысле, чем «Записки охотника»). Подобные наблюдения все же слишком эмпиричны для того, чтобы можно было построить более или менее общую систему критериев, позволяющих более или менее точно определять, какому моменту (подэтапу) обучения соответствует любое рассматриваемое произведение русской прозы (включая и вновь появляющиеся книги советских авторов).

Далее, испытывается острая потребность в теоретическом обосновании типа и структуры пособий по переводу с русского языка, преследующих задачи обучения практической стилистике того или иного иностранного языка. Возможно, что эти пособия должны в чем-то быть сходны с пособиями по аналитическому чтению (см., например, «Английская проза XVIII—XX веков» И. В. Арнольд и Н. Я. Дьяконовой, Л., «Просвещение», 1967). В частности, в книге И. В. Арнольд и Н. Я. Дьяконовой дается по каждому автору образец анализа английского текста, а затем текст того же автора для анализа. Возможно, и в пособии по переводу с русского и по практической стилистике следует давать обоснованные и комментированные (профессиональными переводчиками русской прозы на другие языки) образцы синтеза иноязычного текста в сравнении с русским оригиналом, сопровождаемые сходными текстами того же

автора для сходного синтеза. Целесообразно представить в некоторых случаях **разные** (и по-разному обоснованные и комментированные) переводы одного и того же русского текста. Далее, нужно — также и из соображений «лечения подобного подобным» — как-то обобщить типичные ожидаемые ошибки в выборе средств выражения и составить своего рода «профилактические» упражнения. Особенно важны упражнения, обостряющие внимание к экспликативным и имплекативным выразительным компонентам оригинала, способам их сочетания в оригинале и переводе.

Аспект преподавания «русско-иноязычный перевод и практическая стилистика изучаемого иностранного языка» должен занять подобающее место в практике работы факультетов иностранных языков педагогических вузов. Мы нередко встречаемся с выпускниками этих вузов, жалующихся на «забывание языка», — забывание иногда столь основательное, что учитель после ряда лет работы в школе затрудняется при чтении нового для него оригинального текста. Вместе с тем, подобные факты деградации практически не встречаются среди людей, в вузовском обучении которых сочетались, по крайней мере, три вида работы над такстом: обильное чтение иноязычной прозы, серьезный выборочный анализ иноязычных прозаических текстов, опыт синтеза иноязычной прозы (путем переводов с родного языка). Человек, который по-серьезному синтезировал прозаические тексты на лексико-грамматическом (естественно, не художественном) уровне оригиналов, может через десять лет разучиться этому синтезированию. Но и через двадцать лет он не разучится хотя бы **рецепции** оригинальных текстов, уровня сложности языкового материала которых он когда-то достигал **репродуктивным** путем.

Г. Чернов
(Москва)

ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ПОСТРОЕНИИ КУРСА УСТНОГО ПЕРЕВОДА

При построении схемы курса устного перевода применительно к условиям МГПИИЯ можно было бы выделить основной курс в количестве 84 часов, общий для всех студентов переводческого факультета, и спецкурс синхронного перевода в количестве 104 часов, для одной-двух групп по каждому языку.

В общем курсе целесообразно, в соответствии с предложениями Р. К. Миньяр-Белоручева¹, выделить подготовительный этап, курс двустороннего и курс последовательного перевода с записью.

¹ См. Р. К. Миньяр-Белоручев. Методика обучения переводу на слух. М., 1959.

Основные моменты предлагаемой схемы курса ясны из прилагаемых таблиц, к которым все же целесообразно дать несколько пояснений.

Надписи в таблице № 1 показывают тематику изучаемого материала (под темой мы понимаем в данном случае не тему переводимого сообщения, а тему занятия). Примерное соотношение материала для каждого урока можно получить по горизонтали на любом этапе курса. Выделенная жирной линией часть таблицы показывает внеязыковые навыки, остальная часть — лингвистический аспект урока.

Естественно, что внутри основных разделов курса — подготовительного этапа, работы над двусторонним и последовательным переводом — возможно показать лишь принципиальную тенденцию в соотношении разных видов работы. Конкретно такое соотношение будет определяться и уровнем усвоения материала студентами, и конкретным характером преподавания.

Нескольких отдельных замечаний требует раздел по спецкурсу синхронного перевода.

Приведенные в части лингвистического аспекта основной части таблицы № 2 темы занятий даны в виде примера, ибо они не обязательно все будут в полной мере касаться других комбинаций, кроме англо-русской и русско-английской. Однако на основании материалов «Пособия по устному переводу с испанского языка на русский» Г. Я. Туровера, И. А. Триста и А. Б. Долгопольского можно сказать, что методы речевой компрессии, проблемы сочетаемости и вопросы передачи стилиевой характеристики речи оратора будут, по-видимому, применимы и к испанско-русской комбинации синхронного перевода. В меньшей степени, по-видимому, коснется русско-испанской комбинации проблема передачи порядка слов русского сообщения, где часто предложение начинается с дополнения, как и в испанском языке, что, как известно, вызывает особую трудность для русско-английской комбинации.

Что касается так называемой «внелингвистической» части² (треугольник, выделенный жирной линией), то она, по-видимому, является более универсальной и касается любой комбинации синхронного перевода в пределах русского языка и основных западных языков.

В настоящих предложениях учтены как вышедшие работы по методике преподавания устного перевода, так и опыт преподавания курса синхронного перевода в МГПИИЯ им. М. Тореца, а также на Курсах переводчиков ООН при МГПИИЯ.

² В разделе спецкурса эта часть не является чисто внелингвистической, она затрагивает лишь преимущественно психологические моменты.

ТАБЛИЦА-СХЕМА № 1

Общий курс устного перевода (всего 84 часа)

<p style="text-align: center;"><i>Подготовительный этап и двусторонний перевод</i></p> <p style="text-align: center;">(IV курс, 8-й семестр, по 2 ч. в неделю, всего 32 часа)</p>		
<p><i>Упражнения подготовительного этапа, вневлигвистического характера:</i> <i>развитие внимания, смыслового анализа сообщения, кратковременной</i></p>		
<p style="text-align: center;"><i>памяти, навыка пере-</i></p>		
<p><i>Упражнения подготовительного этапа, направленные на развитие навыка восприятия</i></p>	<p style="text-align: center;"><i>ключения</i></p>	<p><i>ного этапа, направленные на устную речь на иностранном языке</i></p>
<p><i>Двусторонний перевод</i> <i>беседы</i></p>	<div style="display: flex; justify-content: space-between;"><div style="width: 45%;"><p>1) <i>Лексика и фразеология по основным темам</i></p></div><div style="width: 45%;"><p>2) <i>Систематическая активизация навыков разговорной речи</i></p></div></div>	
<p style="text-align: center;"><i>Последовательный перевод</i></p> <p style="text-align: center;">(V курс, 9-й семестр, по 2 ч в неделю, всего 36 часов)</p> <p style="text-align: center;">(V курс, 10-й семестр, по 2 ч в неделю, всего 16 часов)</p>		
<p><i>Подготовительные упражнения и система записи</i></p>	<p style="text-align: center;"><i>Упражнения, направленные на развитие навыков:</i></p> <div style="display: flex; justify-content: space-between;"><div style="width: 45%;"><p>1) <i>смыслового анализа</i></p></div><div style="width: 45%;"><p>2) <i>памяти</i></p></div></div> <p>1) <i>буквенная скоропись, 2) символы и 3) оформление логико-синтаксических отношений</i></p>	
<p><i>Тренировка в последовательном переводе с наращиванием длительности переводимого сообщения</i></p>		

Примечания к таблицам:

1) Пунктиром показан постоянный рост требований к полноте передачи информационного содержания сообщения.

2) Выделенная жирной линией часть таблиц показывает вневлигвистические факторы, невыделенная — языковые. Именно поэтому в графе «иностранно-русская» и «русско-иностранная» комбинация приводится лишь пример в применении к англо-русской и русско-английской комбинациям синхронного перевода.

ТАБЛИЦА-СХЕМА № 2

Синхронный перевод (спецкурс)

(V курс: 9-й сем., по 4 ч. в нед.—всего 72 ч.;
10-й сем., по 4 ч. в нед.—всего 32 ч. Итого 104 ч.)

На разных этапах работы внимание преподавателя последовательно сосредоточено на следующих моментах:

<p>Понимание на слух устной речи на иностранном языке:</p> <p>1) Нормальной, среднего темпа, на знакомую тему</p> <p>2) Речи с языковыми помехами:</p> <p>А) Усложнение тематики</p> <p>Б) Усложнение лексики и синтаксиса сообщения</p> <p>В) Введение ораторов с локальными отклонениями от нормы в речи</p>	<p>1) Развитие навыка распределения внимания и самоконтроля над речью</p> <p>2) Развитие контекстной догадки</p> <p>3) Навык посчитаемного перевода</p> <p>4) Постановка голоса</p> <p>1) Компрессия речи:</p> <p>а) Лексическая</p> <p>б) Синтаксическое упорядочение</p> <p>2) Сочетаемость типов:</p> <p>« глагальное сказуемое + дополнение »</p> <p>« атрибут + определяемое слово »</p> <p>3) Вопросы стиливого оформления речи</p> <p>4) Интонация и логическое ударение</p> <p>Иностранно-русская (англо-русская) комбинация</p>	<p>1) Сочетаемость слов</p> <p>2) Вопросы порядка слов в применении к синхронному переводу</p> <p>3) Компрессия речи и проблемы передачи стиля сообщения</p> <p>Русско-иностранная (русско-английская) комбинация</p>
--	--	--

СОДЕРЖАНИЕ

I. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина

(Из переводческой практики В. И. Ленина)

А. Кононюк. Перевод В. И. Лениным некоторых безэквивалентных общественно-политических терминов с английского языка на русский	3
В. Гак. Иноязычные выражения в произведениях В. И. Ленина и их перевод	25

II. Вопросы теории перевода

А. Швейцер. Возможна ли общая теория перевода?	35
В. Комиссаров. К вопросу о сопоставительном изучении переводов	46
Г. Туровер. К проблеме конвергенции фразеологических параллелей	50

III. Вопросы художественного перевода

Т. Остудина. И или но	60
Ю. Волков. Сопоставление как способ анализа стиля художественного произведения	71

IV. Конкретные вопросы переводческой практики

Л. Юшина. О некоторых особенностях перевода английских сочетаний типа (n)+(n) на русский язык	78
Е. Штайер. О конверсионной трансформации	84
А. Мосьяков. К вопросу о связи стилистических функций фразеологизмов с переводом	89

V. Вопросы методики преподавания перевода

Г. Богин. О задачах и методике обучения переводу с родного языка на иностранный на педагогических факультетах языковых вузов	98
Г. Чернов. Предложение о построении курса устного перевода	108

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА. Ученые записки № 7. Редактор В. П. Торпакова. Издательский редактор Н. И. Бажанова. Обложка художника Б. П. Кузнецова. Художественный редактор Г. Ф. Скачков. Технический редактор А. А. Павловский. Корректоры В. Г. Рикс, Н. С. Новова. Сдано в набор 20/1 1970 г. Подписано в печать 23/VI 1970 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 5,88. Уч.-изд. л. 7,26. Тираж 13 000 экз. Издательство «Международные отношения», Москва, И-90, Мещанская, 7. Зак. № 808: Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, 14, ул. Свободы, 97. Цена 29 коп.